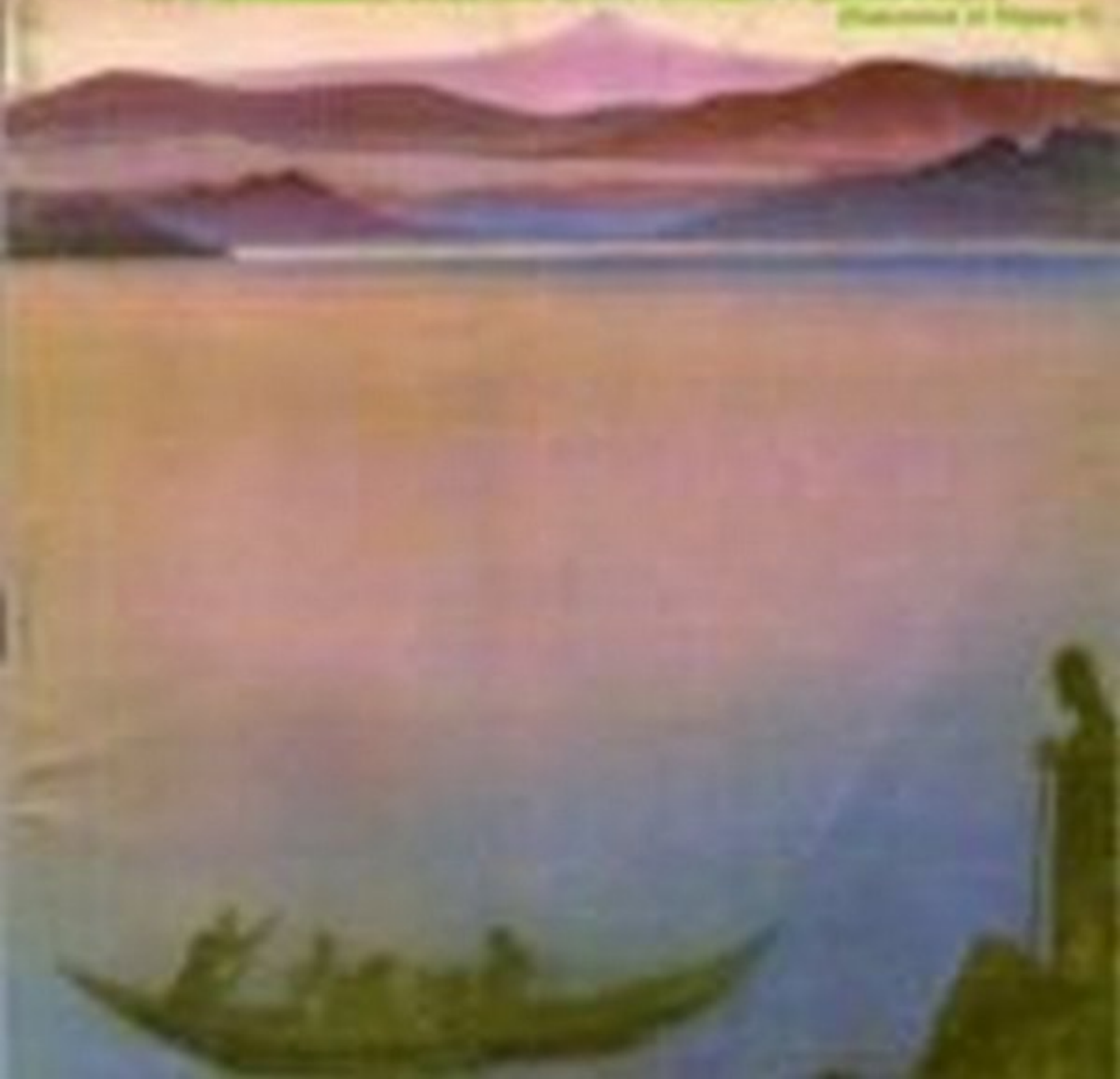


C E B

CONSERVATION OF ENVIRONMENTAL BIODIVERSITY
IN THE CEBUAN ARCHIPELAGO
IN THE PHILIPPINES
A JOURNAL OF THE
PHILIPPINE ENVIRONMENTAL BIODIVERSITY SOCIETY





Селена Елена Вселенная

№2 ОКТЯБРЬ 2003 г

*Твори себя и мир вокруг твори
С таким же чувством,
как творят молитву.*



Основатель журнала: движение "Совершенный Человек – Совершенное Общество"

Содержание:

2 *Обращение к читателю*

3 *КО ДНЮ РОЖДЕНИЯ Н.К. РЕРИХА*

В начале было Слово

8 ЗАБЫЛИ ЯЗЫК

Наука и философия

15 СОЗНАНИЕ И ЖИЗНЬ

17 СЕНСАЦИЯ – СКРЫТЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ
ВСЕЛЕННОЙ

Христианство как оно есть

20 ОРИГЕН И ЕГО "О НАЧАЛАХ"

22 ПСИХОЛОГИЯ СВЯТОСТИ (М.МЕНЬШИКОВ)

24 ГЕРОИ ВРЕМЕНИ (М.МЕНЬШИКОВ)

Искусство

26 СВЕТ НАДО ЗАГАСИТЬ

30 ГОРОДСКОЙ РОМАНС

31 ФАКЕЛЫ КВАЗИМОДО

Институт Материнства

47 ЖЕНЩИНА СПАСЕТ МИР

Агни-йога "Золотое Руно"

49 ПИСЬМО БЛАГОДАРНОСТИ

Мир и Мировые события

50 ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО В ТБИЛИСИ, 2003

Детская страничка

52 О ЧЕМ КРИЧАТ СОВЫ ПО НОЧАМ

66 ВОЛШЕБНЫЙ МИР ФАНТАЗИИ

68 СТРАНИЧКА ЮНОГО ПОЭТА

71 ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Редакционная коллегия:

Тамара Агаджанова-Преображенская, Елена Бежанян, Элина Гелашвили, Михаил Мамулашвили (Президент движения "Совершенный Человек – Совершенное Общество"), Тамаз Тавадзе (Главный редактор), Наталья Фокина.

Ответственный секретарь: Оксана Скибицкая

Стилист-корректор: Майя Гайдарова

Компьютерный дизайнер: Вахтанг Ратишвили

АДРЕС РЕДАКЦИИ: УЛ ЧУБИНАШВИЛИ №38

ТЕЛ: +995 32 95-16-49

www.georgia.agni-age.net

www.zolotoeruno.cjb.net

E-mail: agni@posta.ge

Тираж 499 экз. Цена 3 лари.

На первой странице обложки картина :
Н.К.Рериха "ГЕНИСАРЕТСКОЕ ОЗЕРО"



Обращение к читателю

161. ...Если кто усложнит шествие народов, тот может получить венок невежества. Нельзя оправдываться незнанием законов, также непристойно для водителя переменить направление на обратное. Никто не может руководиться личным, но, сопоставляя ценности Общего Блага, можно выбрать путь скорейший. Нужно не рассыпать ни одной возможности.

Кажется, сказана простая, надоевшая истина, но ведь ее никто не применяет, и план действий изговоряется во тьме комнаты, а не на сторожевой башне.

Надо наблюдать не так, как хочется, но так, как есть в действительности.

162. Кто уверяет о своей преданности реальному и достоверному, тот должен особенно приветствовать распознавание действительности. Не притворное заикание перед методом признанного авторитета, но борение и горение исканий действительности. Именно, неудержно, именно, неизменно в ярости устремления, когда высокая гора, как маленький холм, не закрывает пространства.

Среди взлетов научаемся великому дару терпения. Сияющее, творческое терпение не походит на мутный плащ непротивления злу. Как неудачные рыбаки, сидят согбенные непротивленцы. Их ставка на длину нити пряжи не может обуздать танец стихий. Творческое терпение знает ключи Нового Мира, потому терпение творит мощь и с каждым часом действительности напрягается.

Непротивление подобно долгооткрытому флакону благовоний, но творческое терпение как старое вино затворенное.

Следите за напряженностью творчества в каждом социальном построении. Верно то построение, где окрыляется разнообразное творчество. Если творчеству тягостно, это верный знак ошибки в построении. Этим ошибкам не давайте гнездиться. Зовите каменщиков, перекладывайте стены, пока песнь не зазвучит свободно...

Ко дню Рождения Н.К. Рериха

“Величие жизни и творчества Николая Константиновича Рериха трудно переоценить. Когда я думаю о Николае Рерихе, я поражаюсь размаху и богатству его деятельности и творческого гения. Великий художник, великий ученый и писатель, археолог и исследователь, он касался и освещал множество аспектов человеческих устремлений,” – так говорил о Н. К. Рерихе Джавахарлал Неру, знавший его лично и очень ценивший дружбу с ним.

Разносторонность дарований этой уникальной личности сопоставима, пожалуй, лишь с великими творцами эпохи Возрождения и в первую очередь с Леонардо да Винчи.

“Добрый и терпеливый, никогда не терявший попусту ни секунды времени, гармонично сочетающий ощущение напряженности и благожелательства, всегда думающий о благополучии окружающих его людей, он как личность являет собой образец человека, для которого жизнь стала великим подвигом, высоким служением... Всю свою жизнь он щедро дарил свой талант, и лишь в будущем можно будет понять все им сделанное...”

Он был истинным патриотом и горячо любил свою Родину, но он принадлежал всему миру... Весь мир был полем его деятельности. Каждая страна представляла для него особый интерес и особое значение. Каждая философия, каждое учение жизни были для него путем к совершенствованию и жизнь для него была великими вратами будущего.. Он во всем стремился к прекрасному: и в живописи, и в литературе, и в общественной жизни. Это великолепное воплощение необыкновенной, возвышенной мысли... Его знания были настолько широкими, что трудно найти те уголки, куда не проникал его пылкий ум. Он был тем возвышенным человеком, которого описывал Конфуций, говоря о более совершенном человеке...

Николай Константинович обладал совершенно изумительной памятью, он мог вспомнить самые сложные тексты, какое-нибудь стихотворение, которому его учили в детстве, он помнил полностью всю жизнь.

Эта богатая одаренность вместе с дисциплиной, которую он считал необходимой для каждого человека, помогли ему подняться на высшую ступень творчества...

Николай Константинович всегда думал, что, в конце концов, главная задача жизни – это

самосовершенствование. Он всегда работал над самим собой, прежде всего. Он хотел подняться над тем, кем он был, и закончить свою жизнь более совершенным человеком. И в этом он преуспел. Он стал исключительным человеком, человеком мудрым, замечательных личных качеств”, – писал в своих воспоминаниях об отце сын, ученик и единомышленник Николая Константиновича Рериха – Святослав Рерих.

Николай Константинович оставил после себя огромное замечательное творческое наследие. Постепенно, шаг за шагом, открывает мир для себя грани его изумительной, всепроникающей деятельности. И, хотя признание и успех сопутствовали Рериху всю жизнь, пройдет еще немало времени, прежде чем все, созданное этим великим человеком, будет освоено и оценено. Множество людей во всем мире имеют счастье прикоснуться к этому великому источнику Истины и Красоты, работать над введением в свою каждодневную жизнь этого наследия, над открытием миру той или иной стороны его творчества.

Необычность Н. К. Рериха, величие его жизненного подвига были, пожалуй, предопределены местом его рождения и детских игр, наставниками и учителями, стоявшими рядом с ним в годы его становления как человека и творца, и, конечно же, выбором спутницы жизни.

Н. К. Рерих родился в Петербурге в 1874 г. в городе, который с первых дней возникновения соединил в себе культуры Запада и Востока, и, гармонично влив эти новые потоки в русло славянской культуры, синтезировав в недрах своих все эти течения, вылил на просторы РОССИИ новый мощный творческий поток, который позволил городу на долгие годы стать культурным сердцем России, и не только России.

“Человек и Город как бы обусловили друг друга и были связаны друг с другом теми неразрывными узами, которые исключали всякую случайность”, – пишет Л. Шапошникова.

Маленький Рерих проводил лето в имении своего отца в Изваре, уже в самом названии которой, звучала Индия – страна его устремлений, где он проведет последние двадцать пять лет своей жизни. На ее древнем языке “Ишвара”, “Исвара” – означает Бог – Владыка. Дом был построен в екатерининское время и принадлежал тому графу Воронцову, который, по преданию, побывал в Индии вместе с графом Сен-Жерменом. Видимо, с тех же времен



осталась на стене и столь любимая юным Рерихом картина с изображением высокой горы, которая не раз приковывала к себе внимание мальчика. Название ее узнает он уже в Индии – Конченджанга – увидев ее воочию. Николай Константинович долгие годы будет жить у ее подножия, много и упоенно рисовать ее.

Окрестности Извары изобиловали древними курганами, они будили воображение юного Рериха, манили к себе своей загадочностью и тайной.

Свои первые раскопки Рерих провел в девять лет, и археология на всю жизнь стала одной из его привязанностей и профессий. Много лет спустя, Н.К.Рерих напишет: “Щемяще приятное чувство первому вынуть из Земли какую-нибудь древность, непосредственно сообщиться с эпохой, давно прошедшей. Колеблется седой вековой туман; с каждым взмахом лопаты, с каждым ударом лома раскрывается перед вами заманчивое тридцатое царство; шире и богаче разворачиваются чудесные картины.

Сколько таинственного! Сколько чудесного! И в самой смерти – бесконечная жизнь!”

Раскопки на севере России, в Новгороде, в Тибете, в индийских Гималаях, дали Рериху возможность выдвинуть гипотезу о единой пракультуре человечества, поиски доказательств которой вел он всю свою жизнь. Эти прозрения и предвидения поначалу казались ученым фантастическими “археологическими грезами”, но время идет, и все большее число ученых обращается к наследию Н.К.Рериха, находя подтверждение его высказываниям, размышляя о той Истине, которая за ними стоит.

Так же рано, как увлечение археологией и Востоком, пришло к Рериху и увлечение живописью. Красота торжественных, строгих северных пейзажей вокруг Извары “так и просилась на холст. Реалии жизни переплетались с образами, рождавшимися внутри художника, его богатый внутренний мир получал на полотнах свое воплощение”. В магических сочетаниях света и тени, колористических переливах красок рождалась красота – передававшая красоту реального мира,

наполненная музыкой и сказкой.

И это свое детское увлечение пронесет Рерих через всю свою творческую жизнь, став великим мастером, оставившим потомкам более семи тысяч картин. И каких картин!!!

Он поступил в Петербургскую Академию Художеств, которую с блеском закончил в 1897 году. И снова маленькое чудо, не случайная случайность – он попал в мастерскую Куинджи – замечательного художника, человека высоких философских идеалов и огромной нравственной чистоты. Он стал для юного студента не только учителем живописи, но и учителем жизни, недаром на склоне лет, вспоминая о Куинджи, Н. К. Рерих соединяет с его именем священное понятие Гуру – духовного наставника.

Был у Рериха и еще один не менее именитый наставник – его духовником был Иоанн Крондштатский – причисленный к лику святых, обладавший высокими духовными, моральными и гражданскими качествами.

Решающей для жизни и всей духовно-творческой работы Николая Константиновича была его встреча с Еленой Ивановной Шапошниковой, выдающейся женщиной XX столетия, подвиг которой в должной мере еще не оценен.

“Спутницей, другиней и вдохновительницей” называл Рерих свою жену. Плечо к плечу прошли они по жизни, деля все трудности, невзгоды и радости этого Пути.

“Оба они, каждый по-своему, открывали нам высочайшую реальность, которая складывала Путь космической эволюции человечества, формировала энергетически ее вехи и опоры”. (Л. Шапошникова.)

Степень участия Елены Ивановны в творческой работе мужа такова, что он утверждает: “На полотнах должны стоять две подписи: моя и Елены Ивановны”.

Уже своей дипломной работой, историческим полотном “Гонец”, Рерих заявил о себе как о талантливейшем художнике; эту работу приобрел П.М. Третьяков для своей знаменитой галереи. О молодом художнике заговорили: восторгалась неожиданным свечением красок, особой красотой и таинственностью исторического пейзажа.

Лев Николаевич Толстой почувствовал в образе гонца символ высокой жизненной силы: “Случалось ли в лодке переезжать быстроходную реку? Надо всегда править выше того места, куда вам нужно, иначе снесет. Так и в области нравственных требований надо рулить всегда выше – жизнь все равно снесет. Пусть ваш гонец очень высоко руль держит, тогда доплывет”.

Эти слова станут напутствием для Рериха.

В начале XX века Рерих становится крупнейшим художником России, получает звание академика. Эпиграфом к творчеству Николая Константиновича этого периода, называемого исследователями “русским”, звучат его же слова:

*Твою прошлую жизнь прозревая,
Сколько блестящих побед
И много горестных знаков я вижу.
(Письмена.)*

Все сюжеты его картин этого периода повествуют о прошлом: “Сходятся старцы”, “Поход. Старая Русь”, “Идолы”, “Волки”, “Поход Владимира на Корсунь”, “Заморские гости”, “Север” и т. д. В них причудливо переплетаются история и современность, фантазия и историческая реальность. Каждое из его полотен отличает одухотворенность, поэтическая пластичность и целостность. Картины его обладают буквально гипнотической притягательностью. А дух изображаемой эпохи, жизненность и сила образов



таковы, что полотна воспринимаются как свидетельства очевидца. Создается ощущение, что автор писал их в то далекое время – настолько реально живет и дышит прошлое на полотнах, а в пейзажах присутствует какая-то неуловимая призрачность, яркость и красота, исключая всякий намек на современность, не лишая при этом реальности.

Этот удивительный дар провидения в прошлое, когда сюжет рождается во внутреннем мире художника как бы сам собой, Николай Константинович называл “историческое настроение” и всегда спешил записать “увиденное”, когда это настроение его посещало. Так, картине “Заморские гости” предшествовала запись: “... Длинным рядом идут ладьи, яркая краска горит на солнце. Лихо завернулись носовые борта, завершившись высоким стройным носом – драконом.

Полосы красные, зеленые, желтые и синие наведены вдоль ладьи. У дракона пасть красная, горло синее, а грива и перья зеленые. На килевом бревне пустого места не видно – все резное: крестики, точки, кружки переплетаются в самый сложный узор... Около носа и кормы щиты привешены, горят под солнцем. Паруса своей пестротой наводят страх на врагов, на верхней белой кайме нашиты красные круги и разводы...”

Столь яркие исторически точные описания скорее похожи на рассказ очевидца. Конечно, знакомство с предметами старины способствовало созданию

подобных видений, но тот тайный творческий процесс “на стыке созидательной Культуры с глубинным потоком Времени” нес как величайший дар свыше в себе сам художник.

Это уникальное взаимодействие Времени и Культуры, свойственное всем полотнам Н. К. Рериха, сливается в них воедино знание и искусство. С годами это качество будет оттачиваться и развиваться. И все творчество Николая Константиновича Рериха можно будет определить как синтез науки и искусства.

Уже в этот “русский” период его творчества в его произведениях со все нарастающей силой звучат восточные мотивы. Глубокий интерес к Индии, к ее истории и культуре материализуется не только в живописных, но и в литературных сюжетах. Темы сказок: “Девассари Абупту”, “Лоухми” (Лакшми), “Победительница”, “Граница царств”, которые напечатаны в первом томе собрания сочинений Рериха, вышедшем в 1914 году, заимствованы из индийской мифологии.

Среди исторических картин, изображающих конкретные события и героев, все чаще появляются полотна со странными, необычными названиями и сюжетами – это скорее не история, а легенды о ней. В реальность этих полотен вплетается призрачность, туманность воспоминаний.

Безвременье и тайное знание дышат с этих картин. Причудливо одетые ведуньи и колдуны гнутя над заветными травами, открывают потайные двери, читают свои заклинания над пламенем костра. Их темные, неясные лики скрыты от нас пеленой времени: “Пленница”, “Отшельник”, “Колдун”, “Заклинание огня”.

Рерих любит театр, много и увлеченно работает для него над созданием декораций и костюмов. Но и здесь присутствует тот строжайший отбор, который отмечен в живописи. Он работает только над спектаклями, оживляющими историческое прошлое, легенды и сказки о нем же: “Князь Игорь”, “Весна священная”, “Снегурочка”, “Псковитянка”, “Принцесса Мален”, “Тристан и Изольда”, “Три волхва” и т. д.

У этих постановок окажется странная судьба: годы спустя он увидит “Весну священную” в далеком Кашмире, но уже не спектакль, а народный праздник. В королевском замке в горах Тибета возникнут перед ним Берендеевы палаты, а в Гималайском королевстве Сикким на новогодний праздник придут люди в костюмах из “Снегурочки”.

“И опять прошлое и будущее соединятся в той сверкающей точке настоящего, из которого возникло и росло его творчество”, – читаем мы у Л. Шапошниковой.

Работал Николай Константинович и в монументальной культовой живописи. Он делал росписи и мозаики в церквях в Пскове, в Пахомовке, под Киевом, в Талашкине около

Смоленска, в Почаевой Лавре близ Шлиссельбурга, в Ницце.

Росписи, сделанные Рерихом, превращали церкви в произведения искусства, в памятники культуры. Он охотно брался за росписи храмов, но создавал в них мир, совершенно отличный от канонической вековой традиции, совсем иной духовной насыщенности, иных идей. Святые на его росписях превращались в воинов и мудрецов с глазами, полными огня, далекими от смирения и отречения. Одежды их отмечены странными, не употреблявшимися в традиционной иконописи символами.

“Спас Нерукотворный” был не отрешенным и строгим, как этого требовал канон, а смотрел со стены с великим состраданием и печалью.

Нетрудно заметить, что все творчество Рериха густо насыщено символикой. Но символ для Рериха отнюдь не тайнопись неизреченного. В его художественной системе символ обеспечен конкретным содержанием, он несет в себе ясный и определенный призыв. И современники остро чувствуют это. Как пророческое, воспринимают они аллегорическое полотно “Град обреченный”, написанное в конце Первой Мировой войны: огнедышащий дракон окружил телом своим город, наглухо закрыл все выходы из него. Именно эта картина дала повод Горькому назвать художника “величайшим интуитивистом современности”.

Предчувствием грядущего переворота пронизано стихотворение “”Подвиг”, датированное 1916 годом. “Мальчик”, “Вестник” в поэтическом словаре Николая Константиновича имеет определенное значение – это творец, художник, которому ныне выпала принципиально новая миссия.

*Волнением весь расцвеченный
Мальчик принес весть благую
О том, что пойдут все на гору,
О сдвиге народа велели сказать.
Добрая весть, но, мой милый,
Маленький вестник, скорей
Слово одно измени.
Когда ты дальше пойдешь,
Ты назовешь твою светлую
Новость не сдвигом,
Но скажешь ты:
Подвиг!*

Революция в России застала Н. К. Рериха и его семью в Финляндии, где по настоянию врачей в тишине пустынных берегов Ладожского озера прожил он более трех лет.

Лишь летом 1918 года здоровье Николая Константиновича позволило ему перебраться в Англию, а затем в Америку, где прожил он три с лишним года.

С триумфальным успехом проходят в американских городах выставки картин Н. К. Рериха. Успех сопутствует и другим его начинаниям.



В Америке ему удастся создать “Институт Объединенных Искусств”, в самом названии которого воплотилась давнишняя мечта Николая Константиновича о Синтезе всех видов творческих устремлений. Идея сотрудничества народов на основе культуры является ведущей в учрежденных им организациях “Венец Мира” и “Пылающее сердце”. Они быстро развиваются и растут. Так, музей, носящий имя Н. К. Рериха, занимавший в начале несколько скромных комнат, скоро перебирается в двадцатисемизэтажный небоскреб на берегу Гудзона.

Но необычайное влечение к Востоку, пробудившееся в нем еще в юности, когда он занимался археологическими раскопками в Пскове и Новгороде, зародившими в нем мысль о единых корнях мировой культуры, получившую свое подтверждение во время путешествия по древним русским городам, обращает его мысли к Индии, где надеется он найти доказательства существования единого источника, изучая Индию и страны Центральной Азии.

Америка явилась трамплином для научно-художественной экспедиции Рерихов в Центральную Азию, которую удалось осуществить на средства американских общественных организаций в 1923 году.

В задачи экспедиции входило проникнуть в таинственные области Азии, в тайны ее философии и культуры, изучить памятники древности, отыскать следы и маршруты великого переселения народов...

Экспедиция с перерывами и остановками

длилась, в общей сложности, пять с половиной лет. Знаменательная встреча, происшедшая на земле Индии, меняет маршрут экспедиции, чтобы передать в Москву письмо Махатм, духовных Учителей Востока, порученное Рериху. Текст послания впервые был опубликован в журнале “Международная жизнь” в 1965 году. Значимость этого акта трудно переоценить.

Экспедиция преодолела огромные расстояния, колоссальные трудности и преграды, возникшие на ее пути, что дано немногим.

По окончании экспедиции семья Рерихов поселилась в Индии, в долине Кулу, у подножия



Гималаев. На базе богатейших материалов экспедиции создается Институт Гималайских Исследований Урусвати (Свет Утренней Звезды), который ставит перед собой цель: объединить усилия ученых всего мира по изучению флоры и фауны Азии, истории, искусства и культуры народов, населяющих этот обширный континент.

И, конечно же, все эти годы Николай Константинович много и плодотворно работает как художник. Полотна, вышедшие из под кисти Рериха в это время составили огромное наследие, состоящее из нескольких тысяч полотен, известных миру как “Гималайская серия”. Это особый таинственный и прекрасный, загадочный и одухотворенный мир гор – мир, древний как сама Земля.

Мир призрачный и таинственный, причудливо изменчивый в жемчужной пелене плывущих по ущельям молочных туманов; грозный и могущественный в свете ночных костров, в фантазмагории красного и фиолетового, в причудливой игре гипертрофированных теней; лазурно-розовый, напоенный хрустальным воздухом утра, мифично-пастельный в лучах восходящего солнца; залитый золотом знойного, напоенного ароматом загадочных трав и хрустальным перезвоном льющихся с вершин потоков дня; строгий и торжественный в сумерках спускающейся ночи... всегда таинственный, сказочно прекрасный, готовый вот-вот открыть одну из множества своих великих тайн.

И в этом бесконечном пространстве гор живет столь же таинственный и загадочный мир людей, в

котором легенда и реальность сплетаются воедино, говоря с нами, стоящими перед полотнами этого великого мастера, языком вечных, незбылемых Истин: несутся по горным тропам всадники в старинных причудливых одеждах; лучники шлют в мир стрелы с привязанными к ним листьями указаний; юные послушники и древние старцы застыли в неподвижности, слушая таинственное сказание гор; освещаются сказочным золотым светом пещеры, и из глубин прозрачных сверкающих кристаллов возникает фигура Христа...

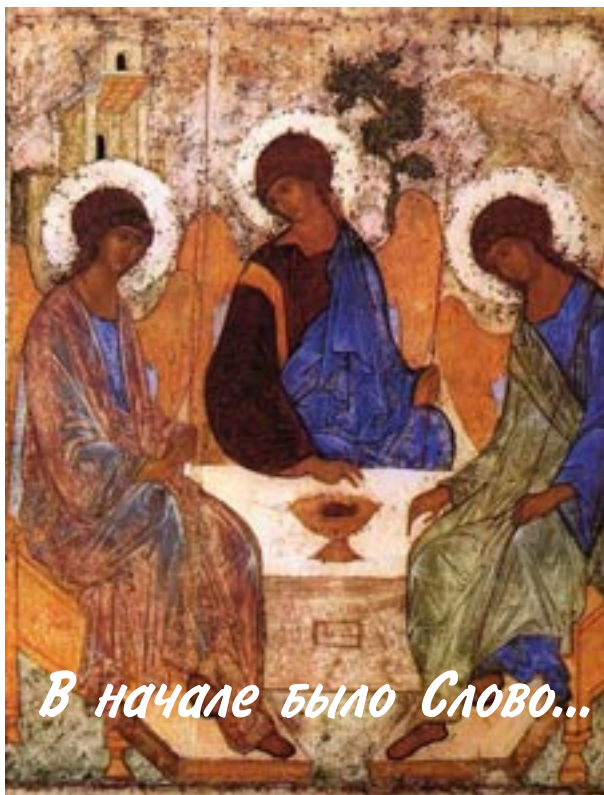
“С полотна Рериха смотрят на нас Космические Иерархи, Великие Учителя, пришедшие на Землю научить человечество по-новому мыслить, поднять его сознание и продвинуть его по эволюционной лестнице бесконечного восхождения. Философы, религиозные наставники, святые, подвижники, герои, чьи имена связаны с таинственной заповедной страной Шамбалой – Христос и Будда Сергей Радонежский и Нагарджуна, Лао-Цзы и Мухаммед, Конфуций и Дордже – все те, кто участвовал энергетически и интеллектуально в духовной эволюции земного человечества”, – пишет Л Шапошникова.

И далее: “Называя Гималаи Сокровищницей Духа, Рерих сам создал свою жизнь, подобную высочайшим горам, рукотворную Сокровищницу Духа – свое художество – значение которого еще до конца не оценено и не раскрыто. Его искусство – это такое же энергетическое явление, как и то эволюционное действие, в котором участвовала его жена и спутница Елена Ивановна Рерих. И то, и другое составляло как бы два энергетических крыла эволюционного восхождения человечества Планеты Земля в XX веке. И то, и другое не могло возникнуть и существовать друг без друга, как не могли полноценно существовать поодиночке эти два великих удивительных человека”.

Этими словами выдающегося исследователя и пропагандиста наследия семьи Рерихов в целом, и творчества Н.К. Рериха в частности, Л. В. Шапошниковой нам бы и хотелось закончить статью.

Сожалеем о том, что рамки журнальной статьи вынуждают нас многое из того, что создал этот высокий Учитель и Творец, оставить вне поля читательского внимания (это и обширная общественная деятельность, и творчество Н. К. Рериха как писателя, поэта, публициста и многое другое, о чем здесь сказано вскользь, или не упомянуто вовсе), нам остаётся поблагодарить исследователей творчества Рериха, труды которых использовались как основа для создания данной статьи, особенно Л.Шапошникову, фундаментальные труды которой мы бы рекомендовали тем, кого заинтересовала великая, уникальная семья Рерихов, их жизнь, их труд и творчество.

Т. Преображенская-Агаджанова.



Забыли ЯЗЫК

Хорошо, если читатель прочитал статью в первом номере журнала “СЕВ” – “Украли язык”, ибо это дает более глубокое осмысление прочитанного, дает возможность вынести полное впечатление как о феномене языка, так и о том, что такое “язык” вообще. Итак, “Забыли ЯЗЫК”.

*“Мы Свободным и чистым тебя пронесем
сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!”*
(А. А. Ахматова, 1942 г)

языка, но и был именно тем творцом, кто продолжал живую преемственную связь творцов СЛОВА, сказав об этом творчестве предельно ясно и понятно: “Я встречал недуги свои, как полагается мужчине, и стойко переносил муки разума. Не давал себе права вздремнуть на ложе, не давал ни минуты покоя душе моей... Возжелал я выработать для моего родного народа динамичность языка утонченную, отличную от простонародного и превратить язык, подобно Екклесиасту, в средство МУДРОСТИ!”

Яснее не скажешь: величайшее творчество – это прочтение сокровенной сути СЛОВА и создание новых логограмм, а для последователей Агни-Йоги скажу, что Учение говорит об этом несостоявшемся назначении науки XX века, которая должна была сделать его веком деления Слова, а не расщепления атома.

Что было заложено в Слово? Какую идеологию необходимо применять, чтобы проникнуть в него?

Конечно, ответы на эти вопросы даны во всех мировых религиях, однако, совершенно четкие и ясные, безо всяких таинственных покровов ответы даны в Учении Агни-Йоги и в философии Суфизма. Познав их, мы можем с открытыми глазами подойти к Махабхарате и, конечно же, к Бхагавадгите. Не зря Е. П. Блаватская в посмертном завещании к своим почитателям просит их в день её рождения читать одну из глав Бхагавадгиты...

Значит, главная задача эволюции человечества – это получить выпускника Университета “Земля” по имени ЧЕЛОВЕК!

Известно, что самым сложным моментом эволюции является расширение, повышение сознания, потому так значительны сроки пребывания духа в каждом отдельном царстве, начиная от минералов и

*“Когда сократим языки и
выражение мышления...”*
(А. Й.)

*“Умейте понимать слова
в их совершенном значении”.*
(А. Й. АУМ.)

Язык – это высочайший феномен духовного творчества основателей нации, изучавших мир, законы природы ЧЕЛОВЕКА и вкладывавших в СЛОВО стратегию познания мира и Микрокосмоса.

Потому язык в своей сути – отражение не только мировоззрения народа, но он, прежде всего, кладезь законов психики, биологии, стратегии самопознания и самореализации.

Выдающийся средневековый философ и мыслитель Иоанн Петрици первым в мировой лингвистике считал язык “...составляющим существенную часть ОСВОБОЖДЕНИЯ”.

Он не только осознал эту единственную сущность

растительного царства, до царства животных, а затем и Человека.

Состояние сознания в каждом царстве особенное: в царстве минералов оно спит; в царстве растений сознание дремлет; в царстве животных сознание просыпается; в царстве людей оно, конечно же, проснувшееся, однако, имеет особую отличительную особенность, которой нет в животном царстве, а именно, способность САМООСОЗНАНИЯ. Вот с этой особенности открыты пути в высшие царства, и Человек наделяется свободной волей движения к двум беспредельностям – к СВЕТУ или ТЬМЕ, т. е. к развитию



без ограничения или к такому же безграничному падению.

Задача эволюции человеческого сознания сама по себе – задача очень сложная, однако, в земных условиях появилось понятие зла, которого нет в космосе, Это зло искусственного происхождения стало непреодолимым препятствием в эпоху Лемурии и Атлантиды. Грозные симптомы заболевания проявлялись каждый раз, когда затемненное Темным Братством сознание людей становилось опасным и для самой планеты, но грозные признаки не воспринимались, и гибли цивилизации и континенты.

Очень легко понять, что стратегия засорения сознания идет через изувеченное и изуродованное слово, несущее все низменное: материалистические устремления, страсти и пороки, понятия личного блага, комфорта, роскоши, разобщения людей и народов.

Времена повторяются, симптомы тоже. К ужасу нашему и к сожалению, сейчас повторяется и слепота человеческая: никогда не было столько извращений, уродства слова и сквернословия, ведьмовства, черной магии, некромантии, открыто провозглашаемых в прессе, кино и в других средствах массовой информации. Войны участились, вооружение растет... Одним словом, ситуация накаляется, а вот реакция природы, реакция организма Земли стала более чем очевидной: наводнения и пожары в России, страшная жара и пожары в Европе, торнадо, цунами, небывалой частоты сильнейшие землетрясения (не считая вызванных тектоническим оружием) по всему миру... а прозрения НЕТ!

Природа властно требует: Люди! Прекратите гонку вооружений, уничтожьте оружие, не разлагайтесь, ибо нравственность не только живой феномен космоса, но даже в вашей человеческой среде это является единственной и основной формой политики людей и государств (см. Аристотель: “Этика – это политика”).

Ум ушел далеко вперед, а Сердце человеческое осталось на уровне сердца людей каменного века – каменным. Разве цивилизация и технократия

осчастливили человечество? Не будем заблуждаться и в отношении таких заманчивых состояний, как счастье и благополучие. Счастья нет! Ни у кого. И быть его не может. А благополучие личностей и государств кочует от рода к роду и от народа к народу. История не знает вечно благополучных семей и народов...

Счастье, как это ни парадоксально, – это Божественное сознание, в котором есть осознание Всеобщего Блага, и того, что БОРЬБА есть состояние ВСЕГО СУЩЕГО. Но пока на Земле есть эгоизм, будет и оружие. Пока есть оружие, будет произвол сильных государств. Произвол – породитель терроризма. А разве в таких условиях возможна любовь людей друг к другу?

Разве терроризм не есть отчаяние униженного и поработанного?..

А где противоядие?

Противоядие – ЛЮБОВЬ! Ибо зло усиливает зло. В.В. Путин вовремя спохватился и стал миром строить новую Чечню, миролюбием и любовью залечивая опаленные войной сердца чеченцев...

А нам, грузинам, совсем не безразлично, как поведет он себя в грузинском вопросе.

Но все же какими пустыми, ничтожными соображениями напичкано человеческое сознание во имя преходящего быта, заслонившего собою великое понятие БЫТИЯ – единственную цель всякого воплощения.

Человек эпохи науки и техники забыл о своем назначении, но не забыли о нем великие Учения Дао, Конфуция, Суфизма, Индуизма и другие Учения, ведущие своих последователей по пути эволюции сознания.

Остальное человечество, забыв об основах, лишило себя пути совершенствования, правильного созерцания себя и мироздания. Отбросив этику духа, оно уничтожило все высшие стремления и заключило себя в духовную неподвижность, – самые большие паровозы, корабли, танкеры, самолеты, подводные лодки, самое смертоносное оружие... Все это заглушило голос духа и последний вопль Сердца Человеческого...

И все-таки был прорыв – СССР, огромное пространство, исповедовавшее Братство, Труд, Знание, Культуру и Общее Благо, и это дало свой результат в космосе и в тонком мире, но пренебрежение космическими законами, оторванность от Высшей Воли и разобщение с Высшим Сознанием привели к величайшему злу – к противостоянию Иерархии. А это, в свою очередь, привело к образованию непроницаемой железобетонной астральной скорлупы вокруг планеты Земля. Если у читателя есть хотя бы легкое доверие к автору этих строк, то скажу, что в результате духовного воздействия Белого Братства над судьбоносной страной, с точной копией

государственных границ СССР образовался разрыв в астральном железобетонном каркасе вокруг Земли. Это и было следствием позитивных эманаций народов СССР. Читатель, будь уверен, я вижу этот просвет в космос всегда. Через него Высшая Воля космоса струит высшие энергии во спасение ее народов и всего мира.

Почему мы развалились? А потому, что был снят железный занавес, и мышление людей стало отравляться ядами собственничества и моральных свобод, зависти и злобы, отсутствием дисциплины, а самомнение всех и каждого вызвали внутреннее тотальное противостояние всех и всем. Нарушилось космическое равновесие, и произошел развал. Люди своим гадким и злобным мышлением отравили окружающую атмосферу, и все понеслось к Хаосу...

Вот маленькая выдержка из Агни-Йоги (“Семь Великих Тайн Космоса” Н. К. Рерих, год издания 1939. стр. 714, абзац 4):

“Жестокую карму сложили люди конца Кали Юги, не желая помыслить о сущности творимого ими. Мир покрывлся язвами человеческих пороков и порождений. Мир погрузился в следствия, созданные человеческими деяниями. Газы, образованные удушьем человеческих построений, запрудили пространство и окутали планету во мрак. Слои земные и подземные насытились явлениями, созданными злодеяниями человечества. Деяния человеческие привели человека к своему року”.

И чуть дальше, на следующей странице: *“Но Сознание продолжает ухудшаться. Справедливо было бы спросить человечество, во сколько десятков миллионов жертв оно оценивает перемену сознания?”*

Ответ на этот вопрос дает сама жизнь: страдание – самый лучший учитель, и, видимо, страдание еще не достигло того предела, когда человечество издаст вопль ужаса, и в один голос возопит: **“Хватит! Устали ото лжи, жестокости и мракобесия!”**

А это возможно...

Если кто помнит, когда Союз разваливался, то в целях пропаганды против расстрела (демократия и расстрел, видите ли, несовместимы) часто показывали приговоренных к смертной казни и вели с ними диалоги на предмет демонстрации их переживаний. Один молодой убийца говорил в одном из таких теле-шоу, что он полюбил всех... и любит даже того, кто должен его расстрелять. Расстрел такого человека, конечно же, жестокая несправедливость, но... ЧЕЛОВЕКОМ он стал в результате переживания страха собственной смерти, в результате Страдания. А с отменой смертной казни такие метаморфозы не происходят, а совсем наоборот, махровые убийцы и человеконенавистники рождаются именно в условиях безнаказанности и попустительства. Вот и получилось, что людей обманули псевдогуманностью, но космос неумолим – “Око за око, зуб за зуб”, и этот закон, если люди не образумятся, заставит человечество затрепетать, ибо Космос своих законов не меняет. В этом его **ВЫСШАЯ КОСМИЧЕСКАЯ ГУМАННОСТЬ!**

Все сказанное выше – издержки эволюции,

параллельная война с искусственным злом, порожденным падением Сатаны, но эволюция человеческого сознания сама по себе – сложнейшая задача. Вот и посудите сами, каково нашим Владыкам вести и жесточайшее сражение с темными силами, и сложнейшую работу повышения сознания человечества. Кровавый пот – вот цена наших ошибок на челе наших Владык.

Эволюция человеческого сознания имеет как свою стратегию и план, так и свои принципы и этапы развития. О них и поговорим для тех, кто в сознании своем отпал от зла и единственным итогом своего воплощения в будущем видит Богочеловека.

Итак, дополнительные сложности созданы падением Сатаны на пути повышения сознания человечества от животного уровня до сознания Богочеловека. И все-таки, несмотря на эти сложности, Белое Братство заявило, что будут большие потери, но победа Сил Света, сражающихся за эволюцию человеческого сознания, спасение Земли и Человечества, – **СОСТОИТСЯ!**

А каковы вехи, принципы и духовные ориентиры, а самое главное – способы расширения человеческого сознания?

Суфизм – это освобождение разума, прежде всего от влияния целого комплекса факторов, связанных с воспитанием в семье и школе, затем уже от национальных, религиозных, профессиональных и расовых факторов, которые делают людей во всем мире пленниками множества ограничений, вызывающих соответствующие переживания, чем и создаются трагедии личные, национальные или расовые. Свободный разум достигается только и только лишь через самопознание, приносящее с собой интуитивное знание **САМОЗАВЕРШЕНИЯ**.

Значит, основным, отправным понятием является **ЗНАНИЕ**.

По учению Суфизма Знание добывается тремя степенями познания:

1. Уверенное знание (“Я твердо знаю, что объем тела равен объему жидкости, вытесненной этим телом”).

2. Полная уверенность, опытное знание (“Я сам, своими глазами видел, как из сосуда выливается некоторый объем жидкости равный объему тела, погружаемого в этот сосуд”).

3. Истинная уверенность (“Я сам измерил объем вытесненной жидкости, и он равнялся объему тела, погруженного в жидкость”).

Эти ступени в Суфизме выражаются словами: “Знать”, “Видеть”, “Быть”.

Однако с позиции Агни-Йоги эти границы “Знания” Суфизма с точки зрения более тонкой градации (Вивека – Распознавание) выглядят так:

1. Знать (Мы ведь не всегда все знаем.).

2. Понимать (Мы ведь не всегда понимаем то, что знаем.).

3. Уметь (Мы ведь не всегда умеем то, что и знаем, и понимаем.).

4. Быть Мастером (Мы ведь не всегда мастерски владем тем, что умеем весьма заурядно.).

5. Быть Мастером во всем, т. е. Творцом (Это уже Паранирвана).

Слово “Паранирвана” говорит о том, что суфии считали людей способными к бесконечному совершенствованию себя, приводящему человека к гармонии со всем существующим и с целями всего творения.

Все остальные системы превращают человека в обусловленное животное, которому всячески внушается, что он свободен в выборе образа действий и мышления.

Сознание же, очищенное Суфийским Учением, делает человека весьма практичным, потому что суфийский процесс (процесс Агни-Йоги) протекает в жизни, в рамках обычного общества, и он служит обществу, так как является его неотъемлемой частицей, и служение его всегда творит, творит людей, движет народами и всем человечеством по пути опытного знания к совершенству.

Самым сложным элементом борьбы является Эго – малое “Я”. Оно держит человека в тисках множества желаний, с годами переходящих в свойства характера или же в стойкие наклонности, которые принято называть пороками, пороками личности. Когда говорят о вечных конфликтах между личностью и обществом, редко кто понимает, что именно общество эгоистично, именно общество аккумулирует все пороки, заражая каждого новорожденного, и тем превращая свободнорожденную душу в узника тюрьмы человеческих пороков, ложных мировоззрений, национализма и т. п.

В зависимости от основного качества эгоизма общество делится на прослойки: националисты, анархисты, бизнесмены, культуристы и т. п., которые так же антагонистичны друг другу, как личности, и если противоречия эгоистов ограничены рамками семьи, то противоречия разных типов эгоизма вызывают антагонизм в обществе. Однако более чем очевидно, что любую мировую войну или теракт можно предотвратить уже в семье при правильном воспитании или при Самовоспитании, если человек искренен и жаждет совершенства.

Обычно все начинается с борьбы в себе и только в себе с пороками, а так как порок есть противоположность добродетели, то каждый порок, когда он устраняется, переходит в свою противоположность, в какую-то добродетель. Это и составляет основное содержание Суфизма – **САМООБУЧЕНИЕ**.

Сам принцип самообучения и все, кто также заняты указанной практикой, т. е. самообучением, или же хотят заниматься этим под руководством Мастера, представляют, собственно говоря, Школу и преследуют одну цель – Совершенствование. Это главный отличительный признак суфийских школ и это настолько тонкое и трудноуловимое отличие, что стоит пояснить его притчей.

Были два Учителя. Один очень известный, со многими учениками. Другой – так себе, и имел мало учеников.

Все знали, что первый со всеми учениками пойдет на “НЕБО”, в Рай, а второй (вообще было сомнительно, чему он учил) с кучкой учеников попадет в Ад.

...Случилось так, что в результате какого-то бедствия оба Учителя со своими учениками погибли. И вот за вторым Учителем приходит ангел, чтобы забрать его душу. Учитель и спрашивает: “Что, в Ад поведешь?”

– Это почему же? – спрашивает ангел, – Тебе положены небеса, туда и пойдем.

– Как это небеса? А тот разве не на небе?

– Да я только что препроводил его душу в Ад.

– ???

– Ты, наверное, подумал, что он за Богопоклонение заслуживал Рая?!

– Да.

– Да, он поклонялся Богу, но ему нравилось, что за это поклоняются ему. Вот он и заслужил этим Ад...

– А ученики?

– Они поклонялись учителю, и в этом их грех.

– А если бы им попался другой учитель, который учил бы их Богопоклонству?

– Они бы ушли от него и нашли бы себе Учителя, чтобы поклоняться ему. Богопоклонство им было недоступно.

– А мои?

– Они уважали тебя, но поклонялись, подобно тебе, только Богу, потому и встретишь их всех у Престола Господня!..

Во-первых, необходимо отметить, что воспитание часто ставит такие ловушки честолюбия, а неумение распознавания УВАЖЕНИЯ и ПОКЛОНЕНИЯ завершает ошибку.

Во-вторых, знание, отделенное от личной нравственности знающего, бесполезно, ибо не уничтожает пороков, значит, добродетели не рождаются. Это и губительно, так как ведет к фарисейству, книжничеству, к тому самому лицемерию, в котором погрязло казенное богословие.

Несвобод много: честолюбие, алчность, страх, интеллектуальная спесь, с которой по суфийским канонам идет жесточайшее сражение (Магомед семьдесят раз в день просил прощения у Аллаха, прощения за гордыню, когда он семьдесят раз в день возвышался в своем знании, увлекающем в гордыню и интеллектуальную спесь.)

Другие препятствия: гордыня, самолюбие, показное благочестие, ожидание похвалы за любое “доброе” дело, ожидание почестей, себялюбие...

А вот и некоторые добродетели, обретаемые с изжитием вышеперечисленных и других пороков: смирение, добрые дела, правдивость, самоограничение, целеустремленность, самообладание, несокрушимая воля, бесстрашие, осмотрительность (дозволено – не дозволено), воздержанность (от всего, что уводит от истины), терпение, отказ от обладания, т. е. непривязанность к вещам (даже в случае богатства).

За всем этим следует перестройка мышления, которая приводит к другой форме восприятия, называемой откровением, Озарением. А это уже



приносит умение чтения чужих мыслей.

Главные знания – медицина и астрология. В конечном итоге, последователь (по следу ваятель) освобождается от очень трудного препятствия – знания явного, очевидного – и обретает знание сокровенное, реальное. Это уже освобождение, вернее, Путь освобождения от рабства в тюрьме “Человечество”... Однако это не так-то просто: “Если бы так же легко было делать, как знать, что стоит делать, то часовни стали бы церквями, и хижины бедняков – дворцами”. (У. Шекспир). И тем не менее:

*Беспредельность ужасом бы стала,
Сердце Мира – вековой тюрьмой,
Если бы судьба нас приковала
К колесу* безжалостной рукой.*

*Но на Вас цепей не надевали,
Ваша воля всяких мук сильней,
В Сердце Мира нет людских печалей,
Совершенство – цель земных путей.*

(Стихи Гаутамы Будды).

Те, кому слова “карма”, “четыре благородные Истины Будды” известны, понимают, что страдание есть путь, и что оно (страдание) приводит к освобождению.

Пока же это будет достигнуто реально, человека должно что-то мучить, заставлять его страдать (страдание – лучший Учитель)...

* Колесо - карма

Что же это за волнения, приводящие на Путь?

Каждый должен знать, что Человечество – это огромная тюрьма. Незримые ограничения и прессинг действуют куда более эффективно, чем тюремные стены, колючая проволока, охрана, сторожевые псы, воровские законы и т. п.

В этой общечеловеческой тюрьме всегда найдутся люди, которые испытывают этот гнет и ищут тех, кто хочет бегства. Затем они узнают о тех, кто уже бежал и оставил и план, и путь бегства, и... Так они приходят в Учение, т. е. обретают Путь. Они воочию начинают видеть, как незримые тюремщики заботятся так засорить человеческое сознание, что утопающим в богатстве и роскоши, пороках и чувственности во веки веков не понять, что они надели на себя самые страшные, незримые кандалы несвобод, тюрьмы Духа.

Ужесточение условий жизни (тюремного режима) увеличивает число узников духа, но, к счастью, растет и число прозревших. Узников духа унес потоп, прозревших спас Ной, спасенные Ноем называются РОД – НОЯ, т. е. великое русское слово – РОДНОЙ. Заодно другое слово помянем: все животные, спасенные Ноем – это те, кто ЖИВ от НОЯ (!!!)

Ну ладно, это прорвалось у меня прежде времени и не жалко: это только цветочки, ягодки будут впереди...

... В обычных тюрьмах страдают преступники (В последнее время не только преступники), а в миру люди с открытыми сердцами испытывают невыносимые муки бездуховности: полезное всем, радостно немногим и ненавистно множеству, которые спят (“Проснитесь!” – говорит Библия.), или хуже, которые превратились в живых мертвецов (“Пусть мертвые хоронят мертвых”, Евангелие).

Спящим нужен Петух. Мертвых уже не спасешь, и 1 800 000 000 мертвых погибнут в очередном катаклизме, а Ной (Учение Агни-йоги, или, если читатель не будет протестовать, Н. К. Рерих) спасет остальное Человечество.

А петух (чувствознание) кричит, да не всяк сразу и просыпается. Даже есть такие, что... Ну ладно, не будем. Давайте лучше по Эзопу.

ВОРЫ И ПЕТУХ.

Залезли воры в дом. А в доме – хоть шаром покати. Заметили петуха и взяли – не с пустыми же руками идти.

Петух смекнул, – “не иначе как съедят они меня”, – и говорит: “Я птица полезная, в полночь людей на работу бужу”.

– А вот за это мы тебя и зарежем, – людей будишь, нам воровать не даешь...

Обычная мораль тривиальна: что полезно одному, не нужно другому.

Это тривиально.

А эзотерически время – самое большое сокровище. Восток говорит, что “есть много форм воровства и самое худшее из них – кража чужого времени”.

Петух, т. е. чувствознание – это в “полночь” (т. е. когда все спят, – имеется в виду библейское понятие “спят”) проснувшееся сознание человека, вставшего на

путь самосовершенствования, у которого время уже не украдешь. Потому воры времени делают все, чтобы усыпить человечество, а у спящего уже не только деньги, легко и душу украсть...

Значит главное – Петуха зарезать, т.е. убить восприятие тонкого, возвышенного, а грубое все сделает само за себя: грубые слова и сквернословие, грубые ощущения (водка, перец, сексуальные излишества) – и сон становится глубоким, и дело сделано: деньги делаются на пороках... Хотя, в принципе, средств много, лишь бы человек спал, а сонный или спящий разве различит разницу между смехом и насмешкой? И все смеются, точнее, насмеваются. А ведь причина смеха говорит об уровне сознания смеющегося.

Значит, грубые чувства и восприятия усыпляют человека, убивают в нем все тонкое, и остается только восприятие ума, а восприятие Сердца, крик Петуха**, (Болезнь, как и уродство или безобразие, свидетельствуют о некотором поражении духа: духу безупречному подобает совершенное воплощение – М. Меньшиков.) чувствознание, ведущее к познанию через откровение (или то же Озарение – А. Й.), СПИТ, или, как об этом уже было сказано выше, умерло.

Я думаю, что можно уже говорить и о Бхагавадгите.

Вся Махабхарата выражена в одном слове Курукшетра: **тело есть поле Битвы...**

Преамбула Махабхараты – Бхагавадгита.

Бхагавадгита, глава тринадцатая:

“Это тело, о, сын Кунти, именуется Поле – того, кто познал его, мудрецы называют «Познавшим Поле»“.

Это очень простое для западного мыслителя понятие, связанное с Дельфами, “Познай себя”... Познание “поля” (стих 11, гл. 13 Бхагавадгита) приводит к бессмертию. Всюду, имея руки и ноги, глаза, головы и уста, всевидящее ТО (Гл. 13, стих 13 Бхагавадгита) пребывает в мире, обнимая все: поле, т.е. тело есть и цель самопознания, и объект самосовершенствования на основе самопознания. Мудрость, цель всякой мудрости, мудростью достигаемая, говорит Бхагавадгита, пребывает в Сердце каждого существа.

Материя своими воздействиями на дух вызывает следствия, а дух – восприимчик этих воздействий, и чем выше ДУХ, тем тоньше восприятия. Тонкость же восприятия определяется сознанием, которое и есть сумма знаний о взаимодействиях ДУХА и МАТЕРИИ, что есть истинная МУДРОСТЬ, не имеющая границ.

Если эта мудрость – тело есть и источник знаний при самопознании, и объект воздействия на основе получаемых знаний, тогда этот феномен и нумен одновременно должен быть представлен в Логосе, в Слове, как в основе жизни и творчества, созданных мудрецами – творцами Слова...

Посмотрим, так ли это?

Однако мы так далеко отошли от названия этой статьи, что, прежде всего, вспомним о нем, и тогда можно поверить, что все сказанное поможет вспомнить язык,

** “Сказка о царе Салтане”

язык Великий, Русский...

Если есть истинно мудрый учитель (он должен быть воистину мудрым), который будет учить ученика премудрости тела...

... А он ничему другому никогда и не учит. Он же говорит “УЧИ ТЕЛО”, а мы забыли, что это было обращено к нам, и наставника стали называть словом “учитель”...

Но наставник на то и наставник, что он НА СТО ВНИК, т.е. он – познавший ПОЛЕ, МУДРЕЦ...

По-моему, язык заговорил! Удивительное русское слово РОДНОЙ... А ведь в нем вся Библия, намек на чистый, спасенный Богом род человечества – РОДНОЯ. Ну-ну, не сомневайтесь. Ведь с нами спаслись и животные?! Тогда животные – это ЖИВ ОТ НОЯ.

Да, от НО-Я, но “Я” большого, но не малого “я”.

Можно уже по-гагарински сказать: “Поехали!”

Последователь – ПО СЛЕДУ ВАЯТЕЛЬ. Ваять можно только скульптуры. Вся философия Греции, весь итог ее мудрости – скульптура, т.е. знание поля, ваяние себя по примеру Богов – Культов Света.

Вот и получается: С КУЛЬ (Т) ПТ УР А (Культ – почитание, Ур – свет, Т – пять, пентакль, тайна человека и т.д.) – Культ Света, направленного на тайну реализации



человека. (Древние поклонялись прекрасным статуям. Это были языческие мощи, только мраморные, напоминавшие о БОГОПОДОБНЫХ людях. – М. Меньшиков.)

Препятствие: ПРЕ ПЯТЬ с твоя – преодоление

трудностей своего тела, пентакля “пять”.

Добродетель: ДОБРО ДЕЛАТЕЛЬ.

Порок и душит по року. **“Порок имеет больше мучеников, чем добродетель блаженных”.**

(К. Колтон).

Сорок: на сороковой день астральное тело покидает физическое тело и уносит часть кармы, часть рока, т. е. СО – РОК.

Тело – лето, т. е. материя, создающая причины и следствия.

Путь! Путь ли это?! Не путы ли? А может быть Гордиев узел?

Без сомнения, Путь – это дорога жизни по развязыванию пут, развязав которые, – как и было предсказано персами Александру Македонскому, – человек становится Властелином Мира. Властелин Мира – развязавший Путы. Аристотель сказал молодому Александру Македонскому, что он взял на себя труднейшую задачу, которую он, Македонский, решить не сможет. И, правда, узел он развязать не смог, разрубил его... Владыкой Мира он не стал. Путы развязывают, не рубят, т. е. путь пресекать (прерывать) НЕЛЬЗЯ. На то и ПУТЬ (ПУТЫ).

А сейчас небольшой экскурс в предыдущую статью. Вспомним некоторые слова как мост между новыми.

Достоверно – ДО СТА ВЕРНО, т. е. верно на сто процентов.

До старости – ДО СТА РОСТИ, т. е. век.

И новое: радость – РА ДО СТА, т. е. РА – Бог Солнца, сто Солнц – это Радость!

А разве необходимость воспоминания слов “достоверно” и “до старости” не помогла?

Помогла, потому что это была необходимость, или на языке творцов РУССКОГО ЯЗЫКА это значит НЕ ОБХОДИМОСТЬ!

Теперь для тех, кто хорошо знает Гурджиева. “Сими” по-грузински – “струна”, а по-русски “струна” – С Т РУНА, т. е. с Т (тау) родились и рождаются РУНЫ. Но струна звучит, и основные звуки по Гурджиеву “СИ” и “МИ” (слышите, как “СИ” и “МИ”, слившись, дают грузинское “СИМИ” – СТРУНЫ?!).

И древнейшая мудрость гласит: Семиты, т. е. Симиты, а на самом деле – СИ МИ ТЫ. (Си и Ми это Ты)

Мы все симиты, семиты, и нет никого, кто бы им не был от века.

Поймите это так, и не иначе, потому что язык прямо сказал Вам, пойми – ПОЙ МИ!

Домра – древнейший русский инструмент, потому что ДОМ РА, Дом Бога Солнца, а ДОМ – это Д – ОМ. “Д” по-грузински – это Бог Солнца. Вот и получается Д – ОМ, т. е. Бог Солнца – ОМ. Если ученик поймет, что он “учи Нике” т. е. познай тайну Земли, а тайна Земли – Нике, ЗЕМЛЯ НИКЕ, земляника!.. То он поймет необходимость (не обходи мост) бдительности, а бдительность – БДИ ТЕЛО НА СТО... Вот и получается, что “какое правительство лучше всех? То, которое научает нас управлять собою!” (И. Гете). А это уже GNOTIS AUTON, что по-нашему, по-русски – УЧИ ТЕЛО под руководством человека, который НА СТО



ВНИК (есть еще одно прочтение: НА СТО В НИКЕ, т. е. в победе духа над материей)...

Но есть и паразиты, не те, кто “учит тело” и совершенствует его, а те, кто его разрушает, и язык русский – не в бровь, а в глаз – называет их потребителями, то есть **ПОТРЕБИ ТЕЛО** (потребляющий, разрушающий тело)...

Возможно, что все это, или часть всего сказанного, покажется если не бредом, то сомнительным, и потому, чтобы рассеять всякие сомнения, скажем о том абсолютно очевидном слове в словотворчестве мудрецов, в котором просто-напросто не может быть сомнения, настолько это слово прозрачно:

АРИСТОКРАТ*** – АРИЙ СТО КРАТНО, сто раз ариец, то есть в высшей степени благородный человек.

Пусть через это самоочевидное слово уйдут сомнения читателя, ведь я должен показать не только мистическую сторону аллегории языка, но и санскритскую сущность, и индусскую философию, заложенную в духовный язык – В РУССКИЙ ЯЗЫК.

И вот вам воистину Великий Русский язык!

Однако сегодня забыли, батюшка-с, забыли-то язык, свой родной язык, русский...

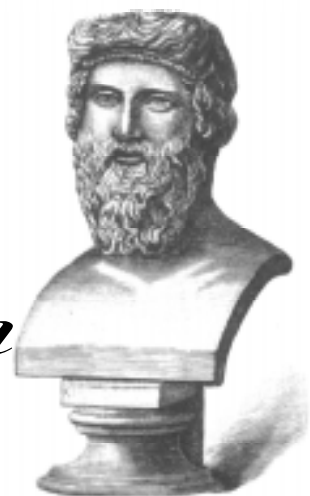
Здесь я должен поставить точку по двум причинам: первая – это потому, что как говорят, хорошего помаленьку, и вторая – это то, что всего знать невозможно. **“Знать, что не знаешь, есть Высшее. Не знать, что не знаешь – есть болезнь” (Лао-Цзы).**

Т. П. Тавадзе

***Это слово и много других слов расшифровывались моими учениками: П.Г. Гелашвили, М.А. Хнкоян, Е. Томасян, О.В. Скибицкой, Е. Бежанян и другими.



Наука и Философия



Сознание и Жизнь

“Есть три формы культуры: мирская культура или простое накопление информации, религиозная культура, смысл которой заключается в исполнении определенных установлений, и культура Избранных – саморазвитие”

Худжвири

Есть удивительный феномен человеческой природы: жизнь человека, его поведенческие нормы определяются тремя типами информации:

1. Общим информационным полем, создаваемым Наукой.

2. Специфическим информационным полем, определяемым Религией.

3. Особым информационным полем, которое для ясности назовем информационным полем Пути.

Два первые из них составляют своеобразные пирамиды. Последнее поле, третье, - не пирамида. Это Путь, нить – Нить Ариадны...

Но давайте все по порядку.

Первое информационное поле и его пирамида – это широчайшие массы всего человечества. Это просто знание, от знания примитивного человека до знания выдающихся ученых и лауреатов Нобелевских премий. Этот тип людей задает себе такой вопрос (если вообще задает): “Что есть жизнь?” Ответов много – столько, сколько людей в этом поле. Согласно ответам на этот вопрос люди располагаются по слоям в пирамиде информационного поля. Чем более низок и примитивен ответ (а ответ, как таковой, человек может и не знать, но способом жизни и взаимоотношений с нею он, тем не менее, дал на него ответ, сам того не подозревая), тем ниже его ступень в пирамиде. Истинная иерархия низа точно соответствует Дантовскому Аду, однако мы упростим картину.

Низ пирамиды – воры, насильники, лжецы... В жизни они составляют кланы, преступные группировки и т.п.

Есть люди, которые считают, что жизнь – это наслаждение. Такие люди чуть повыше над дном и

потому являются как объектом воздействия тех, кто пониже, так и источником их существования, – низ на них зарабатывает, предлагая любые удовольствия от секса, наркотиков и пьянства до рулетки, казино и заказных убийств (бизнес делается на пороках). Когда ответ лежит ближе к формулировке:

Жизнь – это борьба за выживание, –

то это уже область несколько человеческая, где люди всячески стремятся к обретению профессий, чтобы честно добывать себе хлеб свой насущный. Это весьма обширная область в середине пирамиды, где представлены люди всех профессий. И, наконец, ответ может касаться природы и познания ее тайн. В этом случае это путь Науки. Такие люди движут науками, т.е. эволюцией человечества. Это – вершина первой информационной пирамиды, блеск и слава человечества, его высший интеллект. На вершине этой пирамиды часто рождаются люди Пути – неплохие мистики, достигающие культуры саморазвития, т.е. пути Избранных.

Второе информационное поле – это поле религиозных знаний. Оно совершенно идентично строению первой информационной пирамиды. Сюда приходят люди из низов первого информационного поля, соответственно - тоже в низы второй пирамиды. Им все равно, где можно прижиться. Здесь могут оказаться и те, кто представляет профессиональные информационные слои первой пирамиды, живущие ради хлеба насущного. В профессии служителей культа хорошо кормят: чем не профессия – служитель культа? Это то, что общо в строении двух информационных пирамид, но и различие всех строений также

существенно. Во-первых, в этом информационном поле основной ответ на вопрос “Что есть жизнь?” – это:

Жизнь есть тайна.

Опять же, если это человек низкого духа, то у него нет ни явного вопроса, ни явного ответа на него. У него простой ответ – сам способ его существования. Низ этой пирамиды, в основном, люди низкого духа и интеллекта, – кликуши, святоши, фарисеи, книжники и т.п. А если дух особенно низок при минимуме знаний, значит будет ведьмовство, шаманизм, колдовство, черная магия и т.п.

В середине второго информационного поля будут прекрасные богословы, проповедники, служители культов... А ответившие на вопрос “Что есть тайна?”

– Тайна есть Бог, –

это вершина второго информационного поля, вершина пирамиды – святые всех религий.

Обе вершины указанных пирамид – это видимые вершины, маяки Науки и Духа в океане человечества, и они определяют его эволюцию.

Однако есть третий путь – Путь, но не пирамида, – Путь Избранных. Путь сам по себе лишен конструкции, ибо человек либо становится человеком Пути, и у него один ответ на вопрос жизни – самопознание и самосовершенствование без границ, либо он сходит с этого Пути и становится человеком одной из указанных пирамид жизни. Последователь Пути – это тот, кто создает Нить своей жизни от воплощения к воплощению совершенно сознательно и не теряет Нити в забвении своих жизней. Это древнеиндусская наука – Искусство Нити, т.е. искусство творить свою позитивную Карму.

Однако, это не только индусское понятие, а значит, и достояние. Нить Ариадны – абсолютно точное отображение Искусства Нити и чисто внешне и семантически. Если Искусство Нити учит созиданию позитивной Кармы, разве Нить Ариадны не спасает от Лабиринта жизни с его Минотавром?

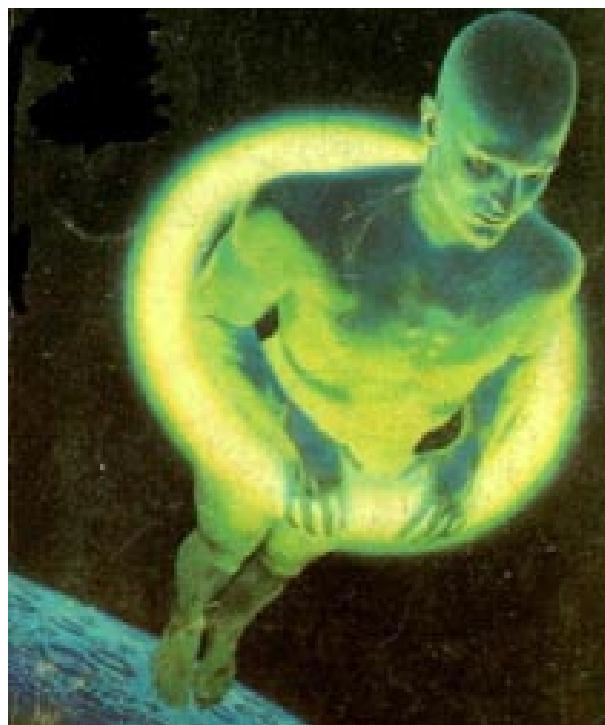
Путь Избранных – это путь людей, вставших на путь Учения.

Учение Агни-Йоги и есть и учение, и сам Путь Избранных, людей шестой и седьмой расы, людей, вышедших на финишную прямую эволюции человечества на Земле. Учение дано миру на русском языке, и не случайно. Владыки говорят, что язык русский – это язык ДУХА.

Попробуем показать это. Если нам удастся увидеть, что он вбирает в себя и индусскую философию, и греческую, и все мировые мистерии, то задача будет решена.

...Вспомним миф о Лабиринте, опуская некоторые детали в целях сокращения повествования.

...Каждый год Минотавру приводили в Лабиринт (Лабиринт – это жизнь с ее двумя пирамидами) по семь мальчиков и девочек по семи лет на съедение (после семи лет дети уже закомплексованы эгоистическим обществом так, что они оказались в сети жизни, т.е. попадают в Лабиринт на съедение Минотавру). Получив Нить Ариадны, Тесей вступает в Лабиринт. Навстречу ему – Минотавр. Тесей отрубает ему рог и



вонзает в центр лба Минотавра.

Во-первых, зачем рубить рог, чтобы убить Минотавра столь странным способом – воткнув ему рог в центр лба? Разве недостаточно было просто заколоть его тем же мечом? А потом – рог в центре лба, – не намек ли на третий глаз и Рог Изобилия для человека с открытым третьим глазом?

Значит, так:

1) Рог Изобилия;

2) Третий глаз и еще

факт из жизни – когда мы что-то стараемся вспомнить, мы трем у себя над переносицей... Помнить! А что помнить-то? То, за чем пришел в этот мир, и каков способ бегства, способ спасения из Лабиринта. Итак, вот оно, ключевое слово: ПОМНИТЬ!

Так и напрашивается – ПО НИТИ, т.е. по Нити Ариадны или, что то же, Искусство Нити по-индусски... Может и так, а что делать с “М” в “ПОМНИТЬ”?

“М” – Материя? “М” – Мать?

В римских цифрах М – это 1000 (тысяча). Вот и все: ПО М НИТЬ – это значит, по тысячелестковому лотосу вести бессмертную НИТЬ жизни!!!

По лотосу Браммы, по Нити Ариадны вести свою бессмертную Душу. Сомневаться невозможно. Ведь мы говорим, – по тропинке, по ниточке... Так совершенно отчетливо это слово вбирает в себя все мистерии и философии, все легенды мира и говорит – ПО М НИТЬ!

Можно бы и точку поставить – ведь сказано все, – больше не скажешь. И все-таки: Ариадна и искусство имеют друг к другу отношение...

Ари – арий; ад – Лабиринт; на – вода, жизнь. Получается:

Ариадна – искусство стать арийцем в этом истинном аду под названием жизнь.

Тамаз Тавадзе

СЕНСАЦИЯ – СКРЫТЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ ВСЕЛЕННОЙ



ВВЕДЕНИЕ. Последние несколько лет самая фундаментальная отрасль современной физики, физика высоких энергий или элементарных частиц, развивается под огромным влиянием идей, высказанных в опубликованной в июне 1998 года в журнале *Physics Letters* статье тремя авторами. Их имена – Нима Аркани-Хамеди, Савас Димопулос, Гия (Георгий) Двали.

Какой большой интерес вызвал среди физиков этот труд и какой мощный толчок он дал развитию физики высоких энергий, ясно видно из так называемого индекса цитирования – числа научных публикаций, в которых данный труд цитируется, т.е. указан как исходный источник этой публикации или как приоритетный труд в рассматриваемой проблематике.

Понятно: чем больше таких ссылок, тем более значительна работа для развития соответствующего научного направления. Только малому числу опубликованных статей, и только действительно значительным публикациям удается набрать индекс цитирования, исчисляющийся сотнями. Что же сказать об исследовании Г. Двали и его коллег, индекс цитирования которого за 2 года перевалил за 2000! К этому следует прибавить еще несколько очень престижных премий, которыми уже отмечены их работы.

По понятным причинам в Грузии интерес к этим работам вспыхнул с необыкновенной силой как в узких научных кругах, так и в широкой общественности. Возможно, небезынтересна будет биографическая справка о маленькой интернациональной группе, работающей в Соединенных Штатах Америки и вызвавшей такое сенсационное внимание.

По возрасту самым старшим является Савас Димопулос, грек из Афин, с 1979 года профессор Стэнфордского университета (Калифорния). Имя Димопулоса стало известным с начала 80-х годов, как одного из авторов так называемой суперсимметричной модели.

Георгий Двали в 1985 году окончил физический факультет Тбилисского государственного университета по специальности теоретическая физика. В 1992 году там же защитил кандидатскую диссертацию, работал в Тбилиси в Институте физики Академии Наук, затем в Триесте (Италия) в Международном центре

теоретической физики. В данный момент – профессор одного из Нью-Йоркских университетов.

Самый молодой, Нима Аркани-Хамеди, правда, родился в 1972 году в США, но по происхождению иранец. Диссертацию защитил в 1997 году. Теперь помощник профессора в Калифорнийском университете (Беркли).

Как видим, весьма характерный случай для нашего времени: ученые разного национального происхождения, в разных городах, даже в разных странах (на момент первой совместной работы Г. Двали выступал еще от имени Триестского центра) объединяются для работы по близкой для них проблеме (и, добавим, к вящей славе американской науки).

Вернемся теперь к физике.

Идеи, развиваемые этой группой, касаются самого острого и фундаментального вопроса современной физики – наших представлений о строении Вселенной, от простейших образований – так называемых элементарных частиц, из которых построено все вокруг нас, начиная от атома, до галактик. Эти идеи существенно изменяют картину, которую физика создает в своих попытках понять и объяснить тот мир, в котором мы живем.

К счастью, чтобы понять смысл гипотезы ADD (широко распространенная аббревиатура, составленная из первых букв фамилий авторов), не обязательно привлечение сложной математики. Основные положения и вытекающие из них результаты можно, по крайней мере, сделать доступными для любого заинтересованного читателя. Данная статья имеет именно эту цель.

НАШ МИР ТРЕХМЕРЕН. Эти слова – сама собой разумеющаяся истина даже для тех, кто вообще не знает, что такое трехмерный мир (так же, как герой Мольера не знал, что такое проза, пока ему не объяснили, что всю свою жизнь он говорил именно прозой). Это просто означает, что в пространстве можно провести только 3 независимые взаимно-перпендикулярные прямые, например, вперед-назад, вправо-влево и вверх-вниз. Все другие направления будут даны какой-либо комбинацией этих трех. Размерность пространства есть число независимых направлений в этом пространстве.

Нашему восприятию мира, воспитанному на нашей трехмерной реальности, на наших ощущениях, трудно представить другое пространство, но из логических соображений вполне возможны пространства, в которых число измерений равно, скажем, двум, или четырем, или десяти и т.д.

Посмотрим с этой точки зрения на лист бумаги, лежащий на столе. Ясно, перемещение на этом листе возможно только по двум направлениям – слева направо (или наоборот) и взад-вперед. Двумерное пространство, задаваемое листом бумаги, всегда можно представить как объект, помещенный в трехмерное пространство, как некое сечение трехмерного пространства. Истинно двумерное пространство же исчерпывается точками, находящимися на листе, вне



его нет ничего, даже пустоты. Представить это так же трудно, как и четвертый перпендикуляр в нашем мире.

Мы не можем представить себе или нарисовать пространство с числом измерений, большим трех. Когда мы рассматриваем вопросы такого типа, далекие от каждодневного опыта, способность представления или так называемый здравый смысл становятся ненадежными попутчиками. Здесь мы должны опереться на логическое мышление. Логическое рассуждение же приведет к такому вопросу: если двумерное пространство – лист бумаги – представляет собой некую часть, некое сечение нашего мира, не может ли наш трехмерный мир, в свою очередь, быть чем-то похожим на сечение более сложного: четырех- (пяти-, шести- и т.д.) -мерного пространства?

Как искать ответ на подобный вопрос?

Если дополнительные измерения действительно существуют, это обстоятельство должно оказать какое-то влияние на явления, происходящие в нашем мире, должны существовать какие-то физические объекты, способные двигаться по дополнительным направлениям. Короче, четвертое измерение должно проявить свое реальное существование в каких-то наблюдаемых явлениях. Дополнительные измерения, которые ни в чем не проявляются и никакого влияния не оказывают на наш мир, оказались бы ничемными для физики, задача которой – объяснение реального мира путем изучения механизмов наблюдаемых явлений.

Для облегчения видения смысла явлений рассмотрим их в одно-, дву- и трехмерном пространствах, которые мы можем представить или нарисовать. Выводы же о более интересном для нас многомерном пространстве будем делать с помощью естественной индукции.

Представим себе двумерный мир – лист бумаги, по которому ползают двумерные муравьи. Если этот мир не истинно двумерный, а сечение трехмерного мира, в чем должно проявиться это обстоятельство? Как уже было сказано, должны существовать некие объекты,

которые будут двигаться в третьем измерении – в направлении, перпендикулярном листу. Например, умные муравьи заметят, что есть такие объекты – блохи, которые время от времени бесследно исчезают с поверхности бумаги (т.е. из муравьиного мира), а через некоторое время снова появляются в другом месте. Выдающиеся муравьиные физики, в конце концов, пришли бы к выводу, что у мира есть третье измерение, которое они непосредственно не ощущают, но в котором могут прыгать блохи. Не выдвинь они такое объяснение, вся признанная и тысячу раз проверенная физика должна быть отвергнута, поскольку она утверждает, что материальный объект не может

бесследно превратиться в ничто и наоборот, не может возникнуть из ничего.

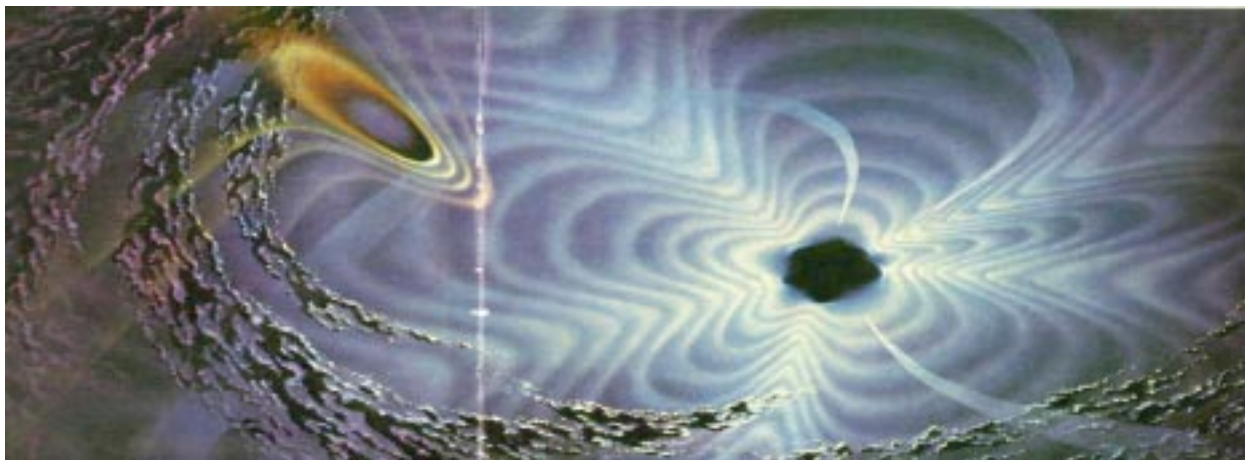
В нашем мире подобное исчезновение тел вроде не наблюдается, и поэтому в нашем мире нет лишнего измерения, подобного трем известным. Вопрос как будто решен и может быть закрыт. Но дело, оказывается, обстоит не так просто.

ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЛИ НАШ МИР ТРЕХМЕРЕН?

До сих пор мы говорили о самом простом случае, когда все измерения были равноценны и равноправны и задавались тремя бесконечными прямыми в пространстве. Но измерение может быть искривлено или вообще замкнуто.

Еще раз вернемся к модели двумерного пространства, изображенного листом бумаги. Свернем лист так, чтобы левый и правый края совпали. Получим цилиндрическую поверхность. Длину цилиндра бесконечно увеличим, а диаметр уменьшим. Полученная трубка опять представляет собой двумерное пространство, но в отличие от плоского листа бумаги его измерения весьма непохожи друг на друга. Одно измерение – прямая, проведенная на поверхности цилиндра параллельно его оси, второе же – окружность вокруг цилиндра, перпендикулярная этой прямой. Ясно, что эти измерения отнюдь не равноценны. Если будем двигаться вдоль одного из них, можем удалиться сколь угодно далеко от начальной точки. Движение же по окружности позволит нам удалиться максимум на длину полуокружности и затем снова приведет в исходную точку. Таким образом, одно измерение в этом пространстве неограниченно большое, второе же замкнуто на себя. В явлениях, которые разворачиваются в больших областях пространства, маленькое замкнутое измерение будет совершенно скрыто, и наша тонкая трубочка покажется нам одномерным пространством.

Так, например, если мы наблюдаем со спутника за движением автомобиля из одного города в другой, мы



увидим перемещение автомобиля по трассе вдоль ломаной линии (одномерное пространство!), а случайные перемещения автомобиля от обочины к обочине (второе измерение) не заметим. Для установления истинной двумерности дороги необходимо гораздо более точное определение местоположения автомобиля – с такой малой погрешностью, которая будет меньше ширины дороги.

Результат всего этого рассуждения ясен: чтобы изучить строение пространства на малых расстояниях, надо наблюдать явления, которые протекают на участках соответствующей величины. Согласно же квантовой механике, чтобы достичь малых участков, нужны частицы больших энергий.

Таким образом, если в пространстве существуют дополнительные измерения малого размера, их можно открыть только с помощью столкновений частиц высоких энергий. Первую теорию одного дополнительного замкнутого измерения еще в 20-е годы прошлого века выдвинули немец Теодор Калуца и швед Оскар Клайн. Эта теория не была успешной, но обозначила новое направление в теоретическом исследовании поля. В последующие 50 лет подход Калуцы-Клайна получил большую популярность и послужил основой ряда перспективных теорий. Наибольшее внимание заслужила теория, в которую входят 6 дополнительных замкнутых измерений и которая создана на основе теории суперструн.

Во всех таких теориях, наподобие первого варианта Калуцы-Клайна, дополнительные измерения могут быть увидены на очень малых длинах, порядка так называемой длины Планка, т.е. 10^{-33} см. Эта величина составляет одну миллиардную одной миллиардной радиуса ядра самого маленького атома.

Очень малые расстояния побуждали физиков, чтобы построить последовательную теорию элементарных частиц, но беда в том, что экспериментальное изучение пространства в таких малых областях абсолютно исключено. Для этого понадобились бы частицы с энергией 10^{19} Гэв= 10^{28} эв. Наилучшие же современные ускорители разгоняют частицы до 10^2 - 10^3 Гэв, что безмерно меньше требуемого. Таким образом, у нас нет, и никогда не будет возможности провести эксперименты для

проверки теорий в столь малой области. Создание таких теорий в лучшем случае представляет собой интеллектуальное развлечение.

БОЛЬШИЕ ЗАМКНУТЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ? Теперь настало время сформулировать исходные положения теории Г. Двали и соавторов: **наш мир имеет дополнительные замкнутые измерения, но они не так малы, как раньше считалось.** Напротив, с точки зрения атомной физики, они весьма велики – возможно, заметны на расстояниях сотой или десятой доли миллиметра.

Это удивительно смелая идея. Авторы утверждают, что у Вселенной может быть совсем другое строение, чем мы думали раньше, причем не в недоступной микроскопической дали, а совсем близко, в непосредственной близости с хорошо изученными явлениями.

После всего сказанного выше простота гипотезы ADD может вызвать в читателе чувство удивления: если дополнительные измерения могут быть большого размера, что заставляло физиков замкнуть их в фантастически малых областях? Дело в том, что идея ADD только внешне выглядит такой простой. Ее получение в виде возможной теории истинного строения мира потребовало преодоления серьезных трудностей. Далее, новая теория только тогда получает право на существование, если она не входит в противоречие с уже накопленным знанием, с фактами, установленными наблюдениями и экспериментом. Показать это – не менее трудная задача, чем создание самой теории. Новая геометрия пространства, причем по масштабам микромира на больших расстояниях, должна оказать существенное влияние на протекающие там физические процессы и изменить там характер многих явлений.

Проф. Гиви Никобадзе,
“ფიზიკა და მათემატიკა სკოლაში”, № 119
(печатается с любезного разрешения автора,
переведено с небольшими сокращениями)
© გამომცემლობა ინტელექტი, 2003
(продолжение следует)



СОЧИНЕНИЕ ОРИГЕНА АЛЕКСАНДРИЙСКОГО “О НАЧАЛАХ” И ЕГО КОНЦЕПЦИЯ ХРИСТА

Продолжая начатую на страницах первого номера нашего журнала беседу о христианском Учении, изложенном в труде Оригена “О началах”, хотелось бы в качестве вступления сказать несколько слов о сочинении в целом.

Произведение “О началах” – первый камень в здании науки догматического богословия, и труды других христианских авторов находятся под более или менее значительным влиянием системы Оригена, которая изложена в этом сочинении.

“О началах”, по словам Памфила, было написано на досуге. Это была скорее книга-исповедь христианского богослова-мыслителя, чем книга для читателей, и даже издаана она была без ведома автора, его другом Амвросием.

Естественно, что в этом труде Ориген изложил свои взгляды особенно открыто и ясно. Здесь каждая мысль Оригена получила свое место, связь, относительное значение; и смысл его суждений по разным вопросам вероучения здесь выступает особенно отчетливо.

Название сочинения “О началах” указывает на основные истины христианского вероучения, которые служат предметом научно-систематического изложения в этом труде. Задача его – представить христианство в виде единого организма Истины. Сама система разделяется на предисловие и 4 книги. Четвертая книга говорит главным образом о

Христианство как оно есть

Боговдохновенности и толковании Священного Писания.

В Первой Книге (гл. 1-3) рассматривается учение о Боге и Святой Троице. Здесь Ориген опровергает мнение антропоморфистов о телесности Бога (гл. 1, 1- 4) и правильно раскрывает понятие о духовном существе Божьем (гл. 1, 5-6) и о бестелесности ума (духа) вообще (1.7).

Понятие о Боге для Оригена сливается с понятием об Отце, поэтому от учения о Боге он прямо переходит к учению о Христе. В нем с первых же строк он предлагает читателю четко различать во Христе две его совершенно различные природы. Природу Его Божества, как едиnorodного Сына Божия и Его человеческую природу, которую он воспринял во время своего земного пути. Христос как едиnorodный Сын Божий, называется многими именами. Так, он называется *Премудростью* в словах Соломона: *“Господь имел меня началом пути Своего, прежде созданий Своих искони: от века я помазана, от начала, прежде бытия земли. Я родилась, когда еще не существовали бездны, когда еще не было источников, обильных водою, я родилась прежде, нежели водружены были горы, прежде холмов (Притчи 8, 2224). Называется Он Первородным, как говорит апостол: “рожденный прежде всякой твари (Колос. 1.15). Наконец, апостол Павел говорит: “Христос - Божья Сила и Божья Премудрость” (1 Кор. 1.24).*

Итак, Сын Божий есть Премудрость Его, существующая субстанционально. Субстанция Сына бестелесна. Это должно быть очевидно, так как ни один здравомыслящий человек не станет искать в Премудрости цвет, величину или иные признаки телесности.

Бог Отец постоянно рождает Премудрость. Предположение, что Бог родил к Бытию Премудрость, прежде не существовавшую, кощунственно. В этом случае получится, что Он или не мог или не хотел родить Ее – и то, и другое нелепо и нечестиво, так как обнаруживается, что Бог или возвысился из состояния неспособности или медлил и откладывал родить Премудрость. Следовательно, Бог – Отец едиnorodного Сына Своего, от Него рожденного, от Него получающего бытие без всякого начала.

Именно в этой ипостаси Премудрости находились вся сила и предначертание будущего творения – и того, что существует с самого начала мира, и того, что происходит впоследствии.

Когда Премудрость говорит через Соломона о Себе, что Она сотворена началом путей Божьих и что она сотворена – это значит, что Премудрость предначертывает и содержит в себе начала всей тварей.

Наименование Премудрости Словом Божьим

означает, что она открывает всем существам познание тайн и всего сокровенного, содержащегося в Премудрости Божьей. Она называется Словом потому, что служит как бы толкователем тайн духа. Это подтверждает изречение Павла: *“Сей есть Слово, существо живое”* (Деяния), а также Иоанна: *“...и Слово было у Бога, и Слово было Бог”* (Иоанн 1.1).

Этот Сын есть Истина и Жизнь всего сущего, иначе как бы могли жить все сотворенные существа, как не благодаря только Жизни; или как стояли бы они в истине, если бы не происходили от Истины.

Но так как некоторым тварям предстояло отпасть от жизни (ибо смерть есть ни что иное, как отпадение от Жизни), и так как однажды сотворенное богом не может окончательно погибнуть, должна была прежде смерти существовать сила, способная разрушить будущую смерть и быть *Воскресением*.

Сын, как Слово и Премудрость Божья, стал *Путем*, ведущим к Отцу приходящих через Него.

Итак, Сын Божий есть Слово и Премудрость Его, Истина и Жизнь, Воскресенье и Путь. Ни в одном из этих наименований даже самая поверхностная мысль не может разуметь ничего телесного, имеющего цвет, форму или величину.

Сравнивать Бога Отца в рождении едиnorodного Сына Его и в даровании ему бытия с родителем из числа людей или других тварей беззаконно и нечестиво. Рождение Сына есть нечто исключительное, достойное лишь Бога, для него нельзя найти никакого сравнения не только в мироздании, но и в мысли. Этот акт выше человеческого понимания: ведь это рождение вечное, непрерывное, подобно тому, как сияние рождается от света.

Так, у Иеронима читаем: *“Бог есть свет непостижимый. Христос в сравнении с отцом есть слабое сияние, которое нам кажется великим по слабости нашей”* (из письма Иеронима к Авиту). Через сияние познается и чувствуется, что такое сам свет. В Послании к Евреям апостол Павел говорит, что *“Сын есть сияние славы и образ Ипостаси Его”* (Евр. 1.3).

А у Иоанна читаем: *“Бог есть Свет”* (Иоанн 1.5) и далее о Христе: *“Он есть Свет истинный, просвещающий всякого человека, грядущего в мир”* (Иоанн 1.9). Естественно заключить, что Сын есть Сияние Света Бога Отца.

Апостол Павел говорит, что едиnorodный Сын есть *“Образ Бога Невидимого (Колос. 1.3) и образ Ипостаси Его”* (Евр. 1.3). Этот образ заключает в Себе единство природы и сущности Отца и Сына. При этом необходимо помнить, что божественная природа Христа как бестелесного существа, едина и неделима. Мыслить деление Бога Отца в себе Самом на какие-либо части крайне безрассудно и нелепо. Напротив, как воля происходит от ума и при этом не отделяется от него и не отделяет никакой части, так и Отец родил Сына. Невидимый сам по природе, родил Он образ Свой невидимый.

Итак, Спаситель наш есть образ Невидимого Бога Отца по отношению к Самому Отцу, по отношению же

к нам Он есть Истина, которая нам открывает Бога Отца. Он – образ, через который мы познаем Отца, которого не знает никто другой кроме Сына, и знает еще тот, кому захочет открыть его Сын. Открывает же Он Бога тогда, когда Сам служит предметом познания, как Сам об этом говорит: *“Видевший Меня, видел Отца”* (Иоанн 14.9).

Соломон говорит о Премудрости: *“Она есть пар силы Божией и изливание Вседержителя славы чистое и сияние света присносущного и зеркало непорочного Божия действия или силы и образ Благодетельности Его”* (Премудр. 7. 25-26). Этот пар силы Божьей, не имеющий никакого начала, помимо Самого Бога, от которого Он существует и рождается, существовал всегда. Согласно же апостолу, который говорит, что *“Христос есть сила Божья”* (Кор. 1.25), этот пар нужно признать не только паром силы Божьей, но и силой от силы.

Наименование Вседержителя в божестве не может быть древнее наименования Отца, ибо Отец всемогущ через Сына, что совершенно ясно подтверждает Писание: *“Все сделал ты премудр”* (Псал. 103.24) или Евангелие: *“Все через Него начало быть и без него ничего не начало быть”* (Иоанн 1.3). Но так как Соломон упоминает о славе Всемогущего, истечением которой служит Премудрость, то этим он дает понять, что Премудрость имеет участие в славе Всемогущества, за которую Бог называется Вседержителем.

Всемогущество Отца и Сына одно и то же, как один и тот же с Отцом Сын – Бог и Господь, эту мысль подтверждает Иоанн в Апокалипсисе: *“Это говорит Господь, который есть, был и грядет Вседержитель”* (Апокалипсис, 1.8), но кто этот грядущий, как не Христос?

Бог Отец всемогущ потому, что он содержит в своей власти все: небо и землю, солнце, луну и звезды и все, что на них. Но над всем этим владеет через Слово Свое: *“перед именем Иисусовым преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних, и всякий язык исповедал, что Иисус Христос – Господь во славу Бога Отца”* (Филипп. 2.10-11).

Итак, все подчинено Иисусу, и Сам Он владеет над всем, и через него уже все подчинено Отцу – именно подчинено через Премудрость, т.е. словом и разумом, а не насилем и принуждением.

Премудрость также называется *чистым зеркалом действия Божия*. Подобно тому, как изображение человека, смотрящего в зеркало, с полнейшей точностью отражает все действия, производимые этим человеком, подобно этому и Премудрость желает дать о себе именно такое же понятие.

Так, Сам Господь Иисус Христос говорит о Себе: “дела, которые творит Отец, то и Сын творит так же” (Иоанн 5.19) и дальше *“Сын ничего не может творить сам от себя, если не увидит Отца творящего”* (там же), следовательно, у них одно движение во всем, вот почему Премудрость назвала Себя чистым зеркалом, чтобы уничтожить всякую мысль о

неподобии Сына с Отцом.

Остается еще рассмотреть, что такое *Образ Благодати Его*. Первоначальная благодать есть, без сомнения та, от которой родился Сын, но Он во всем есть образ Отца, и потому по справедливости должен быть назван образом благодати Его. Сам Спаситель говорит в Евангелии: *“Никто не благ, как только один Бог”* (Марк 10.18; Лука 18.19). Это значит, что в Сыне

не иная благодать, а та же самая, которая и в Отце. “Он есть Образ Благодати Божьей, но не само благо, может быть и Сын благ, но не просто благ. Он – Бог, но не тот Бог, о котором Сам Христос говорит: “да знают тебя, единого истинного Бога”. Точно так же Сын есть образ благодати, но благо не неизменно, как Отец” (из письма Юстиниана).

(продолжение следует)

Психология святости.

В пустынножительство идут художники молитвы, люди, одаренные редким талантом религиозного вдохновения.

Я бесконечно далек от того, чтобы опытом постичь это высокое состояние, но в воображении оно мне рисуется так. Святым, как гением, как героем, нужно родиться. Нужно, чтобы целый ряд поколений сознательно или безотчетно вырабатывал блаженную душу, характер того непостижимого изящества, красоты, нежности, который природа так часто вливает в свою стихийную работу. Рожденный как бы под песни ангелов, подобный ребенок растет поистине как та “душа младая”, которую “по небу полуночи” нес ангел. **Попадая в “мир печали и слез”, иногда в ужасную среду порока, такой ребенок безотчетно стремится вон из нее, вон из несовершенного мира в состояния, ему еще памятные, до-здешние.**

Почему купеческий сын, хотя бы и благочестивых родителей – пошел в монашество? Да просто захотелось, и хотенья этого он превозмочь не мог. О, будьте уверены, мир со своей стороны сделал все, чтобы поймать юношу. “Мир ловил его, но не поймал,” говоря словами украинского философа. Ему хотелось святости, как другому – порока. “Из тщеславия пошел в монахи” – скажет скептик, – “захотелось поклонения.” Какая неправда! Из тщеславия идут – это допустить позволительно – в духовные академии, чтобы надеть когда-нибудь митру и украсить грудь звездами. Из тщеславия идут в писатели, в актеры, в генеральный штаб – куда хотите, но не в пустынное житие, или, попав туда, быстро бегут оттуда. В пустыню, “прекрасную мать-пустыню” идут души нежные, восхищенные природой, гармонией, для нас неслышной, поэзией вечерних и утренних зорь, созерцаний райских. В пустынножительство идут художники молитвы, люди,

одаренные редким талантом религиозного вдохновения. **В сущности, не все ли мы ищем того, что составляет тайну нашего существа, тайну счастья?** Сначала монашество, потом отшельничество, затем затворничество. Наконец, после пятнадцати или двадцати лет этого сосредоточенного брожения благородного духа, двери кельи открываются. Оттуда вместо ожидаемой тьмы сияет свет и радость, целебная, спасительная любовь. Подвижник достигает, наконец, желанного состояния, к которому стремилась душа его – состояния святости. Он снова в объятиях ангела, он слышит ясно “звуки небес” и сгорает жаждой передать их людям.

Святость – одна из форм духа, известная с глубокой древности и среди всех народов. Из всех форм она почиталась совершеннейшей. Всюду употреблялись почти одни и те же способы для достижения святости. За тысячу лет до нашей эры монашество уже процветало в Индии и Египте. Следы неподражаемых по высоте нравственных настроений остались в священных буддийских книгах: немногие сутты, которые я читал, восхитительны. В браминской Индии до сих пор есть народный обычай – посвящать себя в известном возрасте отшельничеству. На закате жизни каждый порядочный человек должен перейти в это высшее, связанное с отречением от мира состояние. До сорока лет – семья, до шестидесяти – общественная и государственная деятельность, и затем индус, кто бы он ни был, надевает желтое платье нищего и берет чашу для подаяний. Он идет в пустыню, в одиночество, в созерцание, в глубокое размышление, в устроение духа вне времени и места, вне тягостных условий культурной суеты. В рассказе Киплинга “Чудо Пуран-Багата” говорится, как один из аристократов, министр маленького индийского двора, воспитанник английского университета и кавалер высшего английского ордена все это бросил и удалился в горы, буквально как некогда царевич Сиддартха. Там он прожил сорок лет в глубоком погружении в безмолвие природы, в тишину собственной души, в претворение всей прежней жизни в одно какое-то высшее сознание, в высшую мудрость.

Все великие отшельники, подобно Будде, пройдя аскетизм, оставляют его. Рожденные благородными, они без большого труда достигают состояния, когда плоть уже обуздана, когда приобретено навсегда ясное, блаженное господство духа. Зачем изнурять плоть столь

скромную, нетребовательную, как у святых, – плоть, которой уже ничего не хочется, которой достаточно горстки риса и чаши воды, чтобы поддерживать бытие? Иное дело, если плоть доведена до состояния зверя, и если этот жадный зверь раздражен и раздрается похотями. Я склонен думать, что борьба с таким “зверем” редко оканчивается победой и, может быть, никогда не оканчивается победой полной. Продолжительный аскетизм в этом случае имеет свой смысл. Но подобно тому, как бывает дух глубоко падший, бывает и плоть святая. Тело святого – будто только что сотворенное Богом, уравновешенное мирное тело, всецело подчиненное духу. Никаких стремлений, никаких пристрастий, – нет ничего такого, от чего было бы трудно отказаться тотчас, как только потребует того ВЫСШЕЕ СОЗНАНИЕ. Такая кроткая “святая плоть” есть олицетворенное здоровье. Оно дается в награду праведникам и, кажется, только им одним. У отшельника – нора в горе и кусок хлеба в день, и старик живет до восьмидесяти, до ста лет, не зная, что такое доктора и лекарства. ВЕЛИЧЕСТВЕННЫЙ ДУХ, распутившийся как крона над стволом пальмы, кажется, совсем забывает об этом засохшем стволе жизни, предоставляет ему как-нибудь вытягивать из пустынной почвы немного питания, а последнего всегда оказывается достаточно.

Нет сомнения, что внешний подвиг святых главным образом состоит в подготовке плоти к новому состоянию духа, в “укрощении плоти”. Но что такое укрощение? Как пловец заботливо осматривает челн свой и заделывает щели, так и человек, стремящийся к святости. Ему действительно нужно особое, укрепленное тело. Укрепленное не гимнастикой, которая сводится к потере органического равновесия, к нарастанию грубых тканей за счет более нежных, а способом более естественным – ВОЗДЕРЖАНИЕМ. Это тоже, если хотите, гимнастика, но только через ДУХ. Разросшиеся органы упражняются в неделании и непитании, пока не атрофируются до своей естественной формы. Как задача скульптора – отнять у мраморной глыбы все лишнее, чтобы обнаружить прекрасное изваяние, так и у подвижника: он постепенно снимает со своей плоти лишний жир и мясо, пока не превращается даже физически в ИДЕАЛЬНУЮ ФИГУРУ, – идеальную в том смысле, что в ней сохранено только необходимое.

Почитание мощей, мне кажется, коренится в этом отношении плоти к духу. Тело святых не совсем такое же, что наше, физиологически не такое. Это все равно, как настроенный инструмент не то же самое, что расстроенный. Весь строй святого тела уравновешен и подчинен основному тону – СЛУЖЕНИЮ МЫСЛИ. Раз нет страстей, хотений, излишеств, раз приход и расход тела сведены к минимуму, такое тело не может быть совсем таким же, каковы тела, например, пьяниц, обжор, азартных спортсменов или праздных лентяев. Облагороженная плоть, как материальный корень духа – достойна быть предметом поклонения, как все совершенное, чего мы хотели бы достичь в себе.



Древние поклонялись прекрасным статуям. Это были языческие мощи, только мраморные, напоминавшие о БОГОПОДОБНЫХ людях. Я не богослов и не берусь судить с богословской точки зрения, но мне кажется, что аскетизм праведников есть, прежде всего, ВОЗВРАЩЕНИЕ ТЕЛА К ПЕРВОРОДНОЙ НЕВИННОСТИ И ЧИСТОТЕ. Результатом этого возвращения само собой является ПЕРВОРОДНОЕ ЗДОРОВЬЕ. Не “убиение” плоти, а убиение только его уродств и болезней. Не истязание, а возвращение к окончательному блаженству – вот цель истинного аскетизма. Мне кажется, что это так доказывает прекрасное физическое самочувствие праведных. Я знаю, что хворают и прекрасные люди, но болезнь у них – признак какого-нибудь греха, личного или родового. Болезнь, как и уродство или безобразие, свидетельствуют о некотором поражении духа: духу безупречному подобает совершенное воплощение. Праведники, насколько от них зависит, возвращают себя к свежести ранних лет. Как младенцы, не знающие ни плотской любви, ни опьянений, ни наркозов, ни пресыщения, праведники чувствуют себя легко и ясно. Довольствуясь ничтожным, они достигают самого значительного. Как младенцы, они не замечают своего тела и погружены исключительно в работу духа. Кто знает, может быть, их святость есть уже новое, в этой жизни начавшееся младенчество, как бы второй расцвет за то же лето возраста. Но так как при этом они не теряют накопленного сознания, то их второе детство освещается всем опытом долгой жизни. Они – и дети, и мудрецы вместе. Именно о таких сказано, что им доступно Царство Божие. Что же является окончательным разумом этого блаженного состояния?

ЛЮБОВЬ КО ВСЕМУ.

М. Меньшиков. 1903гг



Что радикальная борьба с преступностью – не правосудие, человеку непосильное, – а что-то другое, – именно общая гуманность, воспитание, справедливые общественные порядки, здоровый быт – с этим я согласен. “Будем христианами – и не будет преступников”. Святая истина. Но теперь-то, теперь что делать?

Мне кажется, в интересах именно христианства нужно построже отнестись к греху. Что-то слишком мы стали снисходительны, поразительно добры!

Мне кажется, было бы чисто дьявольской х и т р о с т ь ю, если бы мы под флагом гуманности поступили в услужение злу. На эту удочку попасться было бы особенно опасно. **Мне думается, обществу живому нужно вступить в решительную борьбу со злодейством во всех его видах, не щадя ни средств, ни даже грешного счастья своих сочленов.** Сказано: “Не желай ближнему ничего, чего не желаешь себе”. Но я и себе не желаю оставаться безнаказанным и имею право желать того же и ближнему. Выметая сор из своей души, я вправе желать известной опрятности и от соседей. Нашествие хулиганов, сутенеров, дегенератов, босяков, декадентов, резонирующих о Боге философов, копающихся сладострастно в мозгу ребенка... Нашествие сверхчеловеков с ядом кураре, половых психопатов и психопаток – это грязное нашествие должно быть остановлено. Оно должно быть встречено самым энергичным отпором, иначе, в самом деле, недалеко до беды. **Чересчур ли это здоровые господа или больные выродки – им должно быть указано вполне определенное место. Они должны быть обезврежены с той же неумолимостью, с какою мы преследуем**

волков и чумных бацилл.

И преступность, и сумасшествие, и болезнь воспитываются благоприятными условиями, – следует создать для них условия самые неблагоприятные. И преступность, и сумасшествие в высшей степени чувствительны к внушениям среды, к тем идеям, которыми живет общество. Надо создать внушения, для них убийственные. В старинные времена жизнь человека почиталась СВЯТЫНЕЙ, государство окружало право жизни грозой, приближение к которой вселяло ужас, убийцы и насильники истреблялись начисто, как дикие звери. **Это было грубо и недостойно теперешних понятий о человечности, но имело свой смысл. Общество очищалось от преступных элементов; в лице убийцы вешалось все его потомство, дурная наследственность заканчивалась в первом своем проявлении. Как тщательным выпалыванием дурной травы дают отбор хороших пород, так энергичною борьбою с преступниками общество создало СТРОГИЕ ПРАВИ:** мистическое уважение к нравственному закону, столь же мистический ужас перед карающим блюстителем законности, внушение справедливости, чести, порядка и благообразия, – все, что отличало старую культуру. **Она была груба, эта культура, не всегда одолевала анархию более древних, языческих привычек, но местами имела завидный успех.**

... Не станете же вы отрицать замечательную даже теперь честность населения некоторых протестантских стран (у нас – Финляндия и Остзейский край), строгость целомудрия, уважение



к законности у них и т.п. Но как раз именно в этих странах уголовный закон до последнего времени отличался своей суровостью. Повторяю: я не мог бы согласиться со смертной казнью, пытками, плетями – они мучительны, и не только для злодеев, но для самого общества. Но, отбросив это бесчеловечие, государство должно серьезно подумать, чем заменить его. Перуны, которыми защищалась жизнь и честь человека, сняты – необходимо окружить святыню жизни новой защитой. Нужны внушения не менее грозные, чем прежде, хотя бы и не кровавые, необходимо, чтобы начинающий молодой преступник знал с раннего детства, что при первом же покушении на чужую жизнь, он встретит собственную смерть, хотя бы нравственную, пусть не будет виселиц, плетей, но пусть не будет никакого нравственного снисхождения, никакой возможности вновь вернуться в то же общество вообще. Будем прощать убийц нечаянных, но холодный умысел на жизнь есть восстание против самого Бога, он должен караться вечным проклятием общества, вечным изгнанием.

“Что же, – скажете вы, – одиночная тюрьма? Могила, где заживо умирает преступник, превращаясь в идиота? Медленная смерть вместо милостивой – мгновенной?”

Я отвечаю: Что же делать, – придумайте что-нибудь лучше. **Я, согласно с наукой, не верю в исправление закоренелых злодеев.** Если бы нравственные болезни лечились столь же успешно, сколько физические, мы что-нибудь знали бы о чудесах этого рода. **Христос исцелил множество хромых, слепых и т.п., но не исцелил ни одного фарисея и лицемера. Преступники случайные – о них нет речи, но типические злодеи неисправимы, они должны быть отделены от мира, как прокаженные, и разве только святым**

людям из общества, людям, идущим на подвиг, должно быть разрешено общежитие с ними. Пусть, рискуя встретить страдание и смерть, эти святые попробуют составить общество злодеям. Может быть, они добьются чего-нибудь. Но, прежде всего и строже всего, злодеи должны быть изгнаны. Разве не в этом состоит христианская идея об аде? Негодное, гнойное, мертвое должно быть отделено от живого.

Я настаиваю на возможной строгости к убийцам вот еще почему: закон слабый, нерешительный обезоруж-

ивает общество, лишает его бытовой самозащиты. Если само государство колеблется в определении зла, если закон снисходит к преступлению, то это внушает обществу мысль, что кровь человеческая вещь не важная, что, почему и не пролить кровь при случае. Является соблазн. Понятие “преступник” теряет прежнее, полное страха значение, оно делается даже интересным, иногда превращается в титул. В понятиях неуверенности мы и детей воспитываем: они видят, как поминутно оправдываются убийцы, не вникая, конечно, в мотивы оправдания, им недоступные. Мне кажется, полезно было бы немножко развенчать преступность, снять с нее сияние, которое на ней нарастает в глазах толпы. Мы живем в эпоху всяческого декаданса. **Открыто проповедуется самая утонченная грязь и вонь, воспеваются сладострастие, кровавая борьба, сокрушение нравственных авторитетов, гибель художественно-тонкой, веками строившейся моральной культуры.** Злые инстинкты давно уже имеют своих философов, поэтов и пророков. Уже – как в деле Порозова – следователю суда приходится читать присяжным целую лекцию о декадентстве. Уже босяк наносит пощечину образованному обществу только за то, что оно “сыто”, а он, видите ли, только пьян. Мне кажется, в такое время нужно вновь взглядеться еще и еще раз: что же такое преступление? Если это начало общественной смерти, то нужны более внимательные меры защиты. Чтобы ужаснулись злу, чтобы в себе самих и в детях они тронулись к **НРАВСТВЕННОМУ ОЗДОРОВЛЕНИЮ**, нужно, чтобы закон дал злодейству иные формы и иное, более строгое их применение.

М. Меньшиков. “Новое время”
28.09. (11.10.) 1903 года.



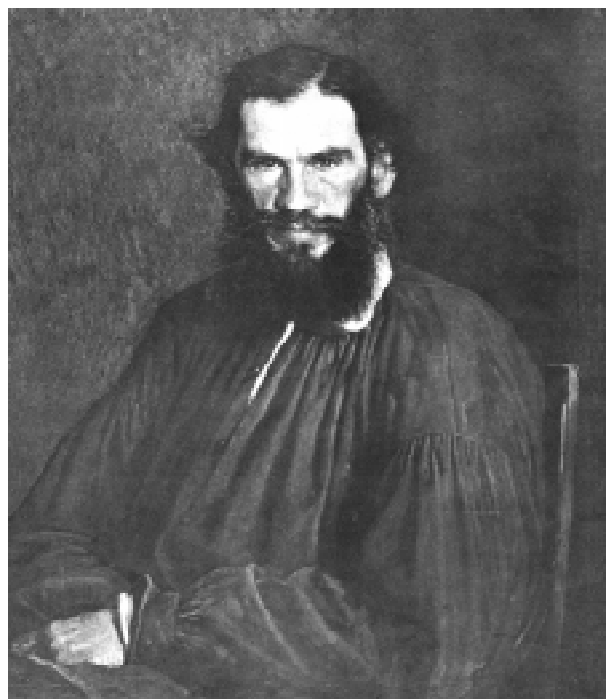
Иван Иванович Горбунов–Посадов (14.04 .1864 – 12.04. 1940) По поводу отлучения Святейшим Синодом Льва Толстого от Православной церкви в 1901 г. было опубликовано немало протестов со стороны деятелей культуры того времени. Одним из наиболее страстных, обличающих тьму невежества, был протест Горбунова–Посадова. Друг, единомышленник и последователь Л. Н. Толстого, он с 1897 по 1925 гг. – бессменный руководитель издательства “Посредник”, выпускающего по инициативе Льва Николаевича книги для народного чтения и самообразования. В 1907–18 гг. Горбунов–Посадов редактировал радикальный педагогический журнал “Свободное воспитание”, после революции работал в области детской литературы и педагогики.

И. ГОРБУНОВ–ПОСАДОВ

СВЕТ НАДО ЗАГАСИТЬ

Долой Толстого! Надо задушить его голос! Он уничтожает государства, нации, партии, церкви. Он уничтожает всякое разделение, всякое раединение людей, если его послушают, все соединятся в одну душу, в одно сердце, в одно великое царство братства. Если его услышат, зачем же тогда власть государей, президентов, парламентов, национальных вождей, предводителей партий, первосвященников церквей, царей капитала? Зачем тогда нужны будут цари, президенты республик, национальные вожаки, начальство всех партий, первосвященники, депутаты, судьи, тюремщики, цензоры, сборщики податей и процентов? Зачем тогда все эти господа, делающие вид что без них не могут жить народы, трудами которых они объедаются, которых они держат в явном или скрытом рабстве, в невежестве, которые они ввергают во вражду, в звериную борьбу, в потоки крови ради удовлетворения своих appetитов, интересов кучки их, паразитов на великом теле народа? Зачем тогда все эти троны и канцелярии, и залы праламентских заседаний, и кабинеты министров, и суды, и тюрьмы, и полицейские участки, и биржи, и церкви разных вер? Зачем тогда все эти властолюбцы, словолюбцы и все миллионы честолюбцев и грабителей, кормящихся около них? Зачем тогда все эти миллионы, величающиеся и поедающие труды народа около всех престолов – царских, президентских, депутатских, церковных биржевых? Зачем тогда все эти мириады диких и ученых пособников, лизоблюдов, воспевателей, защитников, благословителей, укрывателей величайших обманов, грабежей, насилий?

Если Толстого услышат, кто же тогда станет платить подати, идущие на их жирную тщеславную жизнь, и на вооружения, разоряющие под предлогом их защиты от врагов и увеличивающие в мире порабощение и злодеяние войны?



Долой Толстого! Из его писаний льется свет в человечество, который разрушит до дна всю тьму, в которой они держат человеческие души. Спадает чешуя с глаз. Слепые прозревают. Прокаженные очищаются. Расслабленные становятся на ноги и освобождаются. Его писания свергают без крови и насилия всех повелителей мира.

Нужны ли повелители – люди, когда повелителем станет Братство, повелительницей станет Любовь, повелителем станет Божественный свет, горящий в душе человека?

Кто может повелевать человеком, когда каждый человек сознает, что в нем то, что выше всего на свете, когда в каждом со дна души поднимается Бог, светлый и

великий, Бог, над которым не может быть царей, президентов, генералов, судей, полицмейстеров, архиепископов и тюремщиков. Ибо никто не имеет права повелевать человеком, сыном Божьим, делать из него раба человека или государства, солдата, убивающего других сыновей Божьих, плательщика на устройство государственных насилий и убийств

Никто не имеет права делать из человека, сына Божьего, вымогателя податей, тюремщика, растреливателя братьев по ту или иную сторону границы в мундире царских палачей или республиканских государственных убийц. Никто не имеет права делать из человека, сына Божьего, окровавленную жертву войны, карательной экспедиции, смертной казни..

Долой Толстого! Если его услышат, зачем тогда эти душасщие загоны, в которые загнаны человеческие стада: загоны которые называются Германия, Россия, Великобритания, Франция, Соединенные Штаты и сотни, сотни этих загонов, этих государств и государствшек, как стены тюремных клеток разделяющих братьев-людей?

Если Толстого услышат, кто же станет гордиться, что меня зовут немцем, англичанином, французом, или русским, а не сыном Божьим, когда одна земля подо всеми, одно небо сияет над всеми, когда одна душа во всех, когда единый Бог во всех зовет к соединению.

Зачем тогда все эти тысячи границ, крепостей, броненосцев, зверских пушек? Зачем тогда все эти окровавленные национальные, царские, республиканские знамена, возбуждающие людей резать друг друга? Зачем все эти пережитки человеческой дикости, слепоты и векового обманывания теми, вся сила которых в разделении людей, распылении человечества?

Зачем тогда среди братьев – людей все эти генералы, офицеры, интенданты с красными, синими, желтыми, выпущками и галунами, все эти люди, которые с утра до ночи обучают миллионы людей мерзости будущих убийств под торжественным названием “всеобщая воинская повинность”?

Зачем тогда все эти штабы, все эти военные академии, высшие школы народного убийства, где взрослые люди с бородами играют на картах всех частей света, чтобы потом также двинуть живые части света, с трепетно бьющимся живым человеческим сердцем, на всемирный убой друг друга?

Долой Толстого! Если его услышат, зачем тогда все эти дикие для христианина, для просвященного человека чины и возвеличивающие клички “офицер, генерал, адмирал, тайный советник, камергер, канцлер, премьер”?

Зачем тогда все эти нелепые разделения людей на черную и белую кость, все эти титулы, все эти дворянства, эти дикие “де, фон барон, сэр, маркиз, лорд”? Зачем тогда все эти остатки человеческого идиотизма, тшеславия, лакейства и рабства?

Зачем эти клички “пролетариат, буржуа”, когда все только одно: равные, равные и равные перед Богом,

перед жизнью и смертью, пред людьми и народами, братья, братья-люди, и когда для каждого человека есть одно только достойное его великое название: ЧЕЛОВЕК. !

Зачем тогда все эти папы, патриархи, архиепископы, суперинтенданты, патеры, пасторы, священники, муллы, равнины, бонзы, ламы и шаманы, когда Бог сам открывается всем, каждому сердцу? Зачем все они, разрывающие людей на тысячи церквей, церковок, приходоов, сект, когда во всех один Бог и дело жизни одно – слиться всем воедино в единую душу, в единую церковь, в единую любовь?

Кто посмеет тогда быть властителем человеческих душ, в которой живет Живой Бог? Кто вправе тогда быть посредником между Отцом Богом и его сыном–человеком?

Зачем тогда заклинания жрецов-лжецов, вызывающих Бога из немых небес, когда Бог говорит в каждом человеке? Зачем тогда жалкие бормотания у мертвых алтарей и идолов, когда каждый человек может и должен совершать величайшее священнодействие – любить истину, любить братьев-людей и всякое живое дыхание и жизнью и словом проповедовать всякому созданию божьему Любовь, которая во всех? Зачем эти сотни вер, кормящих миллионы жрецов-обманщиков и разделителей душ и народов? Когда люди прислушаются к тому, что Бог говорит человеческому сердцу, на земле будет только одна вера, потому что один Бог на всех.

Долой Толстого! Задушите, задушите его голос! Ведь он доказывает, что право государства распоряжаться личностью человека и произведениями его труда есть незаконный произвол одних и величайшая слепота других. Ведь он озаряет странным светом истины окровавленные руки государей, президентов, предводителей, точащие топоры для убийства народов, топоры великих мясников, которые готовы превратить весь мир в одну сплошную бойню для увеличения своей власти и богатств. Ведь он смеет говорить: “Человек, если ты разумное существо с человеческим сердцем, не будь убийцей, не вступай в ряды палачей народов, хотя бы это называлось христолобивым воинством или республиканской гвардией”. Ведь он сделает то, что ни один человек не пойдет под солдатскую шапку. И тогда конец всему, всему!

Долой Толстого! Он позволяет себе нападать на нашу цивилизацию с желтыми лакированными ботинками, с блестящими крахмальными сорочками, с сияющими цилиндрами, с дорожными несессерами с ароматическими мылами, с подпилками и щеточками для полирования ногтей, и с великолепно организованным государственным и денежным рабством, с разрывными пулями, минами, расстрелами, виселицами, с миллионами детских тел, продаваемых в трудовое рабство, с мириадами голодных девушек, продающих свое тело на улицах.

Он отрицает цивилизацию с усовершенствованными клозетами, и с человеческой душой, с ног до головы вымазанной в кале корысти, грабежа, властничества,

пошлости и разврата. Долой Толстого! Он отрицает цивилизацию и культуру!

Он отрицает прелесть жизни, какую мы устроили: с тюрьмами, войнами, казнями, нагло возвышающимися дворцами царей и миллионеров, кабаками и биржами, с кафе-шантанами, оперетками, фарсами, с домами терпимости, с нарядными мужчинами-самцами, с затянутыми и оголенными для возбуждения мужчин и женщин, с литературой, разжигающей скотские похоти! Он отрицает радость жизни!

Он заявляет, что гораздо важнее того, что у нас вместо души клеточка, научиться знанию о том как человеку жить наивысшей, наиразумнейшей, наилюбящей, наисвободнейшей жизнью. Он говорит, что человеку всего нужнее не Геккели, со всею своею наукою остающиеся на самом низком уровне духа, признавая смертную казнь и войну, а учителя величайшей науки жизни – Христа, Будды, Бегги-Уллы, и подобные им пророки наших дней, высоко поднимающие душу и жизнь человеческую на вершины разума и любви. Долой Толстого! Он отрицает науку!

Он утверждает, что только то искусство велико, которое соединяет всех людей в высшем чувстве всеобщей любви. Он выгоняет из великого храма творчества бичом своего слова литературу, живопись, музыку, создаваемые для раздражения половых органов. Он обличает акробатов и клоунов искусства, куыркающихся перед толпою пресыщенных. Он заявляет, что искусство, растлевающее чистоту души и тела, преступно; что искусство, воспевающее властителей, насильников, героев силы и крови, подло; искусство, веселящее угнетателей и эксплуататоров и щекочущее пятки у обжиралов, гнусно. Долой Толстого! Он отрицает искусство!

Он верит в Бога, он верит в вечную, вечно творящую жизнь духа. Долой Толстого! Он суевер, вредный мистик.

Он отрицает Бога с бородою и в белой рясе, сидящего на небе. Он отрицает чудеса от костей покойников и от масла, вытекающего из размалеванных досок. Он исповедует только Бога, раскрывающегося в человеческом духе. Он вслед за апостолами Христа, творит величайшие чудеса воскресения человека в человеке, величайшее чудо возрождения души человеческой. Долой Толстого! Он – еретик, атеист, безбожник!

Он утверждает, что неважно, улетел на небо Христос в теле со своим саваном или нет, что хлеб и красное вино – это тесто и вино, а не тело и кровь Христа, величайшего Учителя того, что Бог есть дух и только дух. Он утверждает, что Христос учил верить не в разные глупости и суеверия, но верить в одну только величайшую, разумнейшую истину любви, которая одна лишь спасет человека и весь мир.

Он утверждает, что Христу нужно не то, чтобы верили в него, как в Бога, а чтобы каждый человек поверил в Бога в самом себе и во всех, чтобы каждый человек воспылал пламенем Божьим, чтобы по всему миру из всех душ разлился бы пламенеющий океан

Божьей любви. Чтобы таким образом спустилось на землю то царство Божие, то царство любви, за проповедь которого Христос обрек себя на ужаснейшие муки и крестную смерть. Долой Толстого! Он нехристь, он антихрист!

Он говорит, что выше всего ЦЕЛОМУДРИЕ. Что мужчина должен смотреть на женщину, как на сестру. Что всеми силами души надо бороться с соблазнами, толкающими женщину в роковую пропасть и делающими из нее рабыню человеческого скотства, и из мужчины грязное животное. Долой Толстого! Он проповедует аскетизм!

Он утверждает, что нисколько не освящает половых отношений то, что люди пройдут вокруг церковного аналая. Но что каждый, сойдясь с первой женщиной, становится уже ее мужем и должен свято сохранить этот союз, оберегая себя и ее от падения с другими. Долой Толстого! Он отрицает таинство брака, он проповедует разврат!

Он провозглашает величие и честность бедности и свободного духа добровольного бедняка. Он обличает всякое стремление к богатству и собственности. Он говорит, что быть богатым преступно. Ибо миллионы людей нуждаются в самом необходимом. Он говорит, что пока есть богатые, будут и голодные и холодные в мире. Он говорит, что берущие выше того, что нужно для их хлеба насущного, отнимают это у нуждающихся братьев, грабят и воруют у Бога. Он говорит, что вся земля Божья и должна быть землею всех. Долой Толстого! Он проповедует всеобщий грабеж! Он отрицает собственность! Он коммунист!

Он отрицает, чтобы человека для того, чтобы он стал сознательным борцом, освобождающим себя и людей, строящим великое братство, непременно надо выварить в котле фабрик и заводов, копей и рудников. Он отрицает, что для воцарения братства надо, чтобы одна половина человечества ненавидела и душила другую, называя ее “пролетариями” или “буржуями”. Он отрицает, что прогресс человечества совершается брюхом человечества, а не великим творческим духом его. Долой Толстого! Он отрицает исторический материализм! Он отрицает социализм!

Он говорит, что судьи жестоко судят укравшего булку с голода и охраняют богатства, награбленные сильными у слабых и обманутых. Он говорит, что судьи запирают в тюрьмы голодных и холодных, раздетых и разутых и защищают интересы тех, из-за которых люди раздеты и разуты, обобранны, темны и слепы. Долой Толстого! Он отрицает законы, он одобряет преступления, Он отрицает суд! Он анархист!

Он говорит: “Мир завяз в кровавой сети насилий, и освободить его может только любовь. Не отвечай никогда насилием на насилие. Не насилуй ни в коем случае ни ради чего. Не грабь и не отнимай ни для чего. Как можно меньше бери себе, как можно больше давай братьям-людям”. Долой Толстого! Он – непривлеченец, он проповедник рабства!

Он борется своим словом против республиканских городовых, жандармов, сыщиков, палачей, также как и

против царских городских и палачей. Он отрицает право республиканских судов распоряжаться человеческой жизнью, также, как и право царей. Также, как святость царской виселицы, он отрицает святость и революционной гильотины. Долой Толстого! Он – революционер!

Он борется за совершенное освобождение всего человечества от всяких цепей. Он поднимается с метающим молнии словом пророка против преступлений всех властвующих и эксплуатирующих.

Он проповедует совершенное освобождение земли и человека. Долой Толстого! Он – опаснейший бунтовщик!

Он отрицает право насильем, палкой, кровью, штыками, пушками и гильотинами загонять хотя бы в рай Божий. Так же как и царские штыки, он ненавидит и республиканский штык, поворачивающийся во внутренностях человека-брата. Он ненавидит всякий штык, всякое человекоубийство. Долой Толстого! Он отрицает революцию!

Он делает все, чтобы воцарилось царство Божье, только царство любви и больше ничье, ничье. Никакой власти кроме любви! Когда его поймут, рухнет все, что тысячелетиями строили руки насилия, властолюбия и обмана. Долой Толстого! Это самый опасный из мятежей! Это самая страшная из революций!

Анафема ему! Отлучить его от всех святых церквей: от святой церкви православия, католицизма, протестанства, от синагоги, от мечети, от церкви святого искусства, от церкви святой науки, от церкви св. самодержавия, от церкви св. парламентаризма, от церкви св. республики, от церкви ортодоксальной революции, от церкви ортодоксального социализма. От всех святых соборов, от всех непогрешимых церквей

анафема ему! Анафема ему за то, что смеет быть независимым из независимых, свободнейшим из свободных и всех призывает к этому!

Они проповедуют Евангелие вражды, – он проповедует Евангелие соединения. Они проповедуют Евангелие насилия, – он проповедует Евангелие уничтожение всякого насилия. Они проповедуют Евангелие зверя, – он проповедует Евангелие любви.

Долой Толстого! А не то он вырвет у них человеческую душу! Смотрите, она просыпается, она воскресает, она поднимается, еще усилие, и она освободится! У них тысячи пушек, миллионные армии, суды, тюрьмы, застенки, церкви, типографии, университеты, миллиарды денег на покупку человеческой совести, тысячи подкупленных чиновников, ученых, писателей, прокуроры, сыщики, доносчики, жандармы, палачи, тысячи ораторов, пропагандистов, чтобы связать, оглушить, одурить народное сознание, чтобы задавить всякий независимый голос свободной совести, но чем же, чем же зажать уста истине?

Хотя бы весь мир восстал против истины, ему не задушить ее. Истина сильнее мира. У них миллионы денег, солдат, газет. Он один, 70-летний старик, все оружие которого – перо и пачка лоскутной бумаги. Но с этого пера слетают искры великой истины, которые он бросает в мир. Но эти лоскутки – величайшее пламя, которое зажжет, наконец, человечество великим пожаром любви, в котором сгорит старый мир насилия и ненависти.

1901г.

Городской романс.

(Новелла)

Сажу на скамейке возле входа в парк, беспокоюсь и нервничаю. Курю. Все мое внимание направлено на входные ворота, на улицу...

– Не нужно беспокоиться, голубчик, она скоро придет, – раздается у меня за спиной.

Оборачиваюсь на голос. Он принадлежит молодой цыганке, отлитой словно из меди. Волосы у нее густые и темные, глаза – бездонные искрящиеся. А в пучине их искр таится грусть.

– Погадать? – цыганка мелодично смеется.

– Уже погадала, – отвечаю я равнодушно.

– Понятно, значит, не веришь, – глаза цыганки увеличиваются, и искры из глаз

переходят в огни. – А я уже слышу приближение шагов твоей любимой. Еще несколько минут, и она будет здесь. Не сердишь, голубчик, она не виновата

в том, что опаздывает.

К цыганке я прислушиваюсь рассеянно. Не верю я ее гаданию. Слова, сказанные тебе, через два шага повторяются другому, тем же голосом и заправлены такими же сладострастными улыбками.

Однако эта цыганка говорит столь размеренно и столь убежденно, что я тут жестораживаюсь, и, тем не менее, порываюсь ее пресечь.

– Чужая душа – потемки, и проникнуть в нее очень сложно, а порою просто невозможно...

– Дайте вашу руку...

Я обескуражен ее гучими очами. Она хватает мою руку, сложенную на подлокотнике скамейки. Я не сопротивляюсь.

Некоторое время она рассматривает мою ладонь, затем пронзительно смотрит мне прямо в глаза. Я

словно загнипнотизирован.

– Какие же вы все ревнивые, – говорит она, сыпля из своих глаз искры. – Это из ревности у вас всех такие черные глаза и волосы.

– В таком случае, вы должны быть ревнивее нее, поскольку даже кожа у вас смуглая.

– В этом вы, конечно, правы.

Цыганка на мгновение замолкает.

– Мой муж, отправляя меня на работу, строго-настрого наказал, чтобы я смела гадать только женщинам и старикам. Однако, что можно предсказать старику, когда все, что есть, для него уже давно находится в безвозвратном прошлом.

Я хочу помочь молодым, обнадежить вас, а муж не позволяет. Вот и сейчас, например, я чувствую, как он, где-то неподалеку, наблюдает за мной...

Цыганка поворачивает голову в сторону аллеи и быстро отворачивается ко мне.



– Если можешь, осторожно, незаметно взгляни на эту белоснежную акацию. Под ней стоит мой супруг. Сердится. Руками и ногами показывает, чтобы я прекратила. Только осторожно, молю тебя...

Я осторожно оглядываюсь в сторону акации. Черноволосый, долговязый молодой человек, кусая себе губы, размахивает кулаками.

– Поспешите, красавица, иначе окажетесь в когтях насилия, – искренне сочувствую я.

– Неужто испугался – с грустной улыбкой говорит она. – Но ваши сжатые губы говорят, что вы решительны, словно ариец. Значит, вы и в самом деле переживаете за меня...

Благодарю вас... Красота не должна бояться насилия, ибо она выше и могущественнее, – гордо сказала она и спокойно продолжила – я еще не закончила слова.

Восхищаясь порывом ее откровенности, я напряженно ее слушаю.

– Послушай, молодой человек, – вспылила цыганка, – сомнение – это мутная речка, ревность – это поток, а любовь – это мост. Любовь – это мост

счастью, которому нужно чистое синее небо, где могла бы засиять радуга... А ты так напряг свои брови, словно сейчас разразится град и все уничтожит кругом. Любовь дышит улыбкой, питается поцелуями. Мост любви строится из камней доверия, чтобы выдержать не только бушующие волны, но и устоять перед временем.

Верь своей любимой, мой господин, дабы не разрушить дорогу любви. Если погаснет любовь, жизнь станет бессмысленной. Сколь глубоко будешь любить, столь прекрасной будет жизнь твоя.

Я слушаю слова цыганки, ладонь моя в ее руке и, глядя в ее глаза, думаю: какое это удовольствие бродить, мерить босиком улицы и рассказывать людям прекрасные небылицы...

– Ты не веришь мне, братец, но я не лгу. Я умею читать во взорах людей, их жестах очень многое. Вот ты, например, добрый, но не знаешь цену доброму слову. Доброе, обнадеживающее слово – это бальзам на раненое сердце, огненный конь – для безнадежно усталого путника. Неужели это плохо, предостерегать людей от зла, желать им добра и обнадеживать.

Слова цыганки порождают хорошие мысли, и я, рассуждая о них, думаю, действительно, что плохого в том... ведь хороший врач и словом лечит...

Когда я очнулся, цыганка неторопливыми шагами уже удалялась, ступая по земле, слегка покачивая плечами, видимо, у нее болели ноги.

– Подожди, подожди, красавица, – крикнул я ей вслед, доставая из кармана монеты и приближаясь к ней.

Цыганка останавливается, оборачивается назад. У нее решительный добрый взгляд. Она довольно улыбается, ведь ей удалось погрузить меня в раздумья.

– Кто не верит мне, у тех я не беру денег, – в глазах у цыганки снова всплывает прежняя грусть. – Вот твоя любимая приближается, встречай ее, развежь тучи с души и верь ей.

– Гляди, гляди, братец, любовь твоя идет...

Взгляд мой направляется в сторону входа в сад. Вот она – моя любовь.

Я, забыв цыганку, протягиваю ей свои руки. Она виновато, но счастливо улыбается. Она моя запоздавшая любовь.

Единственное желание, которое в это мгновение появилось в моем сердце – плакать безудержно, плакать горячими слезами.

Рафаэль Грачья.

Перевод с армянского Артура Зулумяна.

ФАКЕЛЫ, КВАЗИМОДО!

Мераб Абашидзе

В первом номере журнала читателям была представлена мистерия Мераба Абашидзе "Раб божий и Душа Народная". Ее предваряло небольшое предисловие Т. Тавадзе, где очень ясно было показано, почему именно редакция журнала решила познакомить читателей журнала с творчеством этого выдающегося грузинского поэта и писателя конца XX века.

В этом номере мы продолжаем знакомить читателей с творчеством Мераба Абашидзе. Предлагаемый рассказ "Факелы, Квазимодо!" написан раньше рассказа, опубликованного в 1-ом номере журнала. О художественных его достоинствах пусть судит сам читатель, мы же только хотим обратить ваше внимание на эволюцию взглядов писателя: от стремления героя отомстить за свое личное унижение до стремления помочь освободиться от унижения своему народу.

I

Здравствуй, милостивый государь! Если бы вы знали, как я намучился, раздумывая, с чего начать. Все хотелось представиться посвежее, пооригинальнее, на манер бесчисленного множества авторов рассказов, современников наших. Кашлянуть, к примеру, или, почище того, начать прямо с наскака на классиков: ах, вы, мол, такие-сякие, это вам не ребячество какое-нибудь, не шуточки, сейчас вы увидите, каков я!

Короче, я думал и так, и эдак, и черт знает как, а под конец решил просто вежливо с вами поздороваться, как прилично порядочному человеку; я и шляпу с удовольствием снял бы, но, увы, вам, надо полагать, не доставит никакого эстетического наслаждения вторая (сравнительно меньшая) голова на моем затылке, вздутая и крепкая, как грецкий орех, так что не сочтите за невоспитанность, если я все же не сниму перед вами шляпы.

Надеюсь, не утомлю вас рассказами о детстве, порой даже, с вашего позволения, кашляну, переведу дух; ну, а покажусь скучным, можете захлопнуть мою книжку и развлечься "Гекльберри Финном" или "Тремя мушкетерами". Весьма обяжете. Не стану пожимать плечами и вырывать из ваших рук книг, заготовленных, словно затем, чтобы стереть меня в порошок... И не буду орать – имейте совесть, не давите меня! Гм! Кхе-кхе! Гм! Кхе!

Итак, вам уже известно, что у меня на голове растет маленький шарик... Хе... хе... Однако, государи мои, он не наполнен газом и не парит в облаках, потому как, по-видимому, чувствует, что для моего организма это смертельно...

Разумеется, в двадцатом веке людей занимают совершенно иные проблемы... Какое кому дело до уродства, не правда ли?! Полагаю, и вас несколько не заинтересует вид еще одного уродца! Однако... знали бы вы, какое я оригинальное и славное существо! Да... От прочих головастика и горбунов я отличаюсь не одной лишь формой головы... но и фигурой. Я, извольте знать, необыкновенно шуплый.

Недавно в книге некоего турецкого писателя (фамилия его, кажется, Таннер) я прочитал, что у него



в голове были часы, и они тикали (Хи, хи! Хи!) и с необыкновенной, заметьте, точностью отсчитывали время. Мне, к сожалению, не удалось дочитать книгу; вошла сестра и вырвала ее у меня из рук; не время, говорит, читать... Ступай-ка, говорит, почини крышу. У моей, говорит, кровати целая лужа воды натекла.

Починив крышу и спустившись вниз, я хватился книги, однако... О-о-ох... кхе... гм... гм... Она как сквозь землю провалилась... Чудеса, да и только... Домовой, должно быть, утащил.

Я лег в постель и ночь напролет думал о книге турецкого писателя.

В предисловии к ней говорилось, что за повесть (какую именно, не помню) писатель этот был удостоен Нобелевской премии. Потому меня особенно интересовал конец сего прекрасного философского трактата. Это насчет будильника.

За одно тиканье в голове Нобелевской премии не

получишь. Вероятно, часы были со звоночком, заливались эдаким малиновым звоном и зачаровывали комитет по Нобелевским премиям.

Насколько я понял, сей писатель был физически нормально развитым человеком, то есть имел обыкновенную голову. В ней, конечно же, мог уместиться только маленький будильник... Словчился-таки, заставил зазвенеть чудным звоном обыденный будильничек...

Теперь... кх... кх... кх... гм... ма, представьте себе, как я был бы счастлив, если бы сумел вскрыть свою черепную коробку. Я положил бы туда не маленькие, нет, большущих размеров старинные часы: они бы не звонили, а гудели... рычали, лаяли!!! Кхе! Гм... м... гм!

Тогда бы меня наверняка наградили двойной премией, и я смог бы купить себе новый костюм, поскольку старый, прямо, скажем, поистерся. О-одна-а-ко, с другой стороны, мне кажется это делом несколько рискованным – чего доброго, часы так загрохочут (все полетит к... Нет, помолчу лучше, все равно сочтете хвастовством), что члены комитета по премиям оглохнут, а что тогда прикажете делать? Придет, к примеру, ко мне кто-либо из них: бери, скажет, братец, заслуженную премию, на здоровье, забирай.

“Благодарю, – ответу, – милостивый государь”.

Он поднесет ладонь к уху: “Ась, – спросит, – чего, чего?”

“Спасибо”, – говорю.

А он снова: “Ась?”

Я ведь уже отмечал, не такой я воспитанный, чтобы послать его ко всем чертям или куда подальше, сказать что-нибудь такое в рифму к его дурацкому “ась”, что-нибудь такое, что пообидней.

Одна-а-ако! Хи! Хи! Воспитанность тут ни при чем! Тут дело не в одной воспитанности, а в страхе: упаси бог, комитетчик только обидную рифму услышит; услышит – и поплелся ты со своей премией обратно. Доказывай потом, что только вежливо спрашивал: “Что угодно-с?”, а не посылал ко всем чертям или, как уже сказано, почище того.

2

Итак. Мне удалось, как бы вскользь уведомить вас, что у меня сестра, старый костюм, и крыша в моем доме протекает.

Вы спросите: как я мирюсь с этим?!

Мирюсь, а если мучаюсь, только из-за того, что надо мной... насмеваются.

Одна-а-ако! Не насмешки меня обижают. Ничуть не бывало! Нет-с! Это мелкое дурачье полагает, когда я отвечаю на их насмешки оглушительным, уничтожающим хохотом, оно полагает, мелкое дурачье, что мой хохот – оружие обиженного человека и ничего более...

Хи! Хи! Государь мой! Перед вами далеко не простое, не примитивное существо, которое могут уничтожить ваши подзатыльники. Мы, извольте знать, скроены на иной лад, на иной-с! И если я сейчас от радости зайдусь

в пляске, вы опять же скажете – прикидывается...

Хи! Хи! Господа человечки! Уродство мое открывает мне путь в мир, который вы никогда не удостоитесь лицезреть!

Нет, не удостоитесь! (Тут я почесал затылок.) “Вы, конечно, уже знаете, что я вам должен сказать” (я обращаюсь к людям словами одного моего знакомого), я – угнетенный и обделенный – решил насладиться красотами природы. Природа же, разумеется, никогда не теряет своей привлекательности.

Одна-а-ако! Одна-а-ако! Одна-а-ако!

Однако наслаждаюсь я иначе, нежели эстеты XIX века... Да-с, иначе!

Они (эстеты) назначали свидание саду роз и берегу реки, я же... (“Ты не плачь, подружка моя”) скале! Чего-сь?! Может, думаете, хочу показаться оригинальным?! Ничуть, сударь мой, я никогда не нахлобучу маску фальши и оригинальности на собственные страсти!

Эгей, скала, высящаяся перед моим домом!.. Они думают, что моя любовь к тебе – оригинальность! Сколькие из вас, наверное, увенчают мое стремление к юмористическим эпитетам!

Ах! Да пусть себе; я же среди моря вкривь и вкось перекошенных рыл со ртами, до ушей растянутыми в насмешливой, издевательской улыбке, люблю стоять перед тобой, скала...

Чем выше волны этого вонючего моря, тем сильнее ощущение моего блаженства и острее моя любовь к тебе... В такую минуту хочу разбиться о тебя, скала, вьестся в тебя костями, рванью мяса, брызгами крови...

Не отстраняй меня холодно, с отвращением, ибо в моем стремлении нет ничего омерзительного.

Да! В книге какого-то аргентинского писателя выведена (фамилию его точно не помню, Контрасария, кажется!), так вот, в ней, в книге аргентинского писателя, выведена женщина, сестра милосердия. Она, значит, работала в госпитале, сестрой милосердия и повстречалась там с раненым, выходила его, потом видит, что мужчина возжелал кое-чего еще, и не отказала. Она его не любила. Он ей даже не нравился, одна-а-ако! – гуманизм, сударь мой, человечность! Да-с.

Хе! Хе! Ты, пожалуйста, не думай, скала, что я мечтаю попасть в госпиталь!

Ничуть не бывало! Я хочу тебе сказать: не такой я “гуманный изменщик”, как та женщина, и ты тоже не будь ко мне холодна. Согрей меня, скала! О, как щекочат меня твои наточенные пики... Ай да скала!.. Вот так скала! Неужто ты думаешь, что я могу променять тебя на цветы или реку?!

3

Я часто задумываюсь, откуда во мне такое стремление?! Что его породило?! Может, чувства в течение веков стали до такой степени утонченными, что стремятся разбиться о природу и слиться с ней, или просто провидение одарило меня одной лишь способностью – наслаждаться красотой. Провидение

награждает и наполняет меня красотой, которая не находит выхода (я ведь не какой-нибудь творец, художник, скажем, музыкант или писатель!).

Хе! Хе! А будь я, предположим, художником, скала! Тогда и я сумел бы распустить тебя желтыми волосами и сплести из тебя музыку, как некогда это сделал Бетховен.

Одна-а-ако... Меня интересует: сумел бы я и тогда выдержать э т о т с м е х? Ощутить блаженство общения с тобой? Не знаю! Не думаю!

А было бы неплохо, было бы неплохо, провидение, не жаловать меня этим шариком на голове и впридачу достославным Андро и его дружками! Или... подарить мне шапку-невидимку! Дабы я не был вынужден вскакивать с постели в 7 ч. 00 мин. и полтора часа, как церковный нищий стоять у дверей школы, ждать, пока придет уборщица и откроет двери...

Да, правда!.. Кто такой Андро?! Андро – сын священника церкви, расположенной неподалеку от нашего дома... В 8 час. 00 мин. (ровно в 8 час. 00 мин.) он выбирается из дому в сопровождении своих друзей-приятелей...

Сперва они заходят в хашную...

Пропускают по маленькой...

Потом выходят на улицу и... Сами извольте знать...

Хохот, гогот, приставанье к девушкам, шум, крики и глухие звуки ударов по скулам.

К сестре моей они относятся с уважением, и когда я иду рядом с ней, – ни-ни, не пикнут... Но в последнее время я несколько раз заметил в глазах сестры... Видно, она страшно переживает присутствие рядом с собой столь неэстетичной на вид личности. Вот я и решил ходить по улицам без нее. Исключительно в одиночку...

Хожение в одиночку извело и уничтожило меня совершенно. Насмешки я-то переношу, но когда за издевательским смехом следует хо-ороший пинок в зад – завидовать не приходится. (Ведь грязь на дороге буквально не высыхает...недолго и упасть... Они, что ли, мое платье стирают?!)

Впрочем, я тоже однажды всыпал, будь здоров как! И кому, как вы думаете?! Андро... Прямехонько... Кхе...гм!

Был вечер. Я возвращался домой. Он шел с какой-то девицей. Увидел меня... Подошел... Схватил вдруг рукой за ремень, и что вы думаете? Приподнял! Приподнял и спрашивает свою паскуду-приятельницу: как тебе нравится? Хорошо, она доброй оказалась (Фиф! Добрай!), схватила его за плечи и крикнула: "Отпусти сейчас же!"

Андро держит меня на весу и хохочет.

Я тоже захохотал... А как только попросил опустить, опустил тотчас же, опустил осторожно, порылся в карманах, вытащил конфету (дело было в день второй после Нового года) и протянул мне. Я, разумеется, конфету съел и продолжил путь вместе с великолепной парой, судача о том, о сем, а приблизились к дому, поднял с земли кирпич, поиграл им, несколько раз подбросив на ладони... и... бац прямо в вонючую скулу своего оскорбителя! (Одно только вышло не очень

красиво: только я его бабахнул кирпичом, тотчас ноги в руки). Он за мной... припустил со всех ног. Убегая, я потерял равновесие, упал и перекувыркнулся раз-другой через голову... Балбес этот – на меня... Я выскользнул с быстротой молнии и угостил его, стоящего на четвереньках, превосходным ударом ногой в зубы... выкрасил морду, ни дать ни взять пасхальное яичко...

Ладно-с. Стою. Держу кулаки наготове...

Гримасу скорчил страшнющую.

Он привстал...

Он был, скажу прямо, несколько поражен неожиданным оборотом дела.

Я опять двинулся на него, но он вдруг, вскочив, поддал мне ногой в одно место так, что я еще раз перекувыркнулся в воздухе и шлепнулся в грязь, словно птица с обломанными крыльями. Ну и надавал он мне...

Впервые в жизни т о г д а к моим глазам подступили слезы (однако, сейчас об этом говорить не стоит и...). Да, правда... я, конечно, мог убежать... Одна-а-ако (не правда ли, я часто повторяю это слово?) внезапно почувствовал, что и н т е р е с у ю с ь, до каких пор могут лягаться эти подкованные копыта. Я прекратил "источать слезы" и после каждого удара гордо выпрямлялся перед ним, измазанный с головы до ног в грязи.

Возможно, читателю покажется банальным мой "истеричный" поступок, но, тем не менее, мне казалось, что передо мной стоит не человек, а скала, которая с а м а хочет об меня разбиться! (Какое странное чувство, не правда ли, дамы и го-о-оспо-о-ода?!) Передо мной стояла разъяренная природа в образе человека и нещадно меня избивала! О, какое блаженство... Боже мой! Я все вынесу! Пытайте меня! Я буду целовать вам руки! Топчите меня ногами! Они открывают мне путь к иному миру! Я припаду к коленям вашим! Осушу на щеках своих слезы! В моих глазах не сверкает огонь мщения! Я люблю вас! О, как я вас люблю! Размолотите мои слабые суставы! Пронзите меня каленым железом! Облейте кипящей смолой! Все равно, хохоча, восстану я перед вами... разведу руки в стороны... и буду стоять так в ожидании нового удара!

Хе! Хе! Вы, наверное, думаете, что я хочу вас разжалобить?! Да что вы, господь с вами! Будь я сукиным сыном, если нечто подобное хоть раз мелькнуло в мыслях... Неужели вы полагаете, я настолько унижусь, что, словно щенок какой, помахивая хвостиком, лягу на спину у ваших ног и скажу – смотрите, господа, мои страдания нечто новое в сфере чувств, уверуйте же в их новизну?!

Вы, смею думать, еще сочтете меня провинциалом; извиняешься, мол, хочешь оправдаться перед кем-то или перед чем-то! Человек, мол, всюду человек, его радость и горе повсюду одинаковы.

4

Читатель, так или иначе, увидел, что я из себя представляю! Теперь мне хочется вас познакомить с

сестрой.

“Поздоровайся с дядей за руку, Нинка!”

Видите... стесняется... Она всегда была такой стеснительной... Стеснительной и веснушчатой!.. А, в общем, эти веснушки нисколько не снижают ее привлекательности... Напротив, они ей даже к лицу... Взгляните, какое у нее стройное тело и ножки... Высокая грудь... Приятная внешность... Вместе с тем, она проявляет по отношению ко мне, сколько может, тепла, впрочем... не скрою, кажется, она будет рада, если в один прекрасный день меня принесут домой с проломленным черепом.

Нет! Вы ни на секунду не допускайте мысли, что от этого она будет счастлива! Нет! Просто она думает, что я освобожусь от мучений! Смешно, не правда ли?

А так и Нинка поэ-э-эти (эпчки!) ч е с к а я н а т у р а, насколько может быть таковой женщина, которая сварливым тоном спрашивает – почему Лев Толстой выдал Наташу за Пьера... Можно подумать, от Льва Толстого что-либо зависело!..

“Войну и мир” она худо-бедно одолела и теперь прицепилась к “Анне Карениной”! Возьмет роман, уляжется в постель, полистает, полистает, и через минуту из комнаты доносятся ахи да охи.

Как бы читателю не показалось, что я Льва Толстого не уважаю, упаси боже! Но он и сам насмеялся над своим героем, а я не какая-то там школьница, чтобы эта Анна, или как ее там, заставила меня слезы лить!

Нет-с... Не в обиду Нинке (она тут ни при чем), но меня передергивает, когда из соседней комнаты слышу ее жалкое мяуканье... И вообще не могу разделить чувств героев литературы, или там, искусства, потому что чувствую – и с к у с с т в о в о м н е.

А вообще-то... Мечтаю увидеть где-нибудь в укромном уголке Сомерсета Моэма! Как выпрыгну, да скорчу гримасу! О-го-го, ну и улепетнул бы он, да все, крестясь, крестясь!.. Ненавижу любителей нравоучений. А Моэм этот мне прямо кровь портит своей печальной улыбкой и покачиванием головы: эх, сынок, ты, мол, еще молод, перемелется, мука будет, посмотрим, на какой манер тогда зачирикаешь.

Нет, бить-то я его не стал бы, отнюдь. Чего доброго, швырнет в меня еще более философское (зрите, дескать, экстаз уроды, или что-то такое грамматико-историческое) и вовсе сведет с ума. А потом... Потом... О-о-о! События примут другой оборот. Недавно, когда я прочитал его “Подводя итоги”, настроение у меня вконец испортилось. Не понял, знаете ли, чему он, собственно, подводит итоги?!

Есть у него еще роман о каком-то “гении” – художнике...

Сказать по правде, слово “гений” звучит настолько отвратительно, что, когда сплю, снится мне, будто по этому слову жуки ползают.

Вы представить себе не можете, как ужасно утонченны мои чувства.

Хи, хи! Небось, полагаете, я опять оригинальничаю, а?!

Кошмар! Какой кошмар: жуки в слове копошатся...

Нечто подобное случилось со мной, когда я читал стихи одной поэтессы, нашей современницы (сейчас уже не скажу, как называлось стихотворение), так вот... сплю и... представьте, вижу – эти самые ужасные жуки по строчкам стихотворения так и ползают, так и ползают...

Взвыл я благим матом и проснулся.

Нинка в одной рубашке ворвалась в комнату.

“Что с тобой?” – спрашивает.

“Ничего, приснилось, будто Анна Каренина под колеса поезда бросается”, – отвечаю, обливаясь холодным потом.

5

Единственный человек, с кем я нашел общий язык, – Гиви. Не могу сказать, что он умный и необыкновенно чувствительный, однако.. кх...кх...гм...гм! Благородства у него поистине не отнимешь. Как ни придет в гости, непременно Нинке букет цветов поднесет. Гиви преподает в школе историю, я – грузинский язык и литературу. Год назад я окончил пединститут. Можете себе представить, что было с директором, когда я с дипломом в руках явился к нему в кабинет. Его чуть кондрашка нехватила. Смотрел, смотрел на меня обалдело... “Пожалуйста”, – выдал, наконец, через силу. Я, не долго думая, возьми и скок на стул, и ногами заболтал. У него постепенно стала вытягиваться физиономия. “Что угодно?”- спрашивает холодным тоном. (Хотя, надо сказать, ему звонили из министерства просвещения и сообщили, что получит преподавателя взамен старика Тевдордзе, который вышел на пенсию.)

Директор на диплом и не взглянул: заходите, говорит, завтра, у меня, говорит, дела сегодня. Я вышел. Учителя провожали меня изумленным взглядом.

“Это вам ягодки”, – подумал я. – Вот явлюсь в класс, тогда увидите”.

На следующее утро директор встретил меня ласково. Сообщили ему, должно быть, что, несмотря на уро-о-о... эпчки... дство, человек я образованный и эрудированный весьма.

Он, директор, затеял со мной беседу о нынешнем политическом положении, пожелал узнать альфу и омегу моей генеалогии, то да се, одним словом, старался замаять свою вчерашнюю бестактность. Я же (никуда не денешься) на все согласно кивал головой.

Явившись в класс, я сразу заявил детям:

- Прошу вас не обращать внимания на мою великолепную внешность, она отвлечет вас и помешает вам усвоить урок.

(Каково, представляете, в IX классе проводить урок с такой башкой, а?!)

Однако... Они вели себя смиренно, не пытались сорвать урок... Ах, дети, дети... Мной овладело нечто трудно объяснимое... Тогда, когда я увидел, как странно они на меня смотрели... К подобным вещам я не привык совершенно, и вдруг такая лирика!

Я чувствовал, что они меня жалеют, но не так, как

другие! Здесь было нечто большее! Ужасное и величественное!

6

Гиви с первого знакомства показался мне глуповатым... Вроде одного нашего писателя, который твердит без устали: не надо, мол, философствовать, дружище, не надо – вох! Пиши о голубях – вох, любви – вох! Об этом прекрасном небе – вох! Или же развесели своим гибким юмором читателя, пусть лопается от смеха, как обезьяна, заставь его хлопать в ладоши и кататься по полу, хватаясь руками за живот... Какая нужда в философствовании... Апчи!

В самом деле, не надо философствовать. Да, так о чем это бишь я! Гиви, говорю, показался мне таким же типом. (Короче говоря – балбесом!) И вот почему. Я ему однажды говорю: религиозный мир, говорю, должен создать вместо Иисуса нового идола, у которого будет тело Христа, а лицо черта, а? Что скажешь?!

Он некоторое время молча на меня смотрел и вдруг засмеялся. Вначале мне показалось, что он смеется над моей глупостью, банальной болтовней, а потом... не скажите – ему, оказывается, показалось, что я философствую!

Мы сидели за столом в учительской. Передо мной стоял графин, и у меня промелькнуло в мыслях взять его и разбить о свою голову. Кто меня заставляет болтать о таких вещах перед этими идиотами?! Однако мы с Гиви все же нашли что-то общее... А так, надо полагать, на улице смотреть на нас двоих было довольно смешно: он – долговязый, тощий, с худым лицом, а я со своей огромной головой и тщедушным телом.

Я ревновал его к Нинке из-за цветов. Потом перестал. Нинке на него наплевать было (порой я видел, как ее раздражало его сентиментальное к ней отношение).

Неказистая личность, ей-богу! Нет, я, конечно же, не имею права говорить о других, но все же...

Дружочек мой любил музыку. “Бах, – скажет, бывало, – ух! Вот это да!...” О Бетховене же – “неа, – говорит, – куда там...”

Честно говоря, я с музыкой не в ладах. Не знаю почему.

Теперь расскажу вам об установившихся между нами “сложных интеллектуальных”... хи-хи-хи!.. отношениях (такие отношения между двумя несчастливцами имеют свою давнишнюю историю),

то есть – два духовных мира.

Один – наслаждается музыкой.

Второй – природой.

И то и другое – волшебный камень.

Они беседуют друг в друге.

О чем беседуют – сознанию непостижимо.

Душа чу-у-увствуе... тх!

Так вот, сударь мой, Элпидэ или Кимотэ, как вас там по имени, вы и не чувствуете, то есть в вашу голову не влазит, ни бельмеса не кумекаете, а раз товось... не кумекаете, бросайте и эту марашку, писанину мою,

кошке под хвост и хватайте “Маргаритку Готьё”, так-то оно лучше будет...

Вы же, милостивый государь, слушайте меня.

Как, по-вашему, назвать нам эту беседу? Абстрактной? Нет-с, не сможем-с. Почему? Да потому, что (на мой взгляд, я никому не навязываю своих соображений) абстрактное мышление суть некая струя света, полученного в результате пересечения лучей разума и души... А здесь... Опля! Здесь разум приказал долго жить! Не верите?! Ну, да, возможно, в начале беседы мы мыслили абстрактно... Потом же поднялись... возвысились... возвысились... (не беспокойся, старина, не свалимся), и исчез луч разума, осталась полоса света, вырвавшегося из души...

Полоса постепенно уплотнилась и превратилась в оголенный чувственный нерв.

Остались два оголенных нерва...

Исчезли люди... исчезло время... все исчезло...

Нервы извиваются, как змеи, и борются друг с другом...

Который из них победит? Тот, кто наслаждается мелодией музыки, или тот, кто опьянен величием природы?

Побеждает природа, и бо музыка щедрее ее.

Природа – роженица!

Происходит какой-то интеллектуальный сдвиг... толчок, и ты чувствуешь, что твой собеседник уже покорился твоей великой душе.

И, почувствовав, должен замолчать, встать и уйти... А я поступил иначе. Я взглянул на растерянного Гиви, расхохотался и, возбужденный, дал ему щелчок по лбу – валяй, старик, говорю!

7

На этом, я, пожалуй, остановлюсь, не стоит расписываться, и продолжу свое повествование с того места, когда Андро, наконец-то, перестал лягаться и, бурча под нос, направился к своей писаной красавице.

Кровь струями лилась по моему лицу, губы разбиты, я с трудом ворочал языком... А все равно смеялся и ругал его. Он шел, то и дело хмуро на меня оглядываясь.

– Эй, кем тебе эта жаба приходится? – крикнул я весело.

Он приостановился.

– Чего остановился, – снова заревел я. – Отвечай старшим, когда спрашивают, свиное рыло!

Он сделал шаг по направлению ко мне, заскрежетал зубами и опять отвернулся.

Девушка, вся дрожа, бросилась к нему... провела рукой по его лицу. “Зверь, что он натворил”, – сказала она в мой адрес, и они продолжили путь.

– Еще бы разок ударил! – захохотал я и решил было погнаться за ним, но тут же упал как подкошенный.

Поднялся кое-как и поплелся домой. Достиг дверей и снова упал. Нинки, видно, не было, иначе она наверняка услышала бы грохот падающего тела. Я валялся на ступеньках лестницы одноэтажного дома,

оставившись в небо широко раскрытыми глазами.

“Однако ж, порой, небо ничуть не меньше скалы улаживает душу человеческую”, – подумал я, с головы до ног измаранный в крови, и провел дрожащей рукой по рассеченному лбу. Какое-то непривычное чувство внезапно вновь овладело мной, то самое, которое овладело в школе перед детьми... в горле словно что-то оборвалось. Но... я пересилил себя и засмеялся!

Я долго валялся так на ступеньках лестницы одноэтажного дома. Наконец показалась Нинка со своей подругой. Увидев меня, они одновременно вскрикнули и побежали ко мне.

– Чего?! – зарычал я. – Чего рев подняли!

Сперва они не решились до меня дотронуться, еще бы – я буквально плавал в крови, а они были в новеньких платьях. Потом Нинка, видно, решила показать свою гуманность и с видом женщины, жертвующей собой, бросилась ко мне (ох, какой только вы жертвы порой не приносите, чтобы показаться благородными!).

Новенькое белое в черный горошек платье тотчас замаралось в крови.

Меня на руках дотащили до кровати и уложили в постель. Дорогой чуть не обронили дважды, словно я тяжелый или старался выскользнуть.

Я сам стащил с себя брюки, ничуть не постеснявшись ее подруги. Она ведь не считает меня мужчиной, с какой же стати, скажите на милость, мне тогда церемониться?!

– Ну-ка, теперь уб... оставьте меня, – я хотел сказать “убирайтесь”, но почувствовал, что это было бы неблагодарностью с моей стороны.

Нинка выбежала за йодом и бинтами.

– Обойдемся без бинтов, – сказал я (мало приятного смотреть, как любимая сестра с отвращением перевязывает тебе раны, боясь дотронуться до паршивой головы брата).

Пока она, склонившись надо мной, с отвращением в глазах возилась с бинтами, мной овладевала злость, но, когда все кончилось, она, эта моя злость, достигла зенита...

– Нинка! – крикнул я в исступлении. – Какая ты хорошая, какая нежная девушка, Нинка! – Одним движением руки я содрал с себя окровавленные бинты, встал на постели и замахал бинтами в воздухе.

Сестра, пораженная, глядела на меня.

– Какая ты добрая девушка, Нинка! – орал я и прыгал на постели, как сумасшедший.

В комнату вбежала ее подружка.

Они стояли и тупо на меня смотрели.

– Нинка! – ревел я во весь голос. – Бинт, которым ты, словно кольцом, обвила меня, теснит мне грудь... Я вынужден разорвать его! Знаю, могу истечь кровью, но вынужден! Я люблю свободу, сударыни! Не нуждаюсь в ваших йодах и бинтах. Сперва вы меня избиваете, потом лечите, не правда ли? Будьте прокляты! Можете поступать так с каким-нибудь несовершеннолетним... Что до меня... я и за побой благодарен. Бейте... Только потом не перевязывайте ран! А если перевяжете, не смотрите на меня больше...

– (“с отвращением”, хотел я сказать, но бесхребетная надменность перекрыла мне рот ладонью).

Обессиленный, я упал на постель, некоторое время лежал неподвижно, но догадался, что это не было неподвижностью человека, который наслаждается победой. Понял и собрался вскочить вновь, но силы окончательно меня покинули. Я зарылся лицом в подушку и заснул как убитый.

8

Когда я проснулся, было добрых десять часов... “Не стоит идти в школу”, – подумал я и вдруг почувствовал, что ужасно хочу видеть детей...

Только я вошел в шумный класс, воцарилось гробовое молчание...

Ученики смотрели на меня с нескрываемым изумлением, им, вероятно, казалось, что я подвыпил накануне.

– Ребята, – сказал я, и дрожь пробрала все мое тело. – Хорошие мои дети... (я чувствовал глупость начатой беседы, но мне нужен был слушатель, господа! Я до умопомрачения хотел, чтобы кто-то меня слушал!).

– Ребята, – голос мой сорвался, – я никогда не говорил того, что должен сказать вам сегодня... поступаю неправильно, знаю, некоторых мои слова не заинтересуют... Но думаю, это должно быть интереснее произведения иного хрестоматийного писателя. Скажем, которого мы с вами должны были разбирать сегодня... Ребята, взгляните на эту стеклянную вазу... – Я взял со стола продолговатую вазу, поднял ее и потряс в воздухе, хотя в тот же миг понял, что говорю совсем не то; покраснел даже. При чем тут ваза. Но я успокоил себя тем, что начну разговор с вазы и перейду на вещи более значительные и глубокие... Я хотел расшевелить эти маленькие, непорочные души, коснуться их струн и заставить зазвучать... Я никогда не поступил бы с ними, как с Гиви, которого щелкнул по лбу. Но не знаю, какая сила заставила меня в тот день проглотить язык и стоять до конца урока перед непорочными агнцами, точно скульптура, с вазой, поднятой над головой.

9

Я поплелся домой с разбитым сердцем. Дорогой вновь, как обычно, встретились дружки Андро (его самого не было), но никто не сказал мне ни слова. Взглянули, правда, как-то странно: наверное, решили, что сегодня не стоит подначивать, такое у меня было лицо. Я молча прошел между насупленными мордами, зашел в подворье церкви и присел на лавку.

Во дворе сидели нищие.

Прости меня, господа, не выношу этот народ. Смотреть на священника и верующих – еще куда ни шло, но вот на эти протянутые руки!..

Иные болваны принимают эти грязные ладони за копилку и бросают в них пятаки и гривенники. Иные “свя-а-атия” порой и рублем жертвуют.

Хи! Благородное человечество, не думаешь ли ты искупить этим грехи свои?

Давайте, давайте, господа благородные, бросайте в плевательницы червонцы... а я... а меня... бейте, выбивайте мне зубы, вываливайте в пыли и грязи и пинайте ногами.

Бейте, господа! Я вынесу!

Размышляя так и таким образом, я, оказывается, размахивал руками и кому-то грозился кулаком.

Кто-то дотронулся до моего плеча...

Я вскочил как ужаленный...

Передо мной стоял улыбающийся священник.

– Ах, это вы пожаловали! – оказал я ему “великую честь” (и сам удивился тому, как осмелился обратиться к этому степенному человеку столь шутовским тоном).

Он на меня посмотрел, как его сын, и я твердо решил – не дрогну!

Я почувствовал себя настолько возбужденным, что мне было совершенно наплевать, расскажет он или нет про нашу встречу своему отпрыску. Вас, наверное, удивит такое несоответствие чувств. Если ты мазохист, скажете вы, и побои доставляют тебе удовольствие, то какого черта тогда боишься, сукин сын?! Представьте себе, укуса я боюсь меньше, чем лая. Только гавкнет собака, я ноги в руки. История с Андро тому подтверждение, вначале я припустил со всех ног, потом, когда мне понадавали, укрепился и с каждым ударом становился все тверже.

– Что, святой отец, – спросил я неожиданно насмешливым тоном пораженного священника. – Не нравится моя окровавленная рожа, а?

Он смотрел на меня, смотрел... потом как-то с отвращением мотнул головой, поправил на груди крест и отошел.

Я некоторое время стоял, не шелохнувшись, взгляд священника почему-то страшно на меня подействовал.

Я погнался за ним... Схватил за подол рясы и повернул священника лицом к себе.

– Что? – взревел я и поднес лицо к его лицу с выпученными от удивления глазами. – Что?! Не нравлюсь я тебе, отче?! А я думал, хоть ты не побрезгуешь погладить меня по голове!

Он смотрел на меня, как святой, и это еще больше меня бесило. В его глазах я, надо полагать, был чертом. Хотя сам он, думается, ни в бога, ни в черта не верил.

– Ступай домой!

Хох! Каким простым и милостивым тоном он это бросил. Великая гуманность и христианское действие с его стороны.

– Нет, отче! – Я вдруг прикинулся жалким. – Моей сестры нет дома, а я голоден... пойду к тебе, если позволишь.

– Священник вздрогнул, сощурил глаза и процедил:

– Пошли...

– Пошли! – Ваха-ха-ха... Пошли... Вохо-хо-хо... Ярость владела мной... Но я сдерживался, я чувствовал, что беседа с ним доставляет мне огромное удовольствие.

– Не обижайся, дядя Тода, – смущенно сказал я. – Что-то со мной происходит в последнее время. Не

знаю... Но что-то со мной происходит.

Священник принужденно улыбнулся, но протянул руку, кажется, хотел погладить меня по голове, но не рискнул, похлопал по плечу. Было видно, что он готов сбежать (верно, думал, что я свихнулся).

– Прочь руки! – закричал я, и с быстротой молнии отпрыгнул назад.

Он, представьте себе, перекрестился.

Перекрестился? Так-с. Я не вытерпел, бросился к нему, сорвал с шеи крест и бросил наземь.

– Подними! – дрожащим голосом сказал священник. Я захохотал.

– Подними!

Ответ последовал прежний.

– Подними! Прокляну!

Я нагнулся, поднял крест и только собрался, как задумал, выбросить его подальше... до слуха донеслось какое-то мычание...

Ко мне шел разъяренный Андро (видно, он из окна наблюдал за происходящим). На сей раз я позволил себе улепетнуть... С крестом в руке!..

Хохоча, я бежал по улице.

Разукрашенный золотом серебряный крест ослепительно блестел на солнце. Прохожие останавливались и провожали меня изумленными взглядами.

– Благословенны будьте! Благословенны! Благословенны! – орал я что есть мочи и бежал. Андро преследовал меня по пятам. По дороге я налетел на женщину с ребенком. Оба растянулись на земле... Ну и завопил же младенец! Но я все равно не остановился! Меня преследуют, господа! Меня преследуют! Вот я сбил какого-то старика. Ба... Ба... Ба! В жизни не слышал таких проклятий!

– Чур меня... Чур меня! – весело крикнул я старику в ответ на проклятия и помахал крестом. – Господь бог меня защитит!

На какую-то секунду я остановился перевести дух, а этот недоносок тут как тут!

Ложное движение, одно... второе... и... О-ля-ля, я снова свободен! Свобода, господа! Да здравствует свобода!!! Благослови господь мою свободу! Аминь!

Но вот, кажется, ко мне приближаются снова! Не подведите меня, мои кривые, мои короткие ноги! Вы привычны к бегу! Будьте молодцами! Несите меня, умчите и оберегите! Эге-гей! С копытами и крестом бегу к вам, дамы и господа! Молитесь! Я, новый идол, я явился к вам! Но сперва спрячьте... не дайте попасть в руки поганых фарисеев... Быстрее... Вот он опять схватил меня рукой за загривок... Однако... нет: как бы не так! Это всего лишь моя рубашка! Я же здесь... на месте... впереди тебя! Ва-ха-ха-ха! Во-хо-хо-хо! Тупица! Поповский сын! Собачье отродье!.. Я – сын природы, трудно меня поймать! Оп! Оп! Осторожнее. Избиение плевательниц не принесет вам облегчения! Неровен час, оштрафуют в придачу! Что случилось, девушка, почему ты провожаешь меня удивленными глазами? Ты думаешь, я бегу из трусости?! Ну, что вы! Мы, изволите ли знать, бегуны! Тот человек мой друг. Мы просто

поспорили, кто первый донесет крест до финиша, за вознаграждение, разумеется. Не знаю, в чем именно оно выражается, но если этот человек меня нагонит, я получу вознаграждение иного рода. Это точно! Это точно! Оп! Оп! Доннерветтер! Гебен зи мир айн хелф... Ох, майне клайнен... Клайнен вер?! Нихт ферштейн?! Майне фусхен... Я! Я! Шнеллер! Шнеллер, камераден! О, майн гот! Эр гехерт, майн руф унд штехт ви айн эзель! Энде! Оп!

Весь в поту я оглянулся на остановившегося посреди дороги, запыхавшегося, понурого, как осел, Андро... Я погрозил ему кулаком и еще раз захохотал.

10

Я ждал наступления ночи в каком-то темном тупике и, только стемнело, вышел... Было холодно. Пока доплетешься до дому в рваной сорочке, полуголый, не мудрено и продрогнуть. Куда идти? Я решил наведаться к Гиви – он жил поблизости. Я шел, думая, какое на него произведу впечатление полуголый и с крестом в руке, и смеялся в душе, представляя его ошалелое лицо.

Таковым оно и оказалось. Так все и произошло, как я представлял: он открыл мне дверь, отпрыгнул, как ужаленный, тут же ее захлопнул. Я захихикал (впрочем, до хихиканья ли – замерзаю). Постучался (я несколько даже обиделся). Он заставил меня ждать на холоде битых полчаса. Потом осторожно просунул сквозь приоткрытую дверь кончик носа, внимательно меня оглядел. Старался и никак не мог понять, рехнулся я или случилось что-то другое.

...На его немой вопрос я ответил словесно: трехэтажным матом, заметьте.

Тогда-то он соизволил открыть двери.

Я ворвался в комнату и прыгнул прямо на его кровать...

– Приготовлю тебе кофе, – Гиви постарался скрыть неприятное ощущение человека, которого посреди ночи заставили расстаться с теплой постелью.

– Никто не возражает, – сказал я и схватил лежащую у его подушки книгу рассказов... Сартр... Кх... Ого-го! Тоже неплохой человек, в сущности, но меня всю жизнь интересовало, любил ли он Наполеона? А когда-то я краем уха услышал, что убийцу Жан Жака Руссо отпустили живым и невредимым, такая злость меня взяла, я прямо свихнулся от бешенства.

Должен признаться, попадись он мне, думаю, где-нибудь связанным по рукам и ногам... Я бы такие орудия пытки изобрел... Дай бог здоровья! Невиданные орудия пыток, господа, неслыханные! Я вечно мечтал пытать двух людей... кхм – сперва Гитлера, а потом уже – убийцу Руссо. Не думаете ли вы, господа, что я бы их бил так, как вы меня?! Хе!..

Однако... Гитлеру, кажется, воздалось по заслугам. Жаль только, что подожгли уже мертвого, а не, так сказать, при жизни!

О, с каким наслаждением пошел бы я впереди связанных палачей к вороху хвороста посередине площади! (Да, но сперва бы подвергнул пытке, не

забудем!) Потом... Кто это? Нерон. Калигула, Македонский, а вот и Шах-Аббас. Он оскорбил мой народ! А это Наполеон! Ну-с, господа, что вы нам скажете перед смертью? Впрочем... Ничего... Я вам вырвал языки еще в камере... Щипцами... Пустое, можно знаками... знаками дайте понять, жалеете ли о содеянном. Наполеон угрюмо молчит. То же – Александр Македонский. Гитлер смотрит на меня горящими глазами... Хе! Хе! Я бы повывкалывал тебе эти уголья, но хочу, чтобы ты видел аутодафе...

Ну, а теперь подайте мне факелы!

Я – большеголовый урод – обвиняю вас в оскорблении прекрасного из святых человеческих чувств, Факелы... Квазимодо!

Вот и он бежит... Мой старый приятель и товарищ по цеху. Мне бы его силу.

Нет, Квазимодо, нет... Их поджечь должен я!

От вашего имени, господа! От имени детей, сожженных в концлагерях, и повешенных стариков!

От имени растерзанных в цирке гладиаторов!

От имени изнасилованных сестер и жен!

От имени Жан Жака Руссо!

От имени свободы!

Ага! Взметнулись первые языки пламени костра страшного судилища.

О, как затрещал и распрямил крылья горящий ураган!

Терзай, бессмертный красный орел, наточенными когтями тела извергов!

Ага! Живьем горят палачи! Торжествуй, человечество!

О, каким непреклонным ты кажешься, окутанный розовым светом рассвета!

Теперь у тебя такой привлекательный вид, что я почти готов простить твои подзатыльники, все простить!

– Где ты это приобрел? – Гиви вошел в комнату с двумя чашками кофе.

– А... О, это в битве за веру! – усмехнулся я, бросил на кровать крест, взял у него чашку горячего кофе одним духом опорожнил ее и протянул Гиви:

– Репетэ, – я протянул Гиви чашку.

Он удивленно на меня посмотрел, поднялся, вышел на кухню, завозился... Затем я услышал звон разбитой посуды, потом невнятное бормотание и, под конец, снова что-то разбилось.

– Счастливая же у меня нога, ей богу! Я повсюду вношу революционный дух... Тарелки, и те почувствовали, что в соседней комнате сидит сам бунт.

Гиви, наконец-то, вошел, но, в отличие от первого своего появления, к кровати не подходил, поставил чашку на стол посередине комнаты – извольте, мол, подойти, если желаете.

Ничего не попишешь! Поднялся! Подошел... Взял... Ба... Ба... Холод пробрал меня! Я разогнался и скок на кровать! Охо –хо –хо! Тьфу, черт побери, – горячий кофе выплеснулся мне на голову. И простыню замарал.

Гиви смотрел на меня, выпучив глаза...

– Пожалуйста, не сердись, – я скорчил гримасу и в знак великой скорби ущипнул себя за горло.

Он покачал головой.
(Я давно заметил: на каждое мое действие люди отвечают покачиванием головы... Неужели они впрямь считают меня слабоумным, а, читатель? А что, если однажды она возьмет и слетит с плеч.)
– Вот бы увидели сейчас тебя ученики, – вдруг засипел Гиви.
Мудрец, одно слово! Что только не придет ему в голову!
– Видели похуже. Я и похуже выглядел! – спокойно возразил я. (Да, кофе, моего кофе нет, но его-то чашка здесь!)
– Будь здоров, Плутарх, – я поднял полупустую чашку и опорожнил ее.
– Спать не собираешься? – спросил он. – Завтра, кажется, твой урок первый.
Я вдруг вспомнил, что... Да, но и пропускать урока нельзя...
Директор сказал – ожидается комиссия министерства просвещения.
– Который час? – спросил я, призадумавшись.
– Начало третьего.
Я почесал затылок.
– Да! – говорю ему вкрадчиво. – Не осталось ли у тебя какого-либо платья детских лет?
– Для чего тебе? – чувство изумления не покидало его.
– Не являться же мне на урок голым, с крестом в руке?
Он посмотрел на меня, посмотрел, и, представьте, засмеялся.
– Нет, – говорит, – князь, ваше сиятельство, не осталось у меня одежды детских лет.
– Неужто всю музей забрал? – “разволновался” я.
Он смотрит на меня по-дурачки и кривит рот в ухмылке. (Тухлое бы мне яйцо сейчас!)
– Не пойду, и дело с концом, – заявил я, – выгнать-то не выгонят...
– Почему же не выгонят? Еще как! Они только и ждут, к чему придаться, чтобы тебя коленом под зад... – Он не докончил фразы.
У меня учащенно забилося и сжалось сердце, но я все равно не подал виду, попытался засмеяться... Не вышло...
– Уснем? – спросил я надтреснутым голосом. (Ведь надо было что-нибудь сказать.)
– А утром? Что ты все же наденешь?
– Пойду домой, и там...
– Я бы взял у соседа, да неловко...
У тебя будильник есть?
– А... Нет... будильника нет...
Я задумался.
– Вот если бы ты мне принес из дому?
– А? пожалуйста, – сказал он после некоторого колебания, – однако...
– Однако что?
– Денег ни копейки.
В самом деле, отсюда до моего дома километров девять, не ехать же ему в троллейбусе.

– Тьфу, – “разозлился” я. – Трешки, что ли, у тебя нет?
– Нет, – отвечает смущенно.
– Займи у соседа...
– Что-нибудь да придумаем, – сказал Гиви и повалился на тахту.
...Попытайся заснуть... Нуждался ли мой возбужденный мозг в двух чашках кофе... Эх, господи... впрочем...
Хи! Хи! Хи!.. Я уже докладывал, что не являюсь существом столь примитивным и мещанином настолько, чтобы ныть по поводу своих болячек. Объявлю, чем вы з в а н а боль, но никогда не пожалуюсь – б о л и т, – нет-с.
Эгей, мое уродство, дарованное свыше!
Сейчас еще раз удивлю вас, господа: хочу, точнее – мечтаю, чтобы существовали черные цветы.
Сорвал бы два черных цветка и положил бы у своего изголовья...
Когда пожалует ночь, возьму два черных цветка и поднесу их к лицу.
Знаете ли, что это такое – два черных цветка?
Они – глаза ночи!
О, как голубо пламя, которое их объяло.
Я лежу в открытой могиле.
Темно.
Какие-то красновато-пестрые бабочки летают вокруг...
Но что это? Маленькая лягушка лазурного цвета подошла и вскарабкалась мне на грудь...
О, какими грустными глазами она смотрела на меня...
Хочу приласкать ее...
Беру... запираю в ладонях.
Она выскальзывает, словно мыло, и уродливо растопыренными лапками шлепает меня по лицу...
Ее прохладное, спокойно пульсирующее тело свежестью ложится на лоб...
С неба падают блестящие листья...
До бесконечности хочу смотреть на необычный листопад...
Лягушка мешает смотреть...
Я осторожно снимаю ее со лба...
Снял... Но листья успели до краев заполнить могилу...
Я размахиваю руками...
Хочу взглянуть на небо, но блестящие листья надоедливо трещат...
Они ломаются, листья...
Они обращаются в пыль...
Я дышу этой пылью...
Мне трудно дышать...
Задыхаюсь...
Хриплю...
Голосом обреченного прошу помощи...
Кто-то протягивает мне руку...
Я хватаюсь за нее...
– Что с тобой? – встревоженным голосом

спрашивает Гиви.

Я мигом прихожу в себя и все понимаю.

(Заснул, черт побери.)

– Который час?

– Половина девятого...

– Ого! – Я вскакиваю с постели. – О чем же ты думал?!

– Что мне делать, – Гиви пожал плечами. – Сам только что проснулся... От твоего крика...

(В самом деле, читатель, в чем, собственно он виноват?!)

“А может, читатель, у тебя случайно найдется смена белья и пиджак? Подбрось, будь другом... а?.. Почему молчишь? Жалеешь? Велика беда... верну через час... Смеешься? Нет, значит. Ладно, благодарность за мной...”

– Как же мне быть теперь?

– ...

– Что это ты только плечами пожимаешь? – У меня снова зашалили нервы.

– ...

– Покажи какую-нибудь из своих сорочек!

Он молча подошел к гардеробу, открыл, покопался, выбрал сорочку, осторожно протянул мне.

Я примерил ее.

Ему стало смешно.

– Чего скалишь зубы? – зарычал я.

– А что делать-то, – пробасил он. – Со... ха-ха-ха-ха!

У меня не оставалось времени смотреть, как он щерится... Я торопливо оделся.

ТЬфу! Что ря-а-а... апчхи!.. что ряса нашего священника, что Гивина сорочка!

– Пиджак не надеваешь? – хихикает Плутарх.

– Давай, ну-ка давай! – Я прикинулся веселым, схватил со спинки стула пиджак, встряхнул, накиннул на плечи... “Нет... пожалуй, лучше надеть!”

– А я, – он только опомнился. – Мне что надеть (у него был один пиджак)?

– А ну тебя, – весело крикнул я, бросился к дверям, распахнул и сбежал вниз по лестнице.

“Некрасиво, однако же, поступаю, – подумал я по дороге, – ну да к черту! Его урок, кажется, попозже, сообразит что-нибудь”.

Я быстрыми шагами направился к остановке троллейбуса.

Сударыня! Если бы вы встретились со мной в тот день, вас наверняка изумил бы мой вид бывшего вояки. Железная каска – единственное, чего мне не доставало в моем снаряжении. Наверное, потому прохожие с удивлением на меня оглядывались. Им, видите ли, хотелось знать, куда я задевал каску!

Вся эта ситуация несколько меня опьяняла

В троллейбусе была давка, одна-а-ако... Люди тотчас почувствовали к т о стоял перед ними! И прижимались друг к другу, дабы случайно не коснуться святого моего праха... Хо! Хо! Порой я чувствовал себя счастливым, друзья! Стоял, гордо выпрямившись. Так, должно быть, стоял Нерон среди своей челяди.

Железный “росинант” кое-как дотащился до школы.

Я спокойно вошел в здание (звонок уже прозвенел),

сделал книксен уборщице, потрепал по плечу сторожа, вытащил сигарету, заложенную за ухо преподавателя труда, зажег, закурил, вошел в учительскую, вышел (с журналом-с), погасил сигарету – и вприпрыжку к классу.

Члены комиссии уже сидели в классе. Уваж. директор также находился там (я его заметил в окне классной комнаты). У меня, было, мелькнула мысль повернуться и уйти восвояси; к черту, думаю, и школу, и службу, однако, было уже поздно, уж по-о-оздно, медам...

Г о с п о д а! Представьте хмурые четырехугольные лица, которые при моем появлении вытянулись, как резиновые дыни.

Парта, за которой сидел директор, ужасно закрипела и, наверное, заплодировала бы, если бы на ее ладонях не покоилось необъятное директорское пузо.

Я как ни в чем не бывало сел за стол, засучил рукава, провел переключку. Их... спросил у девочки с передней парты:

– На чем мы остановились на предыдущем уроке?

Она встала, с трудом сдерживая смех, и что-то промяукала.

– Выходи! – сказал я насколько возможно строго.

Она вышла из-за парты мелкими шажками.

Вдруг (ого!) один из членов комиссии лениво вытянулся и... их... демонстративно, походным шагом покинул класс...

Остальные словно только этого и ждали – “фьюить”, вскочили и пустились следом за первым... Я почему-то подумал о сыновьях, которые бегут за нотариусом, покидающим комнату только что скончавшегося отца семейства.

Я и уваж. директор остались лицом к лицу.

Уваж. директора, видно, ничуть не интересовало, как я проведу урок...

Он долго смотрел на меня, выпучив глаза. Потом глубоко вдохнул воздух, с превеликим трудом выпрямился, раскрыл рот и... “гав” – так потрясающе залаял, что я подпрыгнул чуть ли не до потолка.

Подпрыгнул, и запруженный в детских ротиках смех вырвался наружу, словно маленькие осколки льда посыпались на хрустальную люстру, свисавшую с потолка классной комнаты. Люстра зазвенела, заливаясь веселым смехом.

Я тоже засмеялся, и тогда дети прямо зашлись в смехе...

– Извольте-ка спуститься ко мне вниз, – сдвинул директор брови, подошел к дверям, распахнул и стал ждать.

– Сейчас все вам объясню, – я поднялся несколько сконфуженный.

– Живей, живей, приятель, здесь вам не цирк...

Детский смех постепенно приутих...

Я вспомнил слова Гиви: они, мол, только и думают, как тебя выгнать.

– Не пойду, – загремел я вдруг и сел на стул.

Снова поднялся шум и гам.

Хо, хо, хо, ну и сверлит он меня глазами.

– Паяц, – с отвращением процедил он после

минутного молчания и захлопнул за собой дверь... Вернулся, словно что-то забыл, махнул рукой, дал понять, что отныне я свободен, и ушел.

– Дети, – громко сказал я, когда класс затих, – мои любимые дети! Сегодня я объясняю последний урок... То, о чем я сейчас собираюсь вам говорить, далеко не христианское учение, которое призывает вас возлюбить ближнего, но не учить, как возлюбить... Это и не слово уродца, одаренного способностью наслаждаться красотой природы и испытывающего злую радость, когда он сознает, что благодаря магической силе воздействия слова покорил наивного слушателя.

Это не исповедь “возвысившегося уродства”...

Я просто прошу вас об одном.

Прошу вас, святых, в слух коих звон золота еще не пролился каплей меда...

Чьи глаза еще не замутила зависть...

Кто еще не испытывал безграничную радость и безграничную скорбь, которые навеки опустошают человека!

Вот я стою перед вами, безобразный маленький человек, в штанах до пят...

Сегодня 13 октября 1949 года, несколько минут назад я потерял работу... Не знаю, право, найду ли ее снова...

Меня только что оскорбили, так как я ответил им в тон...

Меня избивают на улице праздные гуляки...

Родная сестра, которую я вырастил после смерти моих родителей, мечтает, чтобы меня притащили домой с проломленным черепом.

Дети! По сегодняшний день уродливые, но благородные люди не раз становились перед толпой, как судьи перед бандой разбойников, в конце концов, их растаптывали и уничтожали!

Да и разве могут мясники и купчишки с ушами, заложенными окровавленной ватой, услышать голос правды!

Я обращаюсь к вам – святым!

Причина, из-за которой меня увольняют, смешна, правда?

Смешно и выражение моего лица, и мой вид... решительно все!

И все же я ухожу праздничный и уверенный в себе!

В том-то и заключается моя просьба – не насмехайтесь над торжествующим уродом...и ... (у меня от волнения сорвался голос) когда я выйду отсюда... несколько минут не надо смеяться... Представьте, как провожают на кладбище покойника.

Как только я вышел из классной комнаты, раздался звонок. Он словно был символическим, этот школьный звонок.

Моя учительская деятельность заканчивалась, но что начиналось, хотел бы я знать?

И вновь мной овладело какое-то странное чувство.

В коридор с гвалтом высыпали дети.

Все смотрели на меня.

Я быстро спустился по ступенькам и выбежал на улицу.

Куда было идти?

“Пойду к Гиви”, – подумал я.

Его не оказалось дома.

Я приподнял край небольшого коврика у дверей.

Гиви обычно прятал здесь ключи. Они были на месте.

Я отпер дверь и вошел в комнату.

Кружилась голова... Я ощущал во рту странный солоноватый привкус...

Совершенно изможденный, я прилег на тахту...

В боку закололо...

Колол крест!

– Что? – грустно спросил я. – Чего желаете?

– Ничего! – осклабился желтый крест. – Удивительный вы болван...

– Тоже мне, сообщил новость, – говорю я, надувая щеки и раскачивая головой, как маятником.

– Тебе даже невдомек, почему ты болван...

– Ну-ка объясни, объясни, – “заинтересовался” я.

– Нет нужды, – отвечает он. – Все равно не согласишься, а я не привык болтать впустую...

– Ох, что вы говорите, – “огорчился” я, – а ведь до сих пор я полагал, что вы изволите быть самым болтливым на свете, и в придачу лживым.

– Хе... хе... – сверкнул крест. – По-вашему, выходит, погиб... однако, – задумчиво произнес он вдруг, – однако почему тогда тебя интересует мое мнение?

– Какое мнение?

– Минуту назад ты тоном, исполненным шуточных нотаций, попросил меня объяснить, почему ты болван... А потом говоришь, что я болтун... впрочем нет, не стоит сейчас об этом спорить... и до нас еще достаточно говорилось на эту тему... и до драк доходило, – все равно не могут установить истину, хотя и твердят, что она рождается в споре.

– Цыц! Ни звука больше, – разозлился я, а говоришь, спорить не стоит.

Я положил голову на подушку и...

Озеро под покрывалом красного льда...

На льду стоит кляча...

Она скользит, у нее подгибаются колени, она падает и поднимается снова.

Всходы белых водорослей пробилась сквозь толщу льда.

Лошадь нагибает голову, она хочет пощипать траву, но снова поскальзывается и разбивает себе зубы.

Там, где падают ледяные капли крови, вырастают черные цветы.

Я опускаюсь с неба.

Хочу собрать цветы, но стебли, словно шелковые нити, ранят мои пальцы...

Вся рука покрывается ранами...

Наконец, мне удалось сорвать цветок, но трескается лед, и лошадь падает в полынью...

Я хочу ей помочь...

Хватаю за гриву...

А лошадь тонет и тянет меня за собой.

Я на дне озера.

Вода голуба и прозрачна.

Лошадь превратилась в нагую девушку изумительной красоты...

У нее золотистые глаза...
Ее грудь – два горячих мягких ядра мраморной белизны... Охваченный дрожью, я сжимаю пальцами красные соски...

Девушка корчится и блаженствует...
У меня все тело затекло. Онемело.
Мы запутались в белых лианах...
Я обнимаю ее...
Она выскальзывает...
Плывет наверх...
Я хочу последовать за ней, но каменею и, задрвав голову, смотрю наверх. Она наверху.
Она опускается и маленькими, теплыми, голыми ступнями становится мне на лицо...

Я целую ее ступни...
И замерзаю...
Стою, словно мраморная скульптура на камне...
И замерзаю...

Я открыл глаза...
У кровати стоит Гиви и укрывает меня пледом...
Я присел на постели...
Голова кружится по-прежнему...
Он улыбается мне улыбкой человека, у которого испортилось настроение...
Я встал, подошел к окну, приоткрыл...
Подул прохладный ветер.

– Что ты теперь собираешься делать? – спрашивает Гиви.

– ... – (это я пожимаю плечами.)

– Мы все сегодня просили, но...

– ...

– Давай пройдемся, – он вдруг меняет тему разговора...

– Да. Пускай стемнеет немного, – говорю я машинально.

Гиви выходит на кухню.

– Твоя сестра, – слышу я приглушенный голос, – наверное, ужасно волнуется, второй день не приходишь домой?

Я оставляю вопрос Гиви без ответа.

Из кухни доносится шипение сковороды, потом скрежет, видно, Гиви острием ножа размазывает масло по начищенному блестящему доньшку сковороды.

Меня пробирает дрожь, и я затыкаю уши пальцами.

Вскоре возвращается Гиви.

– Иди, – говорит он и ставит сковородку посередине стола. Над сковородой вьется пар.

Мы едим.

– Нет ли у тебя сигарет? – спрашиваю я, отерев платком губы.

– Да... Директор... – Он колеблется.

– Что...

– Пускай, говорит, завтра же забирает документы, иначе выдам плохую характеристику.

Я пожимаю плечами...

– Не огорчайся, всякое бывает.

– ...

– Пройдемся?

– Нет, – вздыхаю я, – пойду лучше...

– Я с тобой.

– Нет, я пойду один...

Идет дождь...

Струны с синим отливом протянуты между небом и землей...

И я, уродливый музыкант, размахивая руками и задрвав голову, иду сквозь струны с синим отливом...

Я разрываю их, но они срачиваются вновь и вновь и звенят...

Прозрачная завеса дождя обволакивает город.

Город – очаровательная маленькая монахиня, тонет в сумраке...

Со звоном падают ее слезы на мое лицо...

Город плачет.

– На кого ты похож, – говорит мне пораженная Нинка.

Я без слов захожу в ванную, снимаю мокрую сорочку, выжимаю над ванной и возвращаюсь обратно.

– Где ты был?

– ...

– Да, – говорит она вдруг изменившимся, холодным тоном. – Я видела дядю Тода... Ты что, вконец рехнулся?..

– ...

– Чего тебе нужно от этого невинного человека?

Я чувствую неожиданно, что слово “невинный” так же действует на мои нервы, как скрежет ножа, которым Гиви водил по дну сковороды.

– Я и Андро видела.

– ...

– Он взбешен... Из уважения к тебе, говорит, я его не трону, но если он крест на самом деле выбросил, тогда иначе с ним поговорю.

– ...

– Куда девал крест?

– ...

– Тебя спрашивают?

– Выбросил! – раздраженно отвечаю я.

– Как то есть выбросил? – Она разъярилась не на шутку. – По твоей милости мне уже и с соседями не общаться?

– С соседями! – с гримасой отвращения произнес я.

– Чего гримасничаешь? – говорит она, и вижу, вот-вот заплачет. – Куда девал крест?!

– Оставил у Гиви, успокойся.

– Я принесу, – говорит она и начинает одеваться.

– Подожди, пускай распогодится... Идти на улицу в эдакий ливень?

Она, хмурясь, снимает с вешалки плащ...

– Я сам завтра принесу...

– Принеси сейчас же! – злым голосом требует она.

– Сейчас не могу, – говорю я, и мной вновь овладевает странное чувство...

Она выходит.

Я подхожу к зеркалу.

– Беденький, – шепчу я собственному отражению.
– Чего они от тебя хотят?
Я вдруг чувствую, что моему двойнику не нравится мой sentimentalный тон...
Я простился с ним, лег в постель и задремал.

Хрустальное дерево...
В дупле сидит маленькая белка и торопливо шевелит губами...
Я подошел...
Протянул белке золотой орех...
Взяла, поблагодарила человеческим голосом и принялась есть.
Вдруг ей стало дурно...
Она ужасно завопила...
Я хочу ей помочь, беру на руки, не знаю, что делать. начинаю бесцельно метаться.
Белка бьется в предсмертных судорогах.

Я проснулся.
Беличий вопль по-прежнему звучит в ушах...
В комнату заходит Нинка.
Она держит в руках крест и, смеясь, говорит:
– Твой дружок немножко чокнутый.
– Почему?
– Проводил меня до дому... с зонтиком в руках...
– ...
– Я просила его зайти, ни в какую...
– Все же почему он чокнутый?
Нинка заливается смехом.
– Видел бы, с каким видом он меня провожал, дай, говорю, зонтик, а он надулся, нет, отвечает и идет.
– ...
– Вскипятить тебе чай?
Я пожимаю плечами.
Нинка снимает мокрую одежду и надевает халат.
– У меня, кажется, жар, – говорит она. – Дай руку.
Лоб у нее горит.
– Ложись, – говорю.
– Сейчас, только чай вскипячу.
– Ложись, я сам.
Нинка ложится, лицо ее покраснелось.
– Принеси аптечку.
Я принес аптечку, вышел на кухню, наполнил чайник водой, поставил его на газовую плиту и замер...
– 37 и 8, – доносится из соседней комнаты.
– Позову тетю Елену.
(Тетя Елена живет рядом. Она врач.)
Я вхожу в комнату, Нинкино лицо покрыла испарина...
– Нет, – говорит Нинка, – мне сейчас не до Елениных сплетен.
Из кухни доносится шипение чайника. Видно, вода уже вскипела.
– Говорил тебе, не ходи в такой ливень.
– Не в этом дело. У меня с утра была небольшая температура.
Я обозлился, повернулся к Нинке:
– Почему не сказала?

Она молчит.
Я налил чаю и подошел к ней.
– Не могу... засну лучше...
К утру температура у Нинки поднялась до сорока. Она металась в бреду.
Маленькое лицо, утонувшее в розовом с синими цветами шелковом одеяле... Лицо ангела...
Она смотрит на меня грустными глазами и жалобно просит:
– Позови Елену.
Я выхожу и возвращаюсь с Еленой. Она осматривает ее, потом садится и пишет рецепт...
Я провожаю Елену.
– Возможно, нам придется уложить ее в больницу, – говорит она шепотом.
– Что-нибудь серьезное?
– А?.. Нет... Ничего особенного ... Воспаление легких, может быть... Она очень слабая девочка... Я бы за ней поухаживала, да сам знаешь, работа...
– ...
– Уложу у себя, – задумчиво говорит Елена. – Сейчас же иди за лекарством...
– А когда мы ее уложим?
– Сегодня и завтра не удастся, наверное... Сообщи вечером.
Она уходит.
– Я вся промокла, – говорит Нинка и слабой рукой проводит по лбу и шее...
Я с тревогой смотрю на нее.
(Как мне сейчас хочется ее приласкать!)
– Скоро приду, – говорю я тихо, беру рецепт и иду к дверям.
Снова льет дождь.
Грязная, размытая каменистая дорога похожа на поле, усеянное серыми слизняками... У меня скользят ноги, с трудом удерживаюсь, чтобы не покатиться вниз...
Вот и аптека с синими запотевшими стеклами окон и расшатанными перилами балкона.
Я быстро взбегаю по каменным ступенькам.
Полная женщина в белом халате вопросительно смотрит на меня.
Я молча протягиваю ей глянцевую бумагу.
Она взяла. Пробежала взглядом. Снова взглянула на меня. Возвратила.
– ...
– К сожалению, у нас нет части компонентов этого лекарства.
– ...
– Хотя, – она спокойно взяла у меня рецепт, – повремените... Лия!
Рядом в комнате у полки с лекарствами стояла девушка невысокого роста.
– Ну-ка посмотри, остался ли у нас бром?
– Откуда?
– Да... нет... нет...
– Как же мне быть?

Она пожимает плечами в ответ, и я пожимаю плечами.

– Спросите в другой аптеке.

Иду в другую аптеку. Там обеденный перерыв, пришлось ждать целый час, пока открыли.

– Будет готово вечером, – говорит женщина-провизор, как две капли воды похожая на первую и сложением, и видом.

– Я очень спешу! Нельзя ли...

– Что такое... Менингиальные явления?

– Нет! Нет! Воспаление легких.

– Ну, хорошо... зайдите через два часа.

– А...

– Раньше не можем.

– Подожду, если позволите...

– Как вам будет угодно...

Я сажусь на стул, и мной вновь овладевает какое-то странное чувство. Я хочу отвязаться от него, но оно уже подступило к горлу комом слез (не правда ли, как банально звучит это “комом слез”, господа). Ничего не поделаешь, когда человека душит злоба, ему наплевать, что “чуткие” пальцы читателя раздражает его шершавый, сшитый из красных пупырчатых жил мешочек, в котором запряталось море мучений, сжатое в маленький трепещущий ком, и достаточно ему чуть напрячься, чтобы страшной лавиной вырваться наружу и смести все и вся на своем пути...

Черт побери! Сейчас мне действительно невероятно трудно. Подбородок дрожит...

Бьет озноб...

Глаза выкатываются из орбит...

Все тело болит...

Я бессмысленно смотрю на огромные часы на стене.

– Тик-так...

Вдруг перед мысленным взором возникают цветы, рассыпанные по золотому песку...

Откуда-то подул ветер.

Песок взметнулся вверх и рассыпался в воздухе, превратился в прозрачную, блестящую фату, и сквозь эту нежную золотистую завесу блеснули на меня Нинкины синие глаза. “Мне плохо, – беззвучно говорит Нинка и плачет. – Мне очень плохо.”

– Сейчас, родная, сейчас, – шепчу я и чувствую, что вот-вот и у меня потекут слезы. – Сейчас...

Тиканье часов нарушает тишину...

Как медленно тянется время...

Я смотрю в окно...

Обкраденные деревья, вытянув в небо руки, просят милости у господ...

О какой милости они просят, хотелось бы знать?

Уж не о крыльях ли, чтобы покинуть грязные шумные улицы и улететь подальше, переселиться в изумрудный рай, откуда судьба безжалостно вырвала их и воткнула сюда, как некие вентиляторы для очистки воздуха?

О чем они просят? Бог весть!

Наконец лекарство готово...

Я направляюсь к дверям...

– Деньги! – доносится до меня насмешливый голос,

– вы забыли заплатить деньги, молодой человек.

Возвращаюсь и протягиваю скомканную рублевку.

...

Я медленно иду вверх по подъему...

Солнце заходит...

Холодно...

Я поднял воротник пальто, но и это не помогло.

Кружится голова.

Руки трясутся...

Нет и нет, никак я не смог отвязаться от того странного чувства.

Чувствую, вот-вот вырвется наружу все, что накопилось в душе.

У меня пересохло в горле...

Неожиданно...

Что это?

Я остановился как громом пораженный!

На дороге слышится гогот пьяных...

Я осторожно озираюсь вокруг...

Сердце странно сжалось и учащено забилося.

Андро со своими дружками!

Обессиленный, я повернул обратно и спрятался за деревом...

Жду, пока они пройдут...

Они, видно, никуда пока идти не собираются...

Как быть? Побежать, разорвать эту толпу и... Прямо к дому или? Или как?

А если схватят?

Изобьют!

Черт с ним... А если разобьется бутылка с лекарством?

Я и не почувствовал, как сполз по стволу, сел прямо в грязь, положил бутылку с лекарством перед собой и оцепенело на них уставился.

“Мне плохо, – послышалось вдруг. – Очень плохо”.

Голос прозвенел, точно серебряный колокольчик.

Я задрал голову и посмотрел на небо. Облака в свете заходящего солнца, словно кусты роз рассыпались по медному небу.

К глазам подступили слезы, я поднял бутылку, прижал ее к груди и долго беззвучно плакал, потом вдруг заплакал навзрыд, поднялся и нетвердой походкой пошел по подъему. Чувство безразличия ко всему на свете овладело мной. Вот они, пьяные лица, искаженные в издевательской улыбке.

Гогот неожиданно смолк, и все усталились на меня.

Я поднимаю бутылку высоко над головой.

– Нинка, – говорю я хриплым, надтреснутым голосом и всхлипываю. – Пропустите, ребята... Бутылка разобьется... Нинке плохо... Очень плохо... Пропустите меня, прошу вас!

Не буду вам докучать зряшной болтовней...

Опущу несколько страниц моей истории... А так, если интересует, могу коротко сообщить, как развивались события дальше, хотя умный читатель и без того догадается, какой оборот они приняли.

Андро, естественно, кое до чего ”допер”, ”смягчился”, мой последний поступок пробудил в его

душе бла... бла... городные импульсы, и мы по... по... по... дружились!

(Читатель, наверное, думает, что я перебарщиваю, когда сбиваюсь на столь пренебрежительный тон. Однако виной тому нервы, напряжение и т. п., дорогуши мои. Да-с.)

Теперь давайте заглянем в комнату, где сижу я с Андро. Господи боже, какая напасть на мою голову, как ни старался, нигде щелочки не обнаружил, чтобы заглянуть в эту проклятую комнату, увидеть себя со стороны, а дверь закрыта – искуснейшему вору не проникнуть.

Пропади оно все пропадом... Расскажу не подсматривая...

Перелом в наших отношениях начался с того, что наутро Андро самолично к нам пожаловал, посидел с больной, потом вывел меня в соседнюю комнату и пообещал хоть голову под топор положить, а помочь нам.

После этого Андро стал у нас частым гостем...

Читателю, должно быть, интересно узнать о дальнейшем ходе событий... Рассказываю.

Подружились, значит, тиран и его жертва... Каким бы мягким и благородным ни стал тиран по отношению к своей жертве, как бы ни старался исправить допущенную ошибку, все равно жертва-мученик испытывает великую боль, так как его болезненное самолюбие раздражает теплое отеческое отношение не меньше самих пыток. К тому же в присутствии кого-то третьего его нервы крайне напряжены. (Кто-то третий, извольте знать, это Нинка.)

Видели бы вы мои страдания, господи!..

Спросит этот сукин сын у меня о чем-то, спросит с улыбкой, ласково, и я начинаю суетиться, кривляюсь, виляю хвостом, как щенок, повизгиваю, подпрыгиваю, становлюсь передними лапами ему на грудь и при этом все, заметьте, боюсь испачкать его новехонький костюм. Порой я на него обижался. Тогда он, как говорится, подбрасывал мне кость, поглаживал по голове, трепал по загривку, я успокаивался и снова покорно смотрел ему в глаза.

Да, не могу умолчать... Гиви ревновал. Смех один... А почему?

Ему казалось, что Андро приходит к Нинке. Не скрою, отношения его к Нинке мне тоже не очень нравились, слишком уж часто они сидели наедине и о чем-то сладко щебетали. Хотя, надо сказать, мне было не до Гиви и не до Нинки. Я был увлечен новой своей дружбой, и все мои мысли были о ней...

Столько, наверное, мужчина не думает о любимой женщине, сколько я о дружбе с Андро.

Бедняга Гиви! Придет, бывало, сядет на стул и смотрит на нас.

Сцены были! Одна другой интересней! Одна другой краше!

В театрах на таких представлениях народу не убывало бы...

Так вот-с, дамы и господа, отныне наш дом меня радовал и раздражал; нет, раздражал не то слово, сводил

с ума...

Андро, которому присутствие Гиви не доставляло особого удовольствия, без конца язвил, однако... шиша с два! Гиви ни на минутку не покидал неразлучную тройку. Одним словом, все мы, кроме Андро, сидели в котле с кипящей смолой.

Да-с, в котле с кипящей смолой варились... но смеялись, лизали руки человеку, который подбавлял в этот котел хворосту.

Вы, наверное, спросите – при чем тут Нинка, она-то почему, собственно, варилась в котле?

А потому, что при взгляде Андро и она вроде меня краснела и покрывалась испариной...

Под конец... Гиви решил поднять голос против существующего положения вещей...

Меня в тот момент не было дома. Когда я вернулся, Нинка плакала, уткнувшись лицом в подушку...

– Что случилось? – спрашиваю.

Она ничего не ответила...

Я молча вышел на кухню, снял со стены топорик для рубки мяса и подошел к дверям.

Нинка приподнялась на тахте и говорит:

– Выхожу замуж.

Я одеревенел...

– За кого? – выдавил кто-то чужим голосом.

– Андро!

Она была возбуждена, глаза странно блестели.

Я подошел к ней остолбеневший, присел рядом.

– Что это? – я показал пальцем на разломанную мебель и развороченные постели.

Она снова заплакала в голос.

– Подрались! – выдавила сквозь слезы.

– Дальше?

Она, вся дрожа, прислонилась к моей груди.

– Дальше?

– Бедняга Гиви!

Только и всего. Через две недели они поженились.

Мне очень хотелось присутствовать на бракосочетании, но я заметил по Андро и Нинке, что это не доставило бы им особого удовольствия, и в тот день я вообще не показывался.

(Все это время я был как во сне, никак не мог представить Нинку и Андро мужем и женой. Конечно, нетрудно было представить Нинку соблазненной и брошенной Андро, но никак не его женой... Вещь в самом деле потрясающая... Однако я, тем не менее, рассудка не лишился и в день их бракосочетания зашел к Гиви.)

Господи боже, ну и вид, верно, с тех пор, как он две недели назад избитый вернулся домой, одежды ни разу не сменил. Под глазами у него были синяки, голова повязана, на разбитой скуле чернело пятно йода.

– Как поживаешь? – спрашиваю.

Он промолчал, пересел со стула на табуретку.

– Ты чего нос повесил? – Я попытался растормошить его.

Снова молчание.

Потом он посмотрел на меня снизу вверх, как

побитая собака, принужденно улыбнулся, приложил указательный палец к лицу и прохрипел:

– Видишь, что он со мной сделал?

– Подумаешь, чудак, – сказал я, как ни в чем не бывало. – Из-за чего вы все-таки подрались?

Он зло на меня посмотрел, махнул рукой и что-то пробормотал.

– Говори, что ли, – можно подумать, я не знал причину драки.

– На редкость ты, однако, без самолюбия, – неожиданно злобно бросил он.

Я усмехнулся.

– Чего смеешься, ты...

– Ну, доканчивай же...

Он поднялся, с отвращением оглядел меня и снова присел на табуретку.

– А, да, правда, не сходить ли нам на свадьбу? – Я не собирался этого говорить, но его исполненный отвращения взгляд страшно на меня подействовал.

Он хмуро посмотрел на меня.

Я подошел к столу, вытянул из пачки сигарету, сунул в рот, прикурил, затянулся и с шумом выпустил дым.

– А?! – Какое-то садистское чувство овладело мной, хотя, впрочем, ничего удивительного для человека в моем положении. – Что скажешь, не пойти ли нам на свадьбу?!

– Чью свадьбу?! – хрипло спросил Гиви.

– Моей сестренки и Андро.

Он смотрел на меня, разинув рот.

– Что случилось? – спрашиваю и сажусь перед ним на корточки.

Молчание.

– Чего ты на меня уставился? А ты думал, Нинка потаскуха, что ли?! Они любили друг друга, понял? Любили.

И опять ни слова.

– Что с тобой? – Я не на шутку испугался. – Лицо Гиви стало белым, как у покойника.

– Что с тобой?! – Я перешел на крик.

А он сидит и дрожит как в лихорадке.

Вдруг он вскочил, схватил меня за воротник рубахи и встряхнул изо всех сил... Я хотел высвободиться, но он так за меня ухватился, даже двинуться никакой возможности не было... Он оскалил зубы и скрежещет... хрипит... задыхается..

– Что с тобой? – шепчу я, перепуганный насмерть.

Он отпускает меня и говорит:

– Уходи.

...

Через два дня я узнал, что Гиви покончил с собой. Ружейный выстрел поставил точку на его короткой жизни.

Жизнь самоубийц чем-то напоминает мне стихотворные строки.

Теперь я вас посмешу, дамы и господа!

Приятель мой, выяснилось, перед смертью написал письмо и, видимо, в порыве крайнего возбуждения бросил на ту же постель, на которой застрелился. Судебной экспертизе удалось выяснить только одно

слово: “дорогая...” – все остальное стерла кровь.

Когда я об этом узнал, мое больное воображение тотчас же представило, как служители правосудия комкают непригодную бумагу и швыряют ее в окно...

В тот день, должно быть, было ветрено...

Письмо судорожно планировало в воздухе. Еще одна судорога безысходности, и перемешаются окровавленные звуки с желтыми листьями, засверкают непривычно; дождь светлячков упадет на землю, и лазурное сияние лучей исходящего от него света поднимется над высохшим телом моего друга, который, сжавшись в комок и одеревенев, лежал, словно ледовая скульптура в какой-то грязной, темной прозектуре города.

...

До сих же летъх (как обыкновенно говорится в летописях) Андро поселился у нас.

В квартире его отца было довольно тесно из-за трех живущих там невесток, и Андро предпочел нашу келью.

Хотя почему, собственно, келью? Как-никак, трехкомнатная квартира, к тому же я им не мешал, отвели угол на кухне. Должно быть, и оттуда изгнали бы, но гуманность, милостивые государи, человечность!

В последнее время зятек вспомнил старые штучки: возвратившись ночью домой пьяным, непременно навещал меня на кухне. Я нашел философское толкование такой его чуткости: он изволили быть сыном веры... Я же – чертом. Так что он пекся о моей душе и старался изгнать нечистый дух из оболочки черта.

Однако душу мою, господа, не так-то легко было изгнать из ее обители. Она, господа, не походила на меня, который безропотно вылетел на кухню и был готов по первому слову перебраться на чердак.

Она, душа, упрямо цеплялась за плоть, и, притаившись в окопе из расслабленных мышц, разрисованных красными и синими жилками, на желала сделать ни шагу ни вперед, ни назад.

Ах, да! Чуть было не позабыл. Нинка была на седьмом месяце беременности.

Порой, услышав стук в кухне, она выходила и на коленях умоляла моего палача отстать от меня (“Ведь он мой брат!”)

Тогда Андро скрезетал (именно З, а не Ж!) и награждал ее моей долей подзатыльников.

А раз бил ее так, что у Нинки случился выкидыш... Видели бы, каким он стал шелковым, Андрюшенька.

Одна-а-ако... Мое мученическое спокойствие, пока я ухаживал за Нинкой в больнице, постепенно перерастало в ос-тер-ве-не-ние, и однажды утром, когда я с продуктами пришел в больницу, а фельдшерница с обеспокоенным лицом отвела меня в сторону и упавшим голосом сообщила, что вчера у Нинки снова было кровотечение и она скончалась, – перед фельдшерницей уже стоял сумасшедший, который, прижав к груди сумку с продуктами, хохотал леденящим душу хохотом.

Только я похоронил одного покойника, тотчас же

принялся думать о другом. потому как Андро для меня был ничем, кроме как ходячим трупом...

Теперь надо было, чтобы все увидели и убедились – трупу место под землей!

В револьвере, который должен был еще раз всех оповестить об этой старой истине, лежало девять новехоньких, отливающих синеватым блеском пуль!

На трех было нацарапано – Н и н к а!

На трех – Г и в и!

Остальные помечены крестиками.

Но Андро на улице не показывался...

Поэтому я решил сам его навестить...

Господа! Я слышал краем уха, что справедливая месть делает человека счастливым. Не знаю, насколько правильно я передаю эту невзначай услышанную

фразу, но во всяком случае я чувствую себя счастливым вполне, когда с оружием наготове стою перед дверями дома моего врага. Я весь дрожу и не осмеливаюсь постучаться – что, если его отец или кто другой откроет двери?! Поднимут крик, виновный выпрыгнет из окна и спасется бегством.

Однако нет! Это невозможно!

Поверьте мне, уважаемые скептики, двери откроет именно Андро и никто другой!

И как только он их откроет, решено, всажу ему первую пулю а живот, а когда он упадет и будет корчиться в судорогах, я его изрещечу!

О, какая темная ночь!

Так зальем светом эшафот.

Ф а к е л ы, К в а з и м о д о!

“Институт Материнства”



Если бы меня попросили назвать единственную вещь, которой народ обязан своим процветанием и развитием, я ответил бы: “Превосходство женщины”.

А. Токвиль.

Женщина спасет мир. Это общеизвестно. Однако, в том-то и беда, что общеизвестно, и темный мир атаковал именно ее. Сначала атаки были направлены на ее закрепощение, но женщина, отодвинувшись от общественной жизни за спину мужчины, к очагу, оттуда управляла мужчиной и миром, являя твердый законопорядок, мораль и чистоту и семьи, и быта, и высокий дух воспитания детей. Семья, очаг, женщина стали непреодолимым препятствием для темного братства в борьбе со Светлыми Силами за судьбу человечества.

И все-таки выход был найден для атаки темных на женщину.

... Выдающийся американский мистик Ричард Бах говорит, что первый принцип капитализма – это создание потребителя. Но сотворение потребительства для женщин началось с вопроса извращения идеи

эмансипации: суфражизм, феминизм...

А дальше – больше: свободная любовь, свободные нравы – это очень соблазнительный товар, и потребители стали расти как грибы. На женском потребительстве стал делаться основной бизнес: сигареты. Раньше курили только мужчины, а теперь число курильщиков сразу увеличилось вдвое. Наркотики, алкоголь...

Ладно, если женщина курит и пьет сама, но ведь именно из-за нее эти свободы перекинулись на молодежь. Курят все, с детства... И пьют. Секс помолодел до невозможности. Баснословно выросли доходы темных. Растут и по сей день, но уже по возросшему перечню предлагаемого “сервиса”. Болезни участились, возникли новые болезни, но это уже – бизнес фармацевтический; вкусы огрубели: пиво, фанга, кока, спрайт – тотальный бизнес... Вряд ли следует перечислять все формы искушений, ведущих как к увеличению общего, в том числе и женского, потребительства, так и к увеличению доходов преступного мира темных.

Ясно одно: люди не знают о том, что на них идет охота. Спасение одно – создать свое потребительство, предложить обществу выбор: искушению противопоставить сознательность, а сознательность питать духовностью, т. е. создать потребителей духовности созданием духовных ценностей культуры и искусства.

Прежде всего, в женщине надо разбудить МАТЬ! Каждая мать, получая незапятнанную душу своего ребенка, должна знать осознанно, что если навяжет ребенку взгляды современного мира, то в семилетнем возрасте получит уже загубленную душу, потребителя всех соблазнов современного общества, и собственноручно вводит в лабиринт жизни на съедение Минотавр.

Чтобы уберечь ребенка от тюрьмы, созданной эгоистическим обществом, современная мать должна иметь минимальное знание для того, чтобы осознанно знать, какого ребенка воспитать согласно трем возможным вариантам.

Первый тип человека, который получают

механические мамы – это тип, навязанный обществом: общество эгоистично, и мать бессознательно прививает ребенку стандарты общества:

“Помни о себе...”

Стремись к положению в обществе...

Учись делать деньги...

Деньги – это все...

Не будь дураком, темни сам, чтобы тебя не облапошили остальные” и т. д.

Такой человек никому ни в чем не уступит: ему слово – он тебе два, ты ему обидное – он тебе мат, ты ему мат – он тебя по голове...

Это – состояние двуногого животного, цивилизованного дикаря XXI века. Тут человеком и не пахнет.

Второй тип человека – это, в принципе, человек потому, что он мыслит, применяя закон справедливости Космоса – “око за око, зуб за зуб”, т. е. за преступление воздаст точно отмеренным на весах правосудия воздаянием. Это уже хорошо, с этого принципа начинается человек.

Третий тип людей – это христиане, к какой бы религии ни относился человек: ударят по левой щеке – подставят правую, взяли куртку – отдай и рубашку...

Чувствую шквал вопросов и ураган возмущений по третьему типу людей. То-то и оно, что все ваши вопросы, ваш протест и составляют сложность воспитания христианина, потому их так мало на земле, ведь быть христианином – это самый большой героизм...

Один магараджа решил построить дворец и приказал вырубить для этого рощу акаций.

В Индии акация – это дерево Бога Вишну, и вся деревня вышла на защиту рощи. Дровосеки вернулись ни с чем...

Взбешенный, магараджа приступил к роще с войском. Крестьяне не отступали. Магараджа приказал дровосекам начать рубку... Раздалась короткая команда старейшины деревни: “Чипко!” Крестьяне привязали себя к акациям. Дровосеки подступили к ним...

Магараджа дал приказ: “Рубите!” Первые окровавленные тела повисли на стволах.

...Вид крови смирил магараджу. По его приказу акации уже не рубят, а в Индии с тех пор осталась секта почитателей Бога Вишну – “Чипко”.

“Преданность переносит через бездну, но трепетание чуткости должно окрылять эту преданность”. (Агни Йога.)

На Земле создана непроницаемая атмосфера эгоизма человеческого общества, и все труднее и труднее людям пробиться через эту мерзость к небу, к Богу. Нужно спешить! Нужно стараться создать противовес уходящему в безнадежный эгоизм человечеству знанием того, что зараженный и разрушенное общество воспитывает разрушителя при каждой реинкарнации, и воплощенный сам осложняет себе проблему спасения. Сказано: “Торопитесь спастись!” А это можно сделать, если люди будут готовить будущее для своего же воплощения, и тогда их будет ждать уже не хаос и тюрьма цивилизованного

мира, а гармония и братство мира духовного на Земле, созданные ими самими в предыдущих жизнях.

“Ускорение сроков необходимо, иначе уплотняется невежество. На пределе Нового Мира столпились все язвы. Вихрь нашел кучи отбросов. Уменьше смотреть мужественно в глаза мерзости невежества складывает меры необычные. Следует уметь, наконец, показать отличие людей пригодных. Почему люди могущие должны погибать среди цепей и предрассудков?”

Детей надо спросить, могут ли они отойти от страха быть нелепыми в глазах толпы? Готовы ли поступиться личным удобством ради Нового Мира? Надо сурово спросить, ибо явленное пламя не боится ветра”. (Агни Йога.)

Мать должна сказать ребенку: “На свете есть Христос, и быть христианином – самое большое мужество, ибо надо восстать, восстать не только против предрассудков, но против унижений человека до уровня потребителя пороков современного мира”.

Мать! Ты родила Бога, ибо твое дитя непорочно. Прививай ему вкусы высокие, стремление к искусству и труду, культурное созидание своей жизни, нацеленной на будущее. И совершенно понятно, что мать должна стать министром образования и здравоохранения в своей семье, ибо только она может дать образование, ориентированное на раскрытие духа, закабаленного в прошлых воплощениях, или же обеспечить развитие духа, также достигнутое в прошлом. Мы не можем уйти от эгоизма общества и государства до тех пор, пока семья не станет цитаделью ЗНАНИЯ и КРАСОТЫ...

Что делает государство?

...Ему нужно развитие военно-промышленного комплекса – оно заказывает Министерству образования школьные программы и создает соответствующие ВУЗы или факультеты; нужны штурмовики – учит восточным единоборствам. Что хочет, то и заказывает.

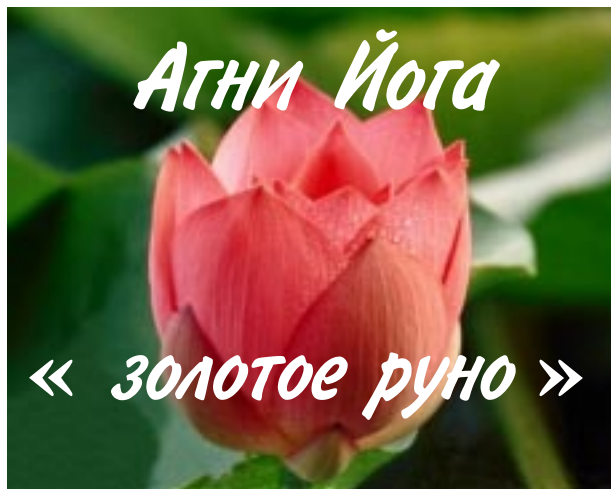
Короче говоря, общество создает конвейер, по которому человеческие души проходят свои жизни не только ничего не обретающими для себя в своей жизни, но не осознающими того, что общество их, если не полностью, то, во всяком случае, частично, но все-таки грабит, а уж в отношении духовной ориентации – вообще полностью дезориентирует. Общества и государства, может быть, и “процветают”, однако, обрекая Землю на вымирание, убивая духовность людей, они неумолимо катятся и к своей гибели...

“Какое правительство лучше всех? То, которое научает нас управлять собой”. (И. Гете.)

Мать, подари своему ребенку бесстрашие христианства, чтобы возвыситься в духе, очистить жизнь и спасти Мир! Ведь может же быть, что твой ребенок пришел к тебе в своем последнем рождении, как к последней возможности спастись, прозреть, изменить свою судьбу?!

Вот и подумай, мать! Не о том, каковы предрассудки общества, которым ты подчинилась, а о том, что воистину нужно твоей крохе. А нужны ей ЛЮБОВЬ твоя и Его, любящее ближнего своего Сердечко.

Т. Тавадзе.



Не “убиение” плоти, а убиение только его уродств и болезней

(М.Меншиков)

Я верю в судьбу. Верю, что вся моя жизнь, прожитая до того, как я пришла в общество “Рерих – Матерь Мира”, была предисловием к моей теперешней жизни. А до прихода сюда со мной случилось немало бед – обо всем не расскажешь.

...Первые мои роды были неудачными. Я перенесла большую физическую и моральную травму, после чего врачи мне запретили иметь детей. Ухудшилось состояние сердца, был поставлен диагноз – комбинированный порок сердца, стеноз.



...Но желание стать матерью было сильнее всяких запретов... Сына я родила “кесаревым сечением”. После родов мне стало еще хуже. Но и это меня не остановило. Мне так хотелось иметь второго ребенка, что через два года я вновь решилась на отчаянный поступок. Однако на седьмом месяце беременности

мне пришлось сделать операцию сердца. А через два месяца появилась на свет моя красавица – Лейла.

Все складывалось хорошо. Да вот не обошлось без последствий. Вскоре открылась язва на правой ноге, и начались мои мучения. Долгие годы я не могла излечиться от этого недуга. От постоянных невыносимых болей, от бессонных ночей расшатались нервы, ухудшилось зрение, появилась аритмия, тахикардия, стеноз.

Мне предложили вторичную операцию на сердце. Но до этого срочно нужно оперировать ногу.

...Вот в таком состоянии я пришла к батони Тамазу. Мой первый инструктор Эльза сделала все возможное для моего выздоровления. Здесь я нашла решение всех своих проблем. Во-первых, я стала уверенной в себе, раскрыла новые возможности; убедилась, что могу изменить свое будущее в лучшую сторону благодаря уникальной системе “Золотое Руно”, разработанной батони Тамазом Тавадзе. А также научилась помогать другим.

Операция на ноге мне уже не нужна, так как язва у меня залечилась. Теперь идет интенсивная работа над сердцем. Надеюсь, что и порок сердца вылечится. А пока анализы стабильные, ухуждения нет.

Благодарность за свою жизнь почти ничто по сравнению с благодарностью за спасение внучки – Эмилии.

...Когда мне сообщили из Ростова, что годовалая внучка тяжело болеет, и врачи не могут поставить диагноз, вернее, все самые ужасные диагнозы подряд, я, конечно, немедленно поехала к ней. Но перед отъездом встретила с батони Тамазом. Он пристально посмотрел мне в глаза и сказал:

-Не бойся, будь уверена в том, что все будет хорошо. Я поняла... Учитель со мной, и не быть беде.

...В критические моменты я звонила батони Тамазу, получала советы и поддержку и снова боролась за жизнь внучки.

Ее синие губки розовели, и ребенок возвращался к жизни, когда врачи теряли надежду. Мне также помогали друзья, и весь наш дружный коллектив. Они подбадривали, помогали, как могли, за что я всех их люблю, как своих родных.

Благодарность моя безгранична, и словами ее не передать!

Пусть Аллах благословит батони Тамаза и всю его семью и весь его род во веки веков!

Аминь!

За ту бескорыстную любовь к людям, которую он отдает всем, кто к нему приходит за помощью, за дело, которое угодно Господу и служит очищению человека не только в физическом, но и в духовном плане.

Мамедова Сивила Ханум
Тел.: 72-20-30



ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО В ТБИЛИСИ, 2003

21 июля 2003 года в здании Академического театра оперы и балета им. Палиашвили произошло знаменательное событие: состоялся юбилейный творческий вечер одного из крупнейших современных русских поэтов – Евгения Евтушенко, по случаю его семидесятилетия.

Этого поэта прекрасно знают и любят представители старшего и среднего поколения. Любят, как диссидента и бунтаря, как певца возмущенной интеллигенции Советского Союза.

Огромный ярко освещенный зал набит до отказа: люди стоят и сидят в проходах (а сколько желающих осталось за стенами театра!!!). Кто-то так же, как и я, ждал встречи с буйной, бесшабашной юностью своей, кто-то пришел познакомиться с русской современной поэзией, кто-то хотел узнать, что случилось с великим бунтарем, кто-то желал услышать слова любви и преданности Грузии и ее народу, которые так часто звучали в его стихах и которые вынесены эпитафией к вечеру на сцену:

**Про Грузию забыв неосторожно,
Поэтом быть в России невозможно.**

Ничьих ожиданий не обманул Евгений Евтушенко. Все такой же молодой, стройный, подвижный и артистичный. Все та же страсть и металл в голосе, которые так любила молодежь семидесятых.

Призыв к борьбе за человеческий образ жизни и мыслей несся со сцены из далеких семидесятых, передавая сидящим в зале эстафету вечного стремления к Совершенству и Свободе.

Этим, пожалуй, и велик тот поэт, который, говоря о современных ему идеях и событиях, способен вложить в строку вечный, непреходящий смысл, звучащий истиной в веках, и вместе с тем вечно злободневный, по своему переосмысливаемый в каждом времени и поколении.

Совершенно в иной, чем ранее, манере читал Евтушенко свои последние стихи. Спокойствие, большой жизненный опыт, благородство и мудрость пришли на смену ершистой страсти и бесшабашной дерзости, как в самой манере читать и держаться на сцене, так и в каждой прочитанной им строчке.

За три десятилетия произошла удивительная

метаморфоза: на сцене стоял уже не бунтующий юнец, а несущий людям слово любви и мудрости МЭТР русской поэзии.

На сцену поднимались любимцы грузинской публики – певцы, актеры, поэты. Они читали, синхронно с автором, переведенные на грузинский язык стихи; пели вместе с ним написанные на его слова песни и романсы; обращали к поэту слова истинной дружбы и любви, которые звучали признанием в этих чувствах всей передовой, прогрессивной России.

И поэт отвечал им тем же: он признавался в любви к нашей прекрасной земле и ее славному народу от имени всей думающей России.

Вечер удался на славу: здесь было много прекрасной высокой поэзии, много музыки и цветов, много света и



тепла дружеских чувств и любви. Здесь еще раз получила свое подтверждение не требующая доказательств аксиома: традиционные дружеские, творческие и человеческие связи Грузии и России неразрывны. Глубокая многовековая дружба связывает два братских православных народа. И как бы не стремились темные реакционные силы в России и Грузии очернить, опорочить, порвать эти узы любви и дружбы, им не удастся уничтожить стремления двух великих, духовно близких культур и народов ко взаимному обогащению, единению и сотрудничеству.

Вслед за марафоном “Москва-Тбилиси”, о котором мы писали в прошлом номере журнала, состоявшийся вечер еще раз провозгласил:

**НАМ НЕ МОГУТ ЗАПРЕТИТЬ
ЛЮБИТЬ ДРУГ ДРУГА!!!**



Автор рубрики Т. Агаджанова-Преображенская.

Сегодня в гостях у детской странички нашего журнала, в ее рубрике “Устами младенца”, очень интересная маленькая девочка, Ланочка. Ей всего 6 лет, но вдумайтесь в ее слова, и вы поймете, сколько мудрости и гармонии в детском восприятии мира, как важно помочь ребенку не замутивший этот чистый родник, не закрыть эту волшебную дверцу в мир Истины и Красоты. И как необходимо нам, взрослым, почаще прислушиваться к лепету наших юных философов, черная светлую энергию и чистую радость, столь необходимые в нашей жизни.

Радость – это Господь, потому что если бы не было Господа, ад бы захватил Землю, и все было бы злым. Радость белая.

Мир – это наша Земля, когда никто не воюет. Сейчас на Земле мир потому, что никто не воюет. Он – голубого и белого цвета, но не красного – это кровь, а если кровь – то это уже война!!!

Бог – он Человек, только это его Душа. Боги любят все белое, все светлых оттенков потому, что Дьявол – это черное.

Бог – белый, голубой и чуть-чуть розовый.

Ангел – это добрая душа.

Любовь – это когда человек влюбляется в другого человека, она красная, потому что сердце красное, потому что сердце греет всех и любит всех.

Печаль – это когда человеку грустно, никто его не любит и не играет с ним, но потом у него всегда бывают друзья. Печаль серая.

Грусть – то же самое, что и печаль, но она черная. Война – это очень плохое дело – кто много воюет и много убивает, он в рай не попадет. Грусть черная – это все черное.

Красота – Голубая – когда ты красив, тебя издали видно, когда у тебя красивая фигура. И когда люди женятся, они же выбирают красивых и добрых.

Доброта – когда человек добрый, очень добрый, он может стать ангелом.

Доброта Желтого и Белого цвета.

Мудрость – это когда человек много думает и говорит мудрые вещи.

А глупый – когда он свою мудрость растерял на пустяки. Желтый, белый и сиреневый цвета.

Терпение – это когда человек уезжает, а другой должен терпеть, пока он вернется.

Терпение – грустное.

Цветы и деревья – это то, что создали ангелы и Боги. В каждой сердцевине есть ангел, и в каждом лепестке он есть

Когда ангелы появились, они начали делать растения. Они вкладывали в цветы и растения душу, чтобы они были красивыми и хорошими и на пользу шли.

Мама – это самое первое слово и самое родное, самое ласковое.

Ну, конечно же, оно голубого цвета.

Папа – это второе слово. Для меня Мама и Папа – самые главные, для меня они главнее бабули и дедули. Но Маша для меня тоже главное слово.

Вам хочется отдохнуть, расслабиться, получить заряд энергии, которую дарит нам веселый безудержный смех?! Не берите в руки газетенок с грубыми, пошлыми анекдотами, лучше послушайте наших умников и умниц:

Поступив в Институт иностранных языков, девушка пришла к родственникам, у которых маленький ребенок. Ее спрашивают: “А какой у тебя язык?” Девушка отвечает: “Английский”.

Услышав это, малыш подбегает к девочке и, показывая ей язык, спрашивает: “А у меня какой язык?”

“Мам, купи мне мороженое”, – говорит Звиади.

Мама: “У меня нет денег”.

Звиади: “Зато у продавца они есть!!!”

- Леночка, возьми там, на столе, банан.
- Какое время банан есть, когда ко мне такое счастье привалило! Ко мне Наточка пришла!
- Я пошла гулять, во дворе собралась вся королевская рать!

После прочтения “Сказки о рыбаке и рыбке” А. С. Пушкина Лана спрашивает: “Мама, а что, этот старик глупый был, что ли? Я на его месте сразу же новую

старуху заказала бы рыбку”.

Маленький мальчик, находясь в кухне, умышленно разбил несколько тарелок, оставив только одну, с изображением льва. На вопрос, почему он оставил тарелку со львом, он ответил: “Так это же Лев!!! Он не только хороший, он наш, родной!”

– Папа, давай построим двухэтажный дом.

- Хорошо, но почему двухэтажный? Ведь нам и одного этажа хватит.
- Нет, папа. На первом этаже будем жить мы, а на втором – бабуля, дедуля и Маша.
- Договорились, но тогда и для бабули Заиры надо еще один этаж достроить.
- А бабуля Заира у нас как Бог – существует, но мы ее не видим.

Пространство и время в восприятии маленьких

Маленький Сашенька (который сейчас почти двухметровый Алекс) очень любил все маленькое. Причем для обозначения маленьких объектов находил аналоги в “большом” мире и добавлял слово “божикоровчи”, т.е. маленькие. Увидев на кусте несъедобные, но очень красивые ягоды, сказал: “Это божикоровчи арбузы”.

Маленькому Сашеньке обещано: “Завтра пойдем в зоопарк”.

- А когда будет завтра?

- Вот поспишь, проснешься, - будет завтра.

Утром, едва открыв глаза:

- Сейчас завтра?

Мама, которая напрочь забыла вчерашний вопрос, отвечает:

- Нет, сейчас сегодня.

- А как же завтра, в котором мы должны пойти в зоопарк?

- Так это же я вчера сказала про сегодня. Сегодня и пойдем в зоопарк.

После долгого молчаливого размышления:

- Я понял: сегодня – это вчерашнее завтра.



Давид Дадиани, образованнейший человек и большой книголюб, часто заглядывал в библиотеку, где один только вид древних книг приводил его в состояние восторга перед

*Посвящается светлой, незабвенной
памяти моей первой супруги Нателы
(Бутуты) Векуа...*

мудростью человеческой. Аристотель, Петр Ибери, Шота Руставели, Саба Сулхан Орбелиани... Давид невольно потянулся к книгам, но вынул из ряда аккуратно уложенных книг не ту, за которой он пришел, а тонкий древний пергамент. Как часто мы делаем то, что противоположно задуманному нами...!

Давид раскрыл свиток. Это была сказка. Он знал ее наизусть, но неувимая прелесть сказки, глубоко взволновавшая его в детстве, манила его к себе с неослабевающей силой. Он присел на тахту. Удобно устроившись среди мутаг*, князь закрыл глаза и стал на память восстанавливать содержимое свитка, будто рассказывая ее своим неведомым слушателям.

...Было написано в том свитке, что соловьи в старину славились не столько пением, сколько оперением. Яркие, переливающиеся цвета нарядов служили им основным оружием в их любовных состязаниях. Соловухи оценивали достоинства поклонников по яркости оперения, невольно впадая в грех перед менее франтоватыми, но более искусными певцами.

Соловьи гордились своим оперением не меньше, чем искусством пения. Из поколения в поколение, с тщательностью и любовью передавали они и свое искусство песнопений и тайны создания редчайших оттенков наряда. Когда птенцы подрастали, отцы семейства с гордостью и

*продолговатая подушка

надеждой выпускали их на соревнования молодых певцов, где победителю торжественно присваивалось почетное звание “МГОСАНИ”.**

Перед приглашенными на состязание юных почетными старцами и блистательными прославленными поэтами выступала “зеленая” молодежь. Взволнованные дебютанты робко пели свои первые трепетные песни. Блистательные поэты поздравляли юнцов, признавали в них талант, с торжественностью наделяли их тысячами полезных советов. Взволнованные юнцы, часто перебивая и почти не слушая их, в бессознательной наивности пытались представить себя в еще более выгодном свете и путанно рассказывали окружающим о своих будущих фантастических планах. Тщеславие так и распирало их, а скромность путала язык перед понимающе улыбающимися наставниками.

Почетные старцы поздравляли отцов. “Талант рождается, а искусство прививается”, – говорили убеленные сединами мудрецы.

Но!..

Но бывало, что посвящаемый в поэты не по возрасту рослый юнец перед такой серьезной аудиторией вдруг заявлял:

-Ку-ку...

Да-а-а!!!... Это бывало, как гром среди ясного неба. Однако опозоренные и опечаленные родители с прежней любовью и лаской продолжали опекать подкидыша, пытаясь хоть чему-то научить его.

Истинная любовь не делит детей на своих и чужих. На большую любовь способны только поэты, а соловьи, как известно, были поэтами... Соловьи были отменными семьянинами, и в этом скрывалось их самое большое несчастье.

Кукушки, чтобы не испытывать судьбу, вовсе перестали подкладывать свои яйца в чьи бы то ни было гнезда, кроме как в соловьиные. Несчастье было не в том, что половина “соловьев” закуковала, а в том, что соловьиному роду грозило исчезновение.

Перед лицом смертельной опасности собрались соловьи на Родовой Совет. Молодежь, конечно же, горячилась. Старики, понятно, пришли с тысячами полезных наставлений, однако Совет к чему-либо определенному так и не пришел.

Молодежь разделилась. Одни предлагали объявить войну кукушкам, а другие - топить кукующих “соловьев”, чтобы не повадно было... Но вот вышел в птичий круг седой Старец, не проронивший до этого ни единого слова. Все замолкли, приготовившись слушать Мудреца.

– Слушал я вас, дети мои, слушал, а теперь послушайте и меня. Сделаете, как скажу, – значит жить соловьиному роду, а нет - так исчезнуть нам с лица земли. Нет! Не гоже нам объявлять войну, и не потому, что есть среди нас трусы. Я знаю, все будут биться насмерть, никто не опозорит рода соловьиного, однако мало, слишком мало осталось нас и погибнем мы все, прежде чем добьемся победы. Топить подкидышей мы не будем... Мы любим ПТЕНЦОВ, и своих, и чужих, и губить никого не станем, ибо это повредит прежде всего нам самим. Мы рождены для любви, а не для ненависти. Подняв руку на чужое дитя, мы тотчас перестанем

называться поэтами, певцами любви, тотчас забудем все наши песни. Убийцы песен не поют... Или слышал кто-нибудь как поют Орлы?!..

– Не-е-ет! – хором ответило собрание.

– Кто кровь пьет, тот песен не поет – продолжал седой Мудрец, – мы же должны петь. Должны петь и воспевать любовь, как истинные поэты любви и братства. Так вот что я вам предлагаю:

Мы должны бережно охранять наши гнезда днем, ни на миг не отлучаясь от них.

Дела свои мы должны вершить по ночам, когда кукушки спят и не могут подложить нам своих яиц. Это значит, что мы должны переселиться в ночь со всеми нашими обычаями и обрядами. Будем жить в ночи так, как мы жили днем. Этим мы оградим свой род от исчезновения и сохраним себя певцами любви и свободы.

Поднялся невообразимый шум... Все кричали о том, что в любовных состязаниях из-за ночной темноты соловушки не смогут отличить достойного от недостойного, _ известно ведь, в ночной темноте оперением не блеснешь...

Поднял Старец свое крыло, и вновь, внимая Мудрецу, затихло птичье собрание. – Песня, – молвил он, – украшение поэта. Песню глазами не увидишь. У любви очень чуткие уши, и, если глаза можно обмануть, то сердце в звуках, в интонациях почувствует фальшь... Сердце любит на слух! Наши соловушки именно на слух будут находить своих искренних и достойных почитателей. Уши – врага жизни.

Соловьи переселились в ночь. Прав был старец, ни к чему поэту пестрое оперение...

Соловьи полиняли. Ночь выкрасила их в неприметный, серый, цвет. Зато петь они стали во сто крат краше. Божественные трели соловья, его чарующее шелканье озаряет с тех пор весенние темные ночи немеркнущим пламенем таинства любви. Соловушки выбирают лучших из лучших исполнителей ночных серенад, не совершая прежних обидных ошибок. Если случается кому на год остаться холостяком, то тот честно работает над своими песнями, старательно выкорчевывает из них сомнительные и фальшивые нотки. В родных пенатах, обласканный родительской любовью и заботой, причащается он для настоящей, искренней, будущей любви своей.

Правда, иные соловушки и сегодня втайне вспоминают радужное сияние соловьиных камзолов... Дневные краски мира соблазнительно сверкают перед НИМИ. Разноцветные краски дневного великолепия искушающе сияют перед их широко раскрытыми глазами, тайно волнуя сердце и будоража душу. И все же солнечный свет не способен затмить настоящую зарю, песнями расцвечиваемую в глубокой ночи ее сереньким супругом... Любви знакомо искушение. Поэтому и выют соловьи свои гнезда в розовых садах, выстилая жилища свои нежными, благоухающими лепестками роз.

А что же кукушки?

Кукушки почувствовали себя смертельно оскорбленными и уязвленными в своих лучших чувствах. Уязвленными не потому, что стало невозможным подбросить свое яйцо в гнездо соловья, а потому, что на весь мир прокатилась слава об их бесталанности.

– Мы еще покажем на что мы способны, – заявили они.

– В конце концов, мы выросли в соловьиных гнездах и знаем не только косметические секреты. Мы достаточно хорошо изучили у соловьев теорию контрапункта. Держись, соловьиное племя! Вашим же оружием вас!..

Осуществление своего плана мщения Кукушка начала с того, что навела косметику на свой наряд по всем изученным у соловьев канонам и очень в этом преуспела. Она стала пестрее и наряднее допереселенца Соловья. Успех так окрылил ее, что она даже изобрела свой собственный способ подмалевывания яиц, делая их похожими на те, которые уже лежат в гнездах будущих приемных родителей.

С большим энтузиазмом принялась Кукушка за второе дело. Целыми днями куковала она в лесу, с завидным упорством повторяя уроки, некогда полученные у соловьев. В конце концов, она с грустью призналась себе:

– Голос слабоват... Да и объемом легких видно, Бог обделил. Чего не придумываешь себе в оправдание! Кукушка и теперь не возьмет себе в толк, что не много нужно ума для создания пестрых нарядов. Секрет прост: цепляй любой лоскут - и все тут. Поэзия же секретов не имеет, просто поэтом нужно родиться. Вот тут Кукушка и вправду почувствовала, что ее достоинству нанесен серьезный удар.

Истинное достоинство молчаливо, показное - крикливо. Истинное достоинство не унизишь, а показное, от легкого прикосновения, - тут же взрывается осиным роем яростного мщения.

Кукушка не могла успокоиться. Она была готова на все, лишь бы посрамить соловьиный род.

– Что-ж! – воскликнула она, сама не могу, так найду учеников с достаточным объемом легких и большой силой в голосе. Посмотрим, – чья возьмет! Если победит мой ученик, то это будет и моя победа: успех ученика – торжество учителя. Мое самолюбие получит утешение, а всему птичьему роду придется признать во мне великого МАЭСТРО...

На многих деревьях в лесу расклеила Кукушка объявления, в которых обещала желающим совершенно бескорыстно открыть секреты вокального искусства.

К объявлениям отовсюду слетались птицы, читали их и, обсуждая содержимое, устраивали настоящие птичьи базары.

– Ему самому надо поучиться быть хорошим семьянином и отцом, чтобы не позволял супруге своей засорять чужие гнезда, – говорили одни.

– Хромой танцам не научит, – говорили другие...

На ветку с объявлением слетел бойкий Воробей: «Сам не можешь – другому поможешь,» – сердито прочирикал он и решительно сорвал объявление.

– А ну, не трожь! – прохрипела нагловатой внешности серая птица. По боевому выпятив грудь, она стремительно налетала на Воробья и вырвала у него объявление. Ознакомившись с заманчивым содержанием, она направилась по указанному адресу к учителю пения. Ей вслед неслись колкие шуточки и смех.

– На какую розу при ваших габаритах сесть изволите? – насмешливо спросил кто-то.

– Ха - ха - ха, – раздался общий смех, эхом перекачываясь от чаши к чаше.

– Его роза на огороде растет. Розу в борщ, а самого в суп,

вот те и соловьиные трели, – нахохлившись, прочирикал не на шутку рассерженный Воробей. Мудрая Сова, вращая огромными, слепыми днем, глазами, загадочно изрекла:

– Верблюжонок спросил: «В чем моя судьба?» – В тюках, – ответили ему. Так и эта птица. Она запоет «ку-ку», только на свой особый лад.

Кукушка прежде всего тщательно искупала своего ученика и, дав хорошенко просохнуть, разукрасила его во все цвета радуги. Внешность, по мнению Кукушки, имеет решающее значение, поэтому в этом, совершенно исключительном случае, она постаралась на славу. Серая птица неузнаваемо преобразилась: шея огненно-рыжая, грудь украсила темно-фиолетовая кружевная накидка, крылья стали отливать медью, пышный хвост дугой горел, как настоящая радуга после весеннего дождя. В ожидании будущих успехов Кукушка на краски не скупилась!

Любовно оглядев плоды своих трудов, она перешла к делам более важным: поудобнее устроилась на тахте, настроила чонгури*, и... из дупла на лесную поляну полились первые нежные аккорды... Урок вокала начался.

Кукушка: Ку-Ку;

Ученик: Ку-ку;

Кукушка: Ку-Ку;

Ученик: Ку-ку;

Кукушка: Ку-Ку; ку-ку-у-у...

Ученик: Ку-ка-ре-ку-у...

Кукушка: Возьмите - До-о-о,

Чуть выше - Ре-е-е...

Ученик: Всем нотам нота, - нота Ре-е,

Ку-ка-Ре-ку, Ку-ка-Ре-е.

Кукушка: Прошу учесть вас, сударь,

Там знатоки все судьи,

Петух: Дела со строгим жюри

Устрою я в "ажуре",

Кукушка: Не любят нас – учитите впрдь –

И в споре могут затереть.

Петух: Им обидя не спущу,

Унижений не прощу,

Коль не честным будет спор,

В ход пуцу я сицу шпор,

Закручу такой Содом, –

Пух и перья, дым столбом...

Кукушка: Страх – пустое, скромность – вздор,

Ждет нас слава, их – позор!

Выше нос, гони тоску.

Петух: Кука-ре, кука-ре-ку!

– Bravo! – воскликнула кукушка. – Срочно к делу и без проволочек, – засуетившись, затараторила она. – Я напишу объявление, а ты расклеишь их по всему лесу.

Петух галантно вырвал из своего пышного хвоста самое роскошное перо и передал его своему сияющему маэстро.

С важным видом усевшись на треногу, кукушка стала выводить текст объявления. Нога - за - ногу, с приподнятой вверх бровью, то откидываясь назад, то вновь склоняясь над берестой, она с величайшим наслаждением сочиняла текст. В местах, по ее мнению, наиболее удачных, она многозначительно прищелкивала языком.

*Грузинский музыкальный инструмент типа балалайки.

Вот, что она сочинила:

ВНИМАНИЕ!

Всем, всем, всем!

Снегилям, воробьям,

Попугаям, глухарям,

Журавлям и цаплям,

Лебедю и кряквам,

Сычу, Пеликану,

Ворону, Колибри,

Грифу великану,

Птицам всех калибров.

Честному народу –

птичьему роду!

Порази меня Кондор,

Если я замыслил вздор,

А замысел мой таков:

Мы не племя простаков!

Тем, кто был навек отвергнут,

будет Соловей низвергнут.

Хоть турнир устройю я,

Но не буду петь я,

Арию свою поет

Ученик мой – Петя!

В этом месте кукушка на минуту призадумалась. Лукаво скосив глаза, она решительно приписала:

Его величеству Орлу

Поем мы день и ночь Х УЛУ

“Ошибку” она перечеркнула и сверху надписала “Хвалу”.

Под объявлением она поставила свою подпись.

По велению петуха, куры размножили объявление, точно следуя оригиналу, и с шумом разлетелись по всему лесу.

В лесу стоял неистовый переполох от истошно квохчущих и кудахтающих кур. Куда только они не пробирались от усердия и где только они не развесили объявления о будущем состязании своего повелителя.

Под вечер обширный гарем петуха, его многочисленные наследники и наследницы, приятно возбужденные перипетиями дня, собрались вместе. Каждый из них четко знал свой шесток, и сегодня не было обычных стычек за место поближе к главе семейства. Семейный вечер проходил в атмосфере дружбы, сердечности и полного взаимопонимания. Среди жен царил согласие. Все чего-то ждали и с нетерпением взирали на владыку.

Выдержав необходимую паузу, добившись абсолютной тишины, Петух, почти ласково провозгласил:

- Сегодня мы споем. Все вместе. Это, так сказать, небольшая репетиция. Основной свой репертуар готовлю я у “Маэстро - ди - тутти Маэстро”, у Кукушки. Итак, начинаю я. Запели все, кроме скромно потупившихся молодых курочек.

Петух: *Кто сказал: “Не будет драк”, –*

Просто-напросто Чудак:

Даже голуби в бою

Бьются за любовь свою.

Молодые

петушки: *Посмотреть хороший бой*

Не откажется любой:

В кровь разодран хохолок,

Вьется пестрых перьев клоч!

Петух: *Поколотят, изувечат – не беда,*

Терпит рыцарь пораженья иногда,

И пусть в аржар угрожает. Я не буду уstraшен.

Кто десятию стращает, будет шуйц ей сокрушен!

Петух (обращаясь к петушкам):

Если с поля недостойно ты удрал,

Знай: гарем твой тот, со шпорами, забрал,

Всех хохлаток и пеструшек он увел

Потому, что бой с умением повел.

Петушки: *Чтоб в бою не растеряться,*

Постоянно нужно драться.

К черту слезы, тьфу на мир,

Эй, кто дерзок - на турнир!

Петух (обращаясь к курам):

Всех к себе красоток завлеку,

Женам вольность не прощу, я начеку,-

В тех гаремах лишь наложницы скромны,

У которых обладатели сильны!

Куры (лукаво, с некоторой обидой):

Ситу ценим - это точно,

Повелитель наш восточный,

Только мы не виноваты,-

Твои ласки грубоваты...

Петух (с некоторым раздражением):

Знаю, слышал эти басни.

Чуть размяк, – и сразу шаини?

Погоди-тко, милый брат, –

Я привык все силой брать!

Кто не даром – бравый мальц, –

Носит гордо гребень алыц.

Куры (в замешательстве):

Да-да-да! Да-да-да!

Прав ты милый, как всегда.

Все вместе:

Без тебя нам всем беда,-

И ни туда, и ни сюда...

Над лесом, в полночной тиши, раскатисто прогремело мощное петушиное “Ку-ка-ре-ку”.

* * *

Стремительно распространилось в птичьем мире известие о турнире. С первыми лучами солнца высоко в небе зазвенела звонкая песня Жаворонка. Он пел гимн весне, труду, началу обновления всей земли. Этот несравненный виртуоз, знаток более тысячи мелодий, прижавшись к самому синему небу, посыпал на землю своему брату Соловью искренние заверения в братских чувствах и поэтической преданности. Он пел об их вечной дружбе и о том, что не одинок Соловей в эти трудные для него дни, что рядом с ним его верные друзья - единомышленники. Действительно: в небе звенел небывалый хор. Откуда только ни слетелись сюда жаворонки: из Австралии и Америки, Европы, Азии и Китая. Из бескрайних степей Казахстана прилетел сюда черный Жаворонок. Не остались безучастными к судьбе Соловья известные домоседы - хохлатые Жаворонки Украины и Белоруссии... Звенела необыкновенная симфония в исполнении восьмидесяти непревзойденных виртуозов, придавая затаившемуся в кустах Соловью силы, вселяя в него

уверенность и спокойствие.

Величественная симфония закончилась. У Соловья прошел первый испуг от ошеломляющего известия о нелепом состязании с Петухом. Он стал спокойнее обдумывать положение дел и искать выход из создавшегося положения.

Вдруг небо потемнело: это тысячи ворон со всего света потянулись к месту будущего состязания в расчете на то, что можно будет не плохо погулять на званном ужине в честь победителя. Ужин в таких случаях, по - обыкновению, закатывал владыка Орел.

Все на земле сжалось от мрака вороньих крыльев, попрятались пичужки, напуганные их зловещим карканьем. Одна нахальная серая Ворона, слетев к гнезду Соловья поглазеть на участника турнира, завела сама с собой пьяный разговор:

*Уж по мне, что эта птичка-
Сладкозвучная милашка,
Что хвастливый горлодер-
Рыжехвостый гренадер,
Рвущийся на состязанье
С непонятым притязанием.
На обоих наплевать;
Было б только поклевать,
Выпить вдоволь на пирушке,
А потом и заварушку заварить,
Жуткий страх
На этих птах
Напустить...
Тайной клятвы не нарушим,
Все сожжем и все разрушим:
В ярком пламени сгорят
И дворцы, и терема-
То-то будет кутерьма!
В дикой свалке, между прочим,
Выклюем Орлу мы очи,
Нам достанется корона,
И на трон взойдет Ворона.*



Боком, боком, вприпрыжку, жутко косясь оком, тяжело поскакала Ворона и, взлетев, понеслась в догонку стае...

Соловей переживал сложные чувства. С одной стороны, его сердце наполняла радость при виде поддержки друзей, с другой стороны, его очень заботило то, что он почерпнул из пьяной болтовни Вороны.

Придя в себя, он напрямик направился к победителю недавнего фестиваля певцов, к новому обладателю почетного звания Мгосани, чтобы вместе с ним разрешить так неожиданно возникшие перед соловьями проблемы.

* * *

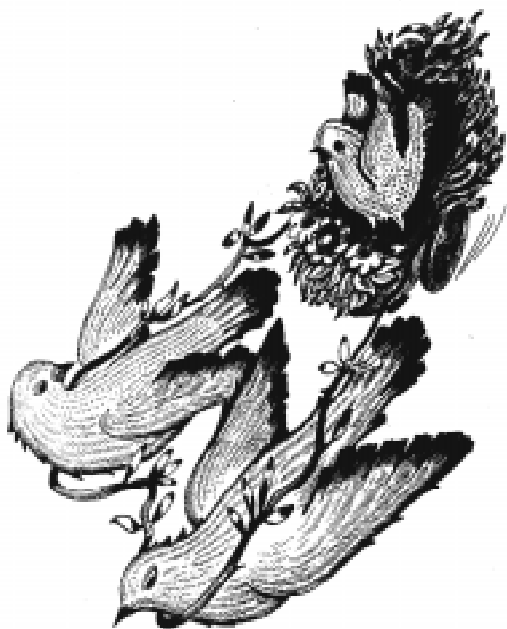
Нежный супруг и заботливый семьянин, Мгосани, осторожно покачивал Аквани, своего первенца. Согретый необычайным теплом улыбок, блуждающих на личике спящего малютки, умиротворенный семейным уютом и покоем, созданным в их гнездышке его молодою супругою, Мгосани размечтался... Он вспомнил удивительный сон своего счастливого, безоблачного детства. Только сейчас, с особенной четкостью, он осознал, что его сон, такой далекий и такой таинственный, имеет прямое отношение к его сегодняшнему счастью, касается не только его самого и его супруги, но и этого маленького крошки, который, быть может, именно сейчас видит свой собственный сон-сказку, улыбаясь разворачивающимся в нем событиям.

Весь переполненный чувствами к своей супруге, Мгосани безмолвно поманил ее к себе. Вместе склонились они над колыбелькой - вечным символом их нерушимого союза и взаимной верности...

-Знаешь, я уже видел вот это - свое счастье - в детстве, во сне..., - тихо шепнул Мгосани своей супруге. -Я вспоминаю этот дивный сон. Послушай, как это было...

Мчит, несет меня в чистом поле колесница. Кругом, сквозь хлопья голубого тумана, стараясь обогнать нас, мчат другие колесницы. С детской наивностью, изо всех сил кричу: "Моя мама - самая красивая! Мой папа - самый смелый и самый сильный!"... От каждого крика моего, как от удара кнута, еще быстрее мчит колесница, запряженная моими родителями. Кругом гик, свист и улюлюканье... Обливающиеся потом, папы и мамы пытаются вывести вперед свою колесницу со своими птенцами. По пути мы обгоняем неуклюжие брички, тяжелые повозки, двуколки... Стремительно проносимся мимо тяжело увязших арб, упрямо выпягиваемых одинокими мамами. Неистовство, безумие и какой-то страх царили кругом. В страхе уступая дорогу стремительным колесницам, иные упряжки переворачивались, иные застревали за дорогой. А над всем этим кружило черное воронье вырывающее малюток у надорвавшихся, выбившихся из последних сил родителей... От каждого рывка вожжей, которыми незаметно для себя я стал управлять, сильнее набухали жилы моих родителей, и видел я, как на моих глазах старели они, становились все прозрачнее и призрачнее. Затем исчезли, испарились, превратились в голубой туман... А колесница моя несется дальше, ничуть не убавляя свой безудержный бег. Это я занял место отца своего и мчу колесницу с молодым задором и тщеславием, одним своим видом расчищая себе дорогу. Рядом со мною, нога в ногу, бежит какая-то улыбающаяся мне красавица. Вдруг за спиной у нас раздалось такое обворожительное "АГУ", что

мы еще шире улыбнулись друг другу, еще более ускорили свой и без того ошеломляющий бег. В наши улыбающиеся уста безболезненно, но настойчиво, протиснулись золотые удила. Мы уже не могли сомкнуть губ наших... Так и осталась у нас на лицах вечная улыбка. И вот, как на крыльях, понесли мы колесницу, уже управляемую вожжами. От вожжей исходило какое-то необыкновенное тепло... Пахли они детскими ручонками, а на губах наших чувствовался сладкий вкус нежного детского поцелуя.



Мы друг другу все улыбались и улыбались, мчались, как вихрь, и ни догнать нас, ни перегнать было невозможно. Откуда силы брались у нас - не знаю, только, чем увереннее и сильнее натягивались вожжи, тем настойчивее мы пытались взвинтить темп. Вдруг я почувствовал, что выбился из сил и только усилием воли поддерживаю этот ужасающе дикий бег. Мы задыхались, а улыбки наши, вначале такие восторженные, превратились в горестные гримасы.

... Взглянул я на свою подружку и ...

Рядом со мною вспорхнула ее прозрачная тень и превратилась в голубой туман. Выгнув руки вслед голубому облачку и я растворился в нем... А мимо нас промчалась колесница наша, мощно увлекаемая вперед нашим юным сыном.

— О! Как это прекрасно! - воскликнула прелестная подружка Мгосани, прильнула к нему, нежно обняла и жарко прошептала ему на ухо: — Ты мой Голубой Дурман...

... Куст розы слегка покачнулся. Это прилетел седой вождь соловьиного племени. Извинившись за потревоженный покой, седовласый старец по-деловому коротко пересказал молодому другу суть дела.

— Все наше племя надеется сейчас только на тебя, — сказал в заключение седой мудрец.

— А стоит ли вообще связываться с ними? — неуверенно возразил молодой поэт, — ведь всем известно кто есть кто. Мы можем только унижить себя в подобном состязании.

— Нет, — твердо ответил вождь. — Слишком много шума наделала вся эта история, и, если для многих ясно, что это не что иное, как злопыхательство, то очень и очень многих

разбирает праздное любопытство. Им не терпится потешиться над чужой свалкой и совершенно безразлично при этом, кто прав, а кто виноват. Они потребуют состязания, и, откажись мы от него, нас освищут. И, тем не менее, не это самое страшное. Страшное то, что рядом с нами лицемерно затаилось много недругов наших, которым, ох, как хочется нашего позора. Их коварству нет предела — они будут плести интриги против нас. Им наплевать, что в случае нашего поражения ночную прохладу весеннего сада будет раздражать петушинный рев, и, что увянут от этого все цветы на земле. Они считают так: злобу вымести, а там — хоть трава не расти! Главное для них, это то, что будет утолено их тайное чувство мести, родившееся не по нашей вине, а просто из зависти, зависти черной и неблагородной. Уши завистливых непривередливы. Они с удовольствием смакуют сплетню и далее сами распространяют наговор. Те, кто просто сочувствуют нам, в случае нашего поражения, забудут нас, вернее, их заставят забыть нас. Друзья же наши, искренние почитатели, будут изгнаны вместе с нами... Несчастные, они и солнце будут видеть в черном свете.

— Но ведь у нас есть справедливый Орел, — с надеждой откликнулся Мгосани.

— Орел... В его жизни мы — всего лишь эпизод. Он любит нас во время своих пышных кутежей. И он не столько смыслит в поэзии или, скажем, не столько упивается песней, как ценит нас как средство. Сложно, очень сложно устроен его “Дарбази”*, ибо он — Владыка и не может ограничиться чем-то одним. Непокорного и сильного врага он валит с ног с помощью змеи. Змей он бьет с помощью птицы Секретаря... Далеко, очень далеко простирается его всемогущая карающая длань. Павшая жертва даже не заподозрит приговор, вынесенный ему Орлом, а совершивший покушение палач, умело направляемый Орлом через десятки и сотни подставных разномастных птиц, искренне поклянется, что он всего лишь исполнитель воли Бога... Карканье Ворона над поверженным врагом для нашего владыки приятнее самых сладостных звуков. Нередко потчует он их подобно трапезою. Случается, однако, что и воронье наседает на ослабевшего от ран Орла... Так устроен птичий мир, и нет ничего более опасного, чем затевать тяжбу, ибо исход никогда не предскажем. Только наивные могут тешить себя заранее, а мы должны подготовиться к этому состязанию с чувством большой ответственности и не должны забывать при этом, что совершенно не ясен исход этой борьбы...

— Что мы возьмем в качестве нашего основного репертуара — спросил, став совершенно серьезным, молодой поэт.

— Я позабочусь о либретто, а ты напишешь музыку, — предложил седой вождь.

— Сейчас же мы просто отрепетируем твою партию с прошедшего весеннего фестиваля.

В наступивших сумерках прозвучала изумительная фестивальная песня Соловья:

*Любовь — добра единственная мера,
Бессмертных дел пленительная сфера,
О ней ночами напролет пою,
Страдая, слезы счастья лью...*

* Дарбази - Дума, Совет.

Любовь – одна на свете вечна,
 А зло, известно, быстротечно,
 Каким бы тяжким не было страданье.
 ... Милых влюбленных в старинном преданы.
 Злая ведьма жертвой избрала.
 Подняв забрало,
 Черным вихрем налетела,
 Закружила, завертела ...
 Парня вихорь треплет, бьет
 Так, что кажется убьет,
 Вот-вот судьба его решится,
 Но Миджнур** наши не страшится:
 Голову поднявши гордо,
 На ногах стоит он твердо.
 Деву, милую свою,
 Ограждая от беды,
 Крепко жмет к своей груди.
 Исступленно ведьма бьется.
 Ураганым смерчем вьется,
 Градом сыплются проклятья .
 Да, крепки любви объятия!
 Извиваясь в злобной корче,
 Ведьма напустила порчу.
 (Безотказен метод старый:
 Силу губят злые чары).
 Заклубившись, как туман,
 Колдовской хмельной дурман
 Вмиг лишил Миджнура сил
 И колени подкосил...
 Витязь рухнул, как утес
 Вихорь деву вмиг унес,
 Унес ее вдаль, через горы, холмы;
 Туда, где извечны владения тьмы;
 Следом ведьма тут как тут,
 Гномы деву в грот ведут.
 Чинно выстроившись в ряд,
 Колдовской вершат обряд:
 Солнце – Деву усыпили
 И студеною полили
 Колдовской водой с ключа...
 Дева гаснет, как свеча,
 Хор таинственный поет,
 Превращая воду в лед...
 В глыбу льда заточена,
 Хладно светится Луна.
 Чтоб сделать заклинанье неприступным,
 Коварная решилась на преступность
 И потому, не торопясь закончить дело
 Припомнила, что как-то подглядела
 Творца взволнованного шибко,
 Какою-то серьезною ошибкой,
 Творец стенал: “О, Ева, Ева!
 Зачем запретный плод вкусила с древа?!!”
 И ведьма поняла, какое наслажденье
 Вкушает дьявол: грехопаденье
 Он подстроил Еве,
 Змеей повиснув на запретном древе.

**Миджнур-Влюбленный

Вообще творец не грехопаденьем был смущен,
 Ошибкою своей был возмущен;
 И свой просчет исправить помышляя,
 Он так, примерно, размышлял:
 ”– Искуситель, – дьявол грозный, –
 Тароват на злые козни,
 Ад, по-видимому, – вздор,
 Благодушие для лукавого – простор,
 Он на хитрости востер...”
 Бог подобным рассужденьем
 Принял мудрое решение:
 Все подвластно искушенью...
 Неприступно будь бы древо,
 Непорочной была б Ева.
 Ей всевышний в назиданье
 Создал дивное создание:
 Несравненной красоты,
 Безупречной чистоты,
 Непорочной, нежной-нежной,
 Создал розу. Белоснежна,
 Целомудренна, чиста
 Девы божьей красота.
 Зная ж свойства злого рока,
 Огражденьем от порока,
 Сотворил ей грозный щит -
 Бессердечно острый шип.
 Всех, кто падок на соблазны,
 Страж пугает безобразный:
 Искушенье и соблазн
 Обуздает только казнь!
 ...Вспомнив божий этот план
 Ведьма в нем нашла изъян,
 И того изъяна знанье
 Стало сутью заклинанья:
 “Этот перстень ледяной,
 Смирно спящей в нем луной,
 Алых роз растопит жар,
 Колдовских развеяв чар”.
 В этом был секрет немалый:
 Роза не могла быть алой...
 Так всевышний повелел
 При земных устройстве дел.
 ...Неприступно, как твердыня,
 Зло, прикрытое святыей...
 Вот такие-то дела -
 Ведьма Бога “провела”...
 И все же зло - бессильная химера!
 Вот к тому вам славные примеры:
 Мир спасли от произвола
 Дадияни* и Сцевола,**
 Должна особо быть воспета
 Супруга римлянина Пэта,
 Ее святое “Non dolet”
 Будет славно сотни лет!..
 Матэ Мзведли*** – духом тверд,

* Грузинский Герой

** Римский Герой

*** Грузинский Герой

Столицу спас и спас народ...
 Добрым делом одержим,
 Род людской НЕПОСТИЖИМ!!!...
 Эта истина – стара,
 Нам продолжить песнь пора.
 ...Витязь медленно пришел в сознание.
 Узнав о заклинанье,
 Надеждой воспыхал Миджнур великодушный
 И к Розе обратился просто душно.
 О боли, что с разлукою изведал,
 Он пылко обо всем поведал
 Холодной белоснежной розе,
 Застывшей в безучастной позе.
 Был шелест лепестков ее невнятен,
 Зато вполне был смысл понятен.
 Напрасно к ней взывая, заламывал он руки
 Она была глуха к его глубоким мукам.
 С тех пор Миджнур искал повсюду
 Того, кто совершил бы чудо.
 Скитальцем странствующим он обошел весь свет,
 Но не нашелся маг, кто заменил бы цвет
 Холодной белоснежной розы
 На цвет бушующей любовной грезы -
 Страсти .
 Твердили все: "...То выше нашей власти,
 Кудесника ли, мага, волшебника любого...
 То лишь во власти Бога!"
 Тогда чудо свершить попытался он сам,
 Молитву жаркую вознес он к небесам,
 В молитве боль,
 Упреки,
 Слезы,
 Горячая мольба
 И стон любовной грезы.
 Но чуда нет, - как будто боги мертвы,-
 Богам угодны жертвы!
 Печальный вздох, последнее стенанье -
 Миджнур упал и потерял сознание,
 От жалости Роза слегка побледнела,
 Но шепчет упрямо: "Какое мне дело?"
 В невинной белизне своей замкнулась
 И от Миджнура отвернулась.
 ...Вдруг, будто кто-то запустил пращу,
 Кишам стремительно метнулся мой пращур.
 Одним ударом,
 Как кинжалом,
 Грудь свою пронзил он жалом...
 Кровь сочилась по шипу,
 Густо капала,
 Луна за облаком
 От боли тихо плакала,
 Слез росинки
 По лучам
 В траву летели,
 Словно арфа,
 Серебром
 Лучи звенели.
 Соловей,
 К шипу прижавшись,

трепетал,
 Розы щедро алой струйкой поливал.
 Обоженный
 Струйкой крови,
 Издав стон,
 Розан снова
 Лепестки сложил в бутон.
 Капли крови,
 Не окрасив лала роз,
 Как горошины,
 Летели в землю
 Врозь...
 Вот уж последняя
 Капля
 Сочится,
 И стал
 Соловей
 Перед смертью
 Молиться:
 – О Боже!
 Не дай
 Умереть мне напрасно -
 Зря жизнь прожить
 Ведь ужасно?
 Ужасно...
 Хочу завершить
 Свою Жизнь я
 Прекрасно...
 Позволь мне
 В пламени бессмертия
 Сгореть
 И за Миджнура
 Умереть.
 Чужому горю
 Искренне скорбя,
 Я в жертву
 Приношу себя...
 Вот только розы
 Белые
 Капризные,
 Пока я жив,
 Открой им тайны жизни.
 Услышь, о, Боже,
 Мой последний глас,
 Чтоб кровь моя не даром пролилась...
 Молитву закончил
 Тихий, жалобный стон.
 ...Последняя капля
 Упала в бутон...
 Чудо свершилось!
 Роза раскрылась,
 Заалела и зарделась,
 Алым пламенем горя,
 Словно вешняя заря!
 Розы
 одна за другою
 Зарделись,
 Вспыхнув
 Как факел

В ночи разгорелись.
Миджнур,
Презирая
Шипов жгучий пикет,
Спешил,
Собирая
волшебный букет.
Безжалостно
Жала
Терзали
Ладони,
(Миджнур торопился
В страхе погони).
И вот
Он прошел
Через горы,
Холмы
Туда, где извечны
Владения тьмы.
Здесь
Дева
Почила
Во власти мороза...
Алая роза
Только глыбы коснулась -
Лед испарился,
И Дева проснулась.
...Дева устало на ложе привстала,
Сочные губы цвета коралла,
Коралл, чуть раздвинувшись, жемчуг открыл,
Ясной улыбкой мир озарил,
А к ножкам точеным, босым
Тугие метнулись косы!
Шея высокая у ясноокой _ страстный порыв.
Очи синие _ необозримого моря разлив,
А бровей излом -
Молния и гром!
Плечи и руки - струи молочные,
Гибкость и стан - танцовщицы восточной.
А походка и стать -
Богине подстать!
В ее, как мечта, голубые глаза
Глянув, стыдливо молчит бирюза,
А ресниц опахала - черный гранит,
Были согреты зарею ланит!
Мрак отступил,
Отступило ненастье -
К людям вернулись
И радость и счастье!
...Мой предок
В прошлом
Вправду
Пролил
Кровь!
Кровь эта
Миру
Верность
Подарила
И любовь.

И знаю я, что в брэнной сей юдоли
Нам, соловьям, божественная доля -
Украсть жизнь, сейчас и впредь,
И быть готовым умереть
Бескорыстно за дружбу и любовь -
Дарована на веки от Богов!
Известно испокон веков:
Такое счастье лишь искренним дается...
И жизнь, и смерть нам удается!
Это не вздор, поверьте, и не гонор,
Я – ЖРЕЦ, Любви, я – Жизни ДОНОР!

* * *

На огромной лесной поляне, под могучим раскидистым дубом устроена была сцена. Вокруг нее широким амфитеатром со множеством рядов стояли бревенчатые стулья. С одной стороны сцены, увитой цветами, располагалась ложа членов жюри. С другой стороны была ложа царя – царей всех птиц – Орла.

Со всего света слетелись птицы: друзья, родственники, знакомые, праздные наблюдатели и... Было создано жюри. Председателем назначили Малиновку. На месте были и будущие участники состязания - Кукушка со своим гордо выступающим учеником и седовласый Соловей с молодым другом Мгосани. Вокруг них толпились любопытные, с интересом разглядывали их и о чем-то тихо перешептывались между собой.

Раздвинув плотное кольцо любопытных, члены жюри подошли к соперничающим птицам, чтобы задать несколько вопросов.

– Скажите, пожалуйста, Почему Вы решили выступить в столь странном состязании? На наш взгляд Вы ничего дурного не совершили, – обратилась Малиновка к соловьям с вопросом.

Мы, смертные, требуем от других хороших поступков, тычем в чужие уродства и уходим из жизни с разочарованием только потому, что прежде всего глубоко ошибаемся в себе. Ошибка эта, с одной стороны, причина всех разрушений и бед, и в этом ее отрицательное значение. С другой стороны, она определяет весь поступательный ход истории, и в этом ее положительное значение. Вот почему мы сочли обязательным принять вызов. От борьбы не отказываются, ибо она неизбежна для тех, кто хочет жить, – ответил седовласый Соловей.

– А что Вы можете сказать по этому поводу? - спросила Кукушку Малиновка.

– Действительно, это так. Все мы пишем местоимение Я с большой буквы. Однако, если это “Я” для многих не что иное, как синтаксическая привилегия, то в жизни лишь немногим удастся скрыть в ней свое действительно масштабное достоинство, – с необычайной напыщенностью важно ответила Кукушка.

– Почему, в таком случае, Вы сами затеяли это состязание? Чтобы отказаться от него, неужто недостаточно множества разбитых Вами материнских сердец, горьких слез, пролитых ими по своим малюткам?

– Мать за свое дитя прячется чаще, чем наоборот, – ответила Кукушка, – и заметьте себе, что, если в одном случае, _ это наивная реакция самозащиты, вызывающая в нас

улыбку умиления и чувство прощения к маленькому проказнику, то в другом случае, – это сознательная акция агрессии или лицемерное алиби взрослого, вызывающее в нас озлобление, которое мы никогда не забываем, никогда не прощаем из-за бессовестной эксплуатации святости детей. Соловьи наглухо закрыли двери своих гнезд для наших малюток – Кукушат... Согласитесь же, что это бессердечно. Бессердечно и жестоко именно от тех, кто так много способен сказать о любви. Сколько раз я с горечью чувствовал цену искренней любви, находимой мною в соловьиных гнездах... Если такая любовь вблизи вас, то это большое утешение в горестях жизни. Если она вдалеке, то это вдохновение уму и прибежище мысли.

– Любовь! – Восторженно прошептала Малиновка и задумалась, затем, встрепенувшись от охвативших ее мыслей, она обратилась к Мгосани.

– Скажите, пожалуйста, что такое любовь?

– Любовь – это общность целей и дееспособность в отношении. Чем больше обеспеченных общих целей, тем глубже любовь и наоборот.

– А существует ли любовь в чистом виде? – вновь задала вопрос Малиновка.

– Чистая любовь бывает в неуловимый переходный период между отрочеством и юностью.

– Поясните, пожалуйста, мысль, – вновь последовал вопрос Малиновки.

– Переход от невежественной наивности, знающей цель, но не способной к действию в достижении этой цели в отроческом возрасте, – к юношескому возрасту, выбирающему цель, сообразно своим возможностям, характеризуется единственной, естественной дееспособной целью – ЛЮБОВЬЮ. Именно в этот переходный период это чувство имеет самые нежные, самые тонкие, самые глубокие и поэтические проявления. Это и есть любовь в чистом виде, ее, так сказать, голубой кристалл. Все остальное очаг, дети, верность и взаимопонимание – обрамление. Достойное обрамление еще более подчеркивает магическую прелесть кристалла и как жаль, что, порой, недостойное обрамление уродует первозданную прелесть кристалла...

– Каково Ваше мнение по данному вопросу? – был задан вопрос Петуху.

– Я лишь частично разделяю мнение Соловья. В переходный период между отрочеством и юностью все движения души еще искренни, и очень трудно понять, что осмотрительность, то есть искусство обнаруживать лишь часть своей жизни, своих мыслей, чувств и впечатлений, составляет главное достоинство личности.

– Что Вы хотите этим сказать? – раздался вопрос одного из членов жюри.

С горячим сердцем и огнем в крови нам удастся сохранить холодный ум, ибо мы предпочитаем более просвещенные и цивилизованные нравы, которые Вы, к сожалению, осмеиваете с преступной циничностью.

– Возможно, Вы правы, – был ему ответ, – только нам кажется, что нельзя говорить о любви там, где даже попросту упоминается слово “гарем”.

– Почему же? – вспыхнув, ответил Петух. – Вот Вы сами, например, разве Вы не предпочитаете пышный букет одинокому цветку? Гарем!.. Да Вы понимаете, что это

такое?!.. Одна жена – один цветок, и, как его не крути, букета из него не сделаешь. Один есть один, а Гарем – это удивительный ансамбль. Очень много умения, энергии и сил, а главное, мужества необходимо для того, чтобы создать такой исключительно неповторимый букет. Итак, как видите, умение создавать такие ансамбли – букеты, это Вам не Ана-Бана*, а искусство ИКЭБАНА!

Наконец, каждого участника турнира попросили ответить на три одинаковых вопроса:

– Как Вы понимаете Молодость? Зрелость? Старость?

Соловьи ответили так:

– Молодость – это мечты и грезы;

– Зрелость – это высшее интеллектуальное наслаждение полнотой собственного Я;

– Старость – это ясность в понимании жизни, и потому это – заботы, заботы и труд во имя утверждения добра и отрицания зла.

Ответы Петуха были настолько же неожиданными, насколько и своеобразными:

Молодость это воспитание духа и укрепление тела;

– Зрелость – это бесконечные громкие турниры и славные победы;

– Нам стареть не дано, ибо герои свою смертью не умирают.

Члены жюри выразили им свою благодарность и, пожелав успехов в состязании, удалились в свою ложу.

Многотысячная птичья аудитория замерла, когда на сцену вышел Павлин с широко распушенным красочным хвостом.

Жутким голосом он провозгласил:

– Внимание! Начинаем состязание, на сцену приглашается Петух! Прошу.

Аудитория встретила выход Петуха сдержанным гулом, только куры, по праву домочадцев захватившие первые ряды партера, неистово хлопали крыльями, истошно кудахтали, выражая безграничный восторг и восхищение своему повелителю.

Наконец куры утомонились, и Петух запел под аккомпанемент Чонгури. Пел он очень уверенно и весьма убедительно:

В краю волшебном, на Востоке,

Где всех наук лежат истоки,

Там, где искусств происхождение,

О соловьях бытует заблуждение:

Мол, если Соловей такой певец искусный,

То, значит, и язык имеет очень вкусный...

По всем садам Востока их ловили,

И повара искусные кормили

Раджей, султанов, шахов, беев

(обед такой не для плееев).

Для блюда нужно их не меньше тыщи,

Но что-то странной получалась пища -

Нет вкуса в ней ну ни на йоту,

Да не уймешь потом икоту;

К тому же, если переест немного -

Измучит Вас ужасная изжога.

...Однажды Шах, как полуночный мим,

В сад ускользнул, изжогаю томим,

И там услышал он чарующие трели

Живого Соловья

(Варенье - в его желудке прели)!
 – Как сладостно один язык поет,
 А сколько их во мне?! И что это дает?!
 Меж съеденным с поющим нет никакого сходства –
 Живому соловью даю я превосходство.
 ... Тут из кустов вспорхнула птаха,
 Не в меру чувственного шаха
 Эта бессовестная птичка
 Нравоученьями насильно стала пичкать:
 – Как можно, Шах, это ж грешно
 Мясное есть и пить вино,
 впадать в азарт, иметь наложниц,
 И развращать невинных скромниц...
 Тебе нужна занятий смена -
 Иначе ждет тебя Геенна!
 Ты блудил, пьешь, не зная меры,
 В стране ж с тебя берут примеры,
 И в прошлом мощная держава
 Сейчас лишь пьяная орава.
 В стране утеряна мораль...
 И плел, и плел такое этот враль,
 Что мне всего и не сказать...
 Ему давно пора бы перестать,
 А он без устали свою шарманку крутит
 И все сильнее воду мутит:
 – Любезный Шах, мой милый друг!
 Сей разорви порочный круг.
 Ты должен срочно, повсеместно
 Восстановить законность, честность!
 Чтоб беззакония пресечь, -
 Виновных нужно жестко сечь
 И утверждать во всем мораль
 (Я ж говорил – отменный враль)!
 Обильных доводов подействовал дурман...
 Смотрю, мой Шах – изысканный гурман,
 Ценитель соловьиных языков -
 Готов!
 Любитель наслаждений, пьянства -
 Покорный раб вегетарианства...
 Он пресною петрушкой хрустит,
 По Хванчкара* волибному грустит,
 Да наяву бедняге мнится
 Ортачальская** девица...
 Вздохнув тоскливо так, несмело,
 Шах возопил с тоской щемящей:
 – Найди моим занятьям смену,
 Не то, гляди, – сыграю в ящик!..
 – Тебе, Владыка, не по чину
 Тоска зеленая, кручина
 И коль тебе такое претит –
 Снимаю со всего запреты.
 Ты можешь выпить дивный Гречи***
 И позабавиться в Гареме
 Мы ж умастим твой дух мятежный,
 Весной зальемся песней нежной...,

* Груз. вино

** Картина Пиросмани

*** Груз. коньяк

– твой обласкаем Шахский слух,
 Ана мясное
 Пойдет откормленный... Петух.
 (Раз Соловей певец отменный,
 Выходит я, Петух, - никчемный?!)
 И вот
 Петух идет на эшафот!
 Всю пылкость сердца,
 Силу шпор,
 И весь свой огненный убор
 За языки презренной птахи,
 Не затевая лишней спор,
 Принес на плаху
 Под



Топор...
 О! Если вдруг у Вас
 В саду захватит дух
 От лицемерных соловьиных трелей,
 То, значит, где-то не споет Петух -
 Его на ужин люди съели...
 За то, что тишину лесов
 Лай не тревожит гончих псов;
 За то, что на току, как встарь,
 В любовной пляске носится Глухарь;
 За то, что Горлица воркует,
 Кукушка по весне кукует,
 За то, что в небе Журавель парит -
 Всем надо КУР благодарить!
 ... Охотники про дичь забыли,
 Наевшись вдоволь чахохбили...****

Петух закончил выступление. Зал притаился, замер и вдруг взорвался страстями. Трудно передать, что в зале творилось. Мнения разделились...

– Бис!..

– Браво!..

*** Груз. блюдо из курятины

- *Со сцены долой!..*
- *Недурно, право...*
- *Пойдем-ка лучше домой.*
- *А что Орел?*
- *Потише, Осел!*

Орел не славен речами, он только сверкнул очами.
Зал замер...

- Продолжайте экзамен.
- Тут же было объявлено выступление соловьев.

На сцену вышли двое, седовласый Соловей и его молодой друг - Мгосани. Низко поклонившись публике, они приготовились петь.

– Ну и заморыш!.. Разве это кавалер? - презрительно зашушукались куры.

...Вот тут, читатель этой сказки прекрасной, подлинных песен ждешь ты напрасно. Чтоб описать о чем соловьи там пели... мне нужен язык и мастерство Руставели, я же и так утомил вас изрядно, а все потому, что сказитель я заурядный...

Звук этих песен в моих ушах до сих пор не утих. Признаться, прошел с тех пор не так уж и большой срок, но мой бедный язык не способен повторить тех волшебных строк. К сожалению, не сохранилось и партитуры, поэтому я позволю себе передать своими словами все, что слышал в природе, лишь кое-где невинный штрих мой украсит белый стих.

Песня седовласого Соловья:

Кто видел в клетке соловья?! Любитель он свободы. Любовь в оковы не возьмешь!.. Хотя и обширен птичий двор - все ж обнесен оградой... Иной хвастливый Властелин в нем кичится свободой. Не то, чтобы друзей в несчастье поддержать, утешить, разорвать оковы, – он сам готов их растерзать, глаз выклевать и утвердиться Богом. Любовь еще нигде не покорялась силе, она насилью – грозный бастион, и лишь она одна – надежда миру – сберечь покой и сладкий сон птенцов. Свободу любящий герой, он гимны ей поет и без раздумья жертвует собой...

В гареме похоть, нету там любви. Не верите? Спросите у наложниц. Им хочется испить нектар любви, но нет его – один всех не напоит. Как бы прекрасна ни была наложница, она всего лишь рабски вам верна. Искать любовь в гареме?! Тщетно! Наложниц сердце – безответно!

Песня Мгосани:

У настоящей любви три времени дня. Для двух сердец любовь – заря. Любви волшебство предвещая, солнце утро озаряет, горит в хрустальных капельках росы. Начало любви - прекрасней утренней зари. Начало любви - это особый восход солнца, это особое синее небо и это особые теплые, золотистые лучи, нежные и многообещающие. Прекрасно утро Любви... А любовь, как солнце, в зенит поднимается, пламенеет, накаляется и вступает во все свои прекрасные права. Неповторимы ощущения ясного полудня...

Солнце знойное и жгучее, ласкает и нежит и не терпит лжи. Ложь, как грозная туча, заволакивает ясное небо влюбленных, и чем больше фальши, тем страшнее раскаты грома, лишаящие влюбленных покоя, света и

тепла... Пусть не думают, что, достигнув зенита, любовь проходит. Обилие нежных чувств не переходит в равнодушие. Нет. Ведь солнце с небосклона не сорвешь! Оно само спокойно ляжет к горизонту. О! Как красив закат... Нет большей в мире красоты. Он как итог всего долгого и прекрасного дня. В нем есть свое неповторимое очарование. Закат багряно светит для двоих... Любовь только изменила краски и жар двух преданных, навеки влюбленных сердец и... снова мечты и новые надежды и первая печальная слеза, первая седая грусть... Величествен закат... и пусть, пусть погаснет он, чтобы с восходом новым вновь зажечь у юности зарницу любовь.

Огромная поляна словно взорвалась от оваций. Даже ОРЕЛ стоя рукоплескал истинным мастерам. Орел вскоре удалился, чтобы отдать необходимые распоряжения.

...Кукушка окончательно была развенчана. По приказу Орла ей поручили самую черную работу в лесу: она очищает лес от мохнатых гусениц, которых кроме нее никто не трогает.

Петух вообще был изгнан из лесного царства. – недаром говорится, что “задира Коршун кончит на насесте!” Вот только люди - непонятно почему - приютили Петуха. Приютили и даже назвали божьей птицей... Говорят, что в полуночном его крике людям слышится: “Петр отрекся... Петр отрекся... Петр отрекся”, а в предутренних криках молодых петушков людям чудится: “Раскаялся... Раскаялся”.

Лесную поляну срочно приспособили под банкетный зал. Был накрыт праздничный стол, обильно уставленный разными яствами и, конечно же, было изобилие вина. Вино было наилучшее – Киндзмараули!

Гости нетерпеливо слонялись поодаль. Им не терпелось приступить к пиршеству. Однако не было видно Орла, а без него, естественно, никто не смел даже заикнуться о своем нетерпении.

Орел в это время, в торжественной обстановке, в кругу своих приближенных принимал победителей и вел с ними беседу.

– Мы получили большое удовлетворение, слушая вас, – говорил Орел Соловью. Надеюсь, вы украсите наше общество за вечерним празднеством?

– Я весьма признателен Вам, Ваше величество, за оказываемую мне честь, но боюсь, что если Вы не примите определенных мер, то торжественный вечер может завершиться весьма трагично.

Орел грозно сверкнул глазами. Присутствующие в страхе замерли.

– Что вы имеете в виду? – стальным голосом спросил царь царей.

Мгосани, ничего не скрывая и ни от кого не таясь, поведал царю царей о заговоре ворон.

Орел по-особенному глянул на своего военачальника – ясного Сокола, и тот, понимая кивнув, стремительно вылетел из царского дворца. Орел обратился к Соловью:

– Вы можете не волноваться, вам будет выделена особая охрана. Ни одно перышко не упадет с вашей

головы.

– Говорить правду, прося о защите, и гнусно, и трусливо. Настоящий герой тот, кто говорит о ней без страха и сожаления, и если при этом он твердо знает на что идет, – спокойно ответил Мгосани.

Сокол Сапсан, первый визирь Орла, склонился к своему удивленному повелителю и тихо прошептал:

– Ваше величество, не мешайте ему... Правдолюбец - это амплуа. Амплуа опасное, но почетное для честолюбивого правдолюбца.

– В таком случае я позволю себе предложить вам памятный подарок, – миролюбиво предложил грозный государь своему странному подданному.

– Прошу меня извинить, Ваша честь, но подарок по данному случаю означал бы плату, которая сделает из меня грязного предателя, – с восхитительным достоинством ответил Мгосани. Мне же достаточно счастливого чувства, которое я испытываю от того, что предотвратил ненужное кровопролитие и разорение множества гнезд и в эту ясную звездную ночь сохранил безмятежный и сладкий сон множества птенцов.

– Хорошо. Есть ли у Вас свое пожелание? – сухо прозвучал вопрос государя.

– Да. Не запрещайте птицам вольно петь!..

– Постараюсь помнить об этом всегда, – глубокомысленно ответил Орел. Крепко пожав крыло Соловью, он удалился к нетерпеливо ждущим его появления гостям. Направляясь к праздничному столу, он вел неторопливую беседу со своим первым вельможей.

– Ваше величество, – говорил первый визирь. – Обещание свободы слова, данное Вами, будит нездоровые страсти равенства и свободы среди невежественных, ибо невежество самонадеянно, а страсти – слепы. Невежественная сила порождает невежественные притязания, невежественные притязания порождают грубые права, разрушения, жертвы.

– Мой друг! Дух равенства и свободы во всей его непреклонности представляет неизбежно временную болезнь тем менее бурную и тем более короткую, чем слабее оказываемое ему сопротивление.

Тем не менее нельзя не опасаться птиц, привыкших определять свои права своими притязаниями, а свои притязания - своею силою. Наша история - печальный пример того, что разрушительный дух проявляется именно в тех местах, в которых облегчается общение. Во избежание всеобщей смуты, могущей разбудить в душах пирующих дремлющие в них пороки и нездоровые страсти, необходимо отменить торжество и объявить военное положение.

– Создание реальной опасности во избежание возможного преступления – плохая политика. Нравы подданных в периоды смуты шатки, но мораль толпы, даже обладающей пороками, строга.

Именно это свойство проявляется в минуты национальной опасности, именно оно вызывает мобильность и стойкость подданных перед лицом всеобщей опасности. Я уже принял меры и считаю,

что их вполне достаточно...

– Громовые раскаты “Ура!” встретили появление царя царей и первого везиря.

В приемной Орла остался только Мгосани и “замешкавшийся” Стервятник. Злобно сверкнув глазами, Стервятник прошипел на ухо Соловью:

– Чего лезешь не в свое дело? Нам всем безделье надоело. Царя давно менять пора, стервятники умней Орла.

– Меняли мы владык не раз и два, а в мире лучше становилось лишь едва от поработанных смен поработаньем, – спокойно и без страха ответил Соловей. – И войн мы видели немало, горы трупов, кровь и слез моря, но разве в мире лучше стало?! И птицы стали хуже, честно говоря... Вот потому, без лишних разговоров, я не хочу ненужных жертв, раздоров, – сказал и вылетел в темноту навстречу неизвестности.

Стервятник, неуклюже переваливаясь на когтистых лапах, вышел к пирующим.

Веселье было в полном разгаре, ни одно обстоятельство не ускользнуло от его внимательного взгляда. Он заметил, что с каждой Вороной сидело по Ястребу. Ястребы до краев наполняли роги и, почти насильно, вливали вино в клювы ворон, затем их, изрядно захмелевших куда-то уводили.

...Пеликан, – он был Тамада застоля – говорил наивитиеватейшие гости в адрес царя царей и осушал задравные бокалы один за другим.

На маленький пятачок, свободный от пирующих, весело выскочили слегка захмелевшие сойки и пустились в лихой пляс Кинтаури. Их Танец сопровождала озорная песня. Цапли, аисты и журавли аккомпанировали им своими клювами:

*Сыр сулгуни, дымный мчади,
Хачапури, дивный мцвади...
Тем, кто любит жирный плов –
Стол для пириества готов!
Поросонек “ест” петрушку,
Подрумянен не на шутку.
Под орехами индюк –
Потерял башку мамлюк.
На жаровнях в раскоряку
Жарят “табака” вприсядку.
Вах-ме! Стол уже накрыт,
Выпить Бахус нам велит.
Долго умолять не надо –
Есть для этого Тамада,
Рог огромный он берет,
Опрокидывает в рот.
...Вай-вай, прежде чем напьется,
В тостах соловьем зальется.
Нажсает так, что вроде
Не бывает и в природе!
Или Бог он, или жулик-
Пустобай, болотный кулик...
Тамада! Ах, как ты смешон,
Бог такого сам ведь лишен!
Полно, братцы, чепуха,*

Кто на свете без греха?!

Грех в раю не ценится-

В аду солнцем светится...

Рай в аду и ад в раю

В нашем солнечном краю.

Джан!

Под общий смех и веселые шутки танцующие юркнули за столы и скрылись.

Орел, скрепя сердце, тоже заплодировал Сойкам (слишком свежо было данное Соловью обещание...), но в душе его, все же остался осадок от шутливо преподнесенной откровенности. Теперь он понял, почему “откровенность всегда цинична”...

Стервятник оставил веселую шумную компанию и тайком последовал за ястребами, волочившими очередную жертву. Проследив за ними, он понял, что их всех побросали за решетку в глубокую тюремную яму. Когда ястребы ушли, Стервятник заглянул к заключенным.

Мрачная картина представилась его взору: в углу болталась повешенная, не в меру разговорчивая ворона, из-за которой и произошел этот досадный срыв. Собратья сами вынесли ей приговор. Сбившись в кучу, еще не совсем протрезвевшие, пьяными голосами пели вороны разбойничью песню, обвиняя свою судьбу:

С тех пор как свод небесный

Прикрыл сей Мир чудесный,

Предательство гуляет среди нас,

Слегка таясь при этом

Цветет махровым цветом,

Сплетая для болванов тенета.

То ли еще будет покуда

Живут среди нас Иу...

Э, нет все это клевета-

Не изобретал предательства Иуда.

Предательство - оттуда,

Предательства гнусный пример

Посеял в мире Люцифер.

Вот и сейчас пьянчужку он попутал,

А нам все карты перепутал.

Когда бы Вельзевул

Пьянчужку не надул.

Отличный мы б устроили разгул...

Стервятник не стал дожидаться, когда вороны допоят свою песню и сорвавшись с места умчался в ночную темноту.

...Кто-то сцапал в темноте Соловья, слышались грубые ругательства, возня, затем злобный шепот:

– Дави его, дави... Его еще Платон сделал изгоем, изгнал из своего Государства, а мы только сейчас, очухавшись, поняли как прав был старик...

Мирно спало птичье царство, если не считать брошенных в глубокую яму.

Мирно спала земля. Сладко попискивали во сне птенцы и поглубже зарывались в теплые перья своих матерей...

Над гнездами, в темном небе, мерцали ясные звезды счастья и... только Сова всевидящими во тьме глазами видела все. Видела, как без единого стога и мольбы о

пощаде погиб маленький герой, бескорыстно отдавший свою жизнь за это мирное звездное небо. Видела, как пролилась его алая кровь...

Тоскливо ухала Сова: “Донор... Донор... Донор...” Давид бережно свернул свиток, осторожно положил его на прежнее место и в глубокой задумчивости вышел из библиотеки...

Тамаз Тавадзе

Волшебный мир фантазий

Здравствуйте, мои маленькие друзья!

Вы хорошо подготовились к походу в страну Фантазии? На вашем столе аккуратно разложены карандаши или фломастеры, альбом или бумага для рисования? Тогда: “Снип, Снап, Снурре”, – сказка начинается, и создавать ее будем мы с вами.

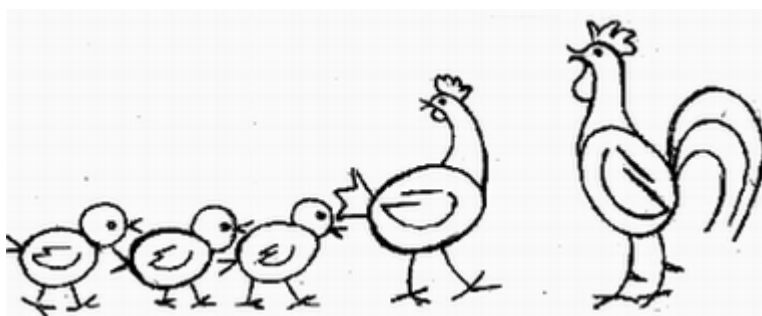
Маленький, желтый, пушистый цыпленок вылупился из любопытного яичка (это мы помним?!). Еще будучи яйцом, он решил, что весь мир состоит из яиц, и все это его родня, которую он искал и находил повсюду: и в ромашке, и в грибе, и в солнышке...

Но сегодня у него не было никакой возможности заняться своим любимым делом. С раннего утра в курятнике царили шум и суматоха. Мама Курица очень волновалась. Она то и дело ловила своих шустрых, разбегающихся цыплят, чистила им головки и спинки, приглаживая каждую пушинку; затем она начинала прихорашиваться сама. И снова ловила одного из своих деток, приглаживая его взъерошенные пушинки. И было от чего волноваться. Сегодня Курица должна была впервые показать свой выводок строгому жюри птичьего двора, а главное, познакомить их с отцом, крикуном и забиякой, красавцем-петухом Петей.

Петух тоже очень волновался, поминутно распускал свой красивый разноцветный хвост и, хлопая большими крыльями, взлетал на забор и громко и заливисто выводил: Ку-ка-ре-ку-у-у!



Наконец Курочка решила: “Пора”. И чинно вышла из курятника, за ней строго друг за другом, как учила мама, шагали ее пушистые желторотые цыплята.

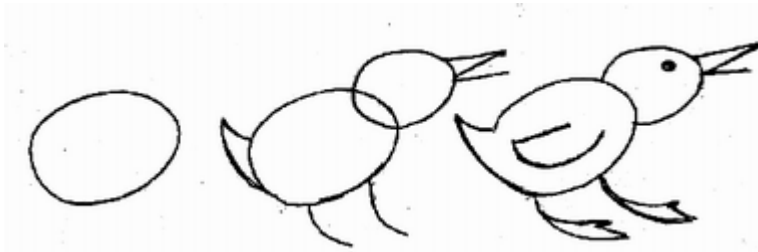


От счастья и расправившей его гордости Петя взлетел на мусорную кучу и громко закричал: “Сюда! Все скорей сюда! Полубуйтесь на моих деток. Во всем мире нет таких прекрасных птенцов и такой способной мамы, как моя Курочка-Пеструшка!”

– Га-га-га! – загоготали сонные гуси.

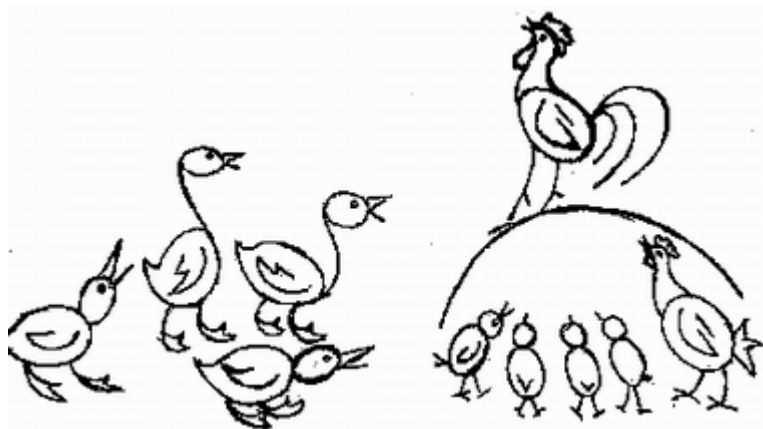


- И зачем, спрашивается, поднимать такой шум?! Все равно наши гусята самые лучшие в мире. Вот увидите!
- Кря-кря-кря! – вторили им утки:



– Зря ты, Петя, шумишь! Для каждого родителя свои детки самые лучшие. Но когда ты увидишь наших утят, ты сам согласишься, что нет в мире лучше и краше птенцов!

Но петух никого не хотел слушать. Он гордо возвышался над остальными и с восторгом самозабвенно кричал: Ку-ка-ре-ку-у-у!



От этого шума у нашего любопытного цыпленка закружилась голова, он перестал слушать, о чем спорят взрослые, важные птицы, и стал разглядывать обитателей птичьего двора. Обнаружив в каждом из них спрятанные под перьями яйца, и не одно, он тихо, радостно засмеялся:

- Глупые взрослые, о чем они спорят, ведь мы все так похожи. Мир един, и он великолепен!

Счастливый от открывшейся ему истины, он сладко заснул в тени большого странного цветка, скорее всего, его двоюродного брата, с черным желтком посредине огромного зелено-желтого яйца. Под шум птичьего двора, на котором никак не могли успокоиться и решить, чьи дети лучше, он улыбался во сне и шептал:

- Мир един и прекрасен! Все мы родные друг другу.

И лишь в одном наш мудрый цыпленок был согласен с петухом:

- Моя мама – лучшая мама в мире!



Страничка юного поэта.



Ранние стихи (15 лет):

Здравствуйте, юные друзья! Вот и настал день нашей встречи в школе юных поэтов. Для начала посмотрим, что получилось у тех, кто выполнил первое задание:

Вика, 4 года:

Дети – светит
Ковер – топор
Комета – одета
Листва – раз – два
Дубрава – кто сказал “мя”.

Листья на деревьях
весело шумят.
Я с братишкой Борей
Шагаю в детский сад.

Боря, 9 лет:

Дети – сети
Ковер – шофер
Комета – ракета
Листва – молва
Дубрава – забава.

Листья на деревьях
Весело шумят.
Пчелки над цветами
Весело гудят.

Ярким солнцем залит
Наш любимый сад.
Тень в жару нам дарит
Сладкий виноград.
Радостно качели
К небесам летят.

А теперь я хочу представить вам еще одну юную поэтессу Анну Аугст

Перевод из Гёте:

Goethe

Аниша

Ich ging im Walde
So für mich hin,
Und nichts zu suchen,
Das war mein Sinn.

Я шел по лесу
В прекрасный день.
Ничего не искать –
Была моя цель.

Im Schatten sah ich
Ein Blümchen stehn,
Wie Sterne leuchtend,
Wie Äuglein schön

В тени я увидел:
Цветочек стоял,
Как облачко нежный,
Как красный коралл.

Ich wollt es brechen,
Da sagt es fein:
Soll ich zum Welken
Gebrochen sein?

Хотел я сорвать,
Но цветочек сказал:
“Я должен погибнуть,
Коль ты пожелал?”

Ich grub“s mit allen
Den Wurzeln aus,
um Garten trug ich“s
Am hübschen Haus.

Я выкопал стебель
С корнем целиком
И понес его в садик
В свой отчий дом.

Und pflanzt es wieder
Am stillen Ort;
Nun zweigt es immer
Und blüht so fort.

Посадил его снова
У лавки в тени,
И цветет он как прежде –
Вся жизнь впереди.

* * *

Сменяет узоры полуденный луг,
Кровянеет каждая жилка.
Еще не сморил прилесье плуг,
Милосердствует сенокосилка.

Вопит о прощенье заоблачный снег
И льется слепыми слезами.
И молятся горы о лете во сне,
Покрытые снова лесами.

Из ясных окон получают два
С остальным нераздельные ока,
Чабрецом и Алгеткою пахнет трава,
И от этого мне одиноко.

Более поздние (17-18 лет)

* * *

Могу я прижать к груди
Обрезок любимой ткани,
Лобзать устами ковыль,
Бокала хрустальные грани.

Могу я сыпать овес
Себе на лицо и на шею,
Могу я понюхать навоз,
Который под ивой тлеет.

Могу я баюкать терний
Над Бога воскресшим телом
И крест на себя наложить
Окаменевшим мелом.

Могу неплохой быть сестрою
Миндальной речушке Вере
Или браздистой корою,
Которая дерево греет.

Могу я с золой побрататься
И млеть испаленной недугом,
И когда-нибудь, может статься,
Как поэт, себе стану другом.

* * *

Вот и я уезжаю...
Из соленой, зеленой, гористой,
Вот и я уезжаю
Из Грузии свято-пречистой.

Ну что ж, по дороге, в единственный путь,
Обратного нету билета.
Как веревку дальше нельзя оттянуть –
Впереди немецкое лето.

Вот и я уезжаю... В последние дни
По-прощальному город светел.
Вот и я уезжаю... А вам напослед
Душистый и грустный ветер...

К Натали

Ваш взгляд задумчив, Натали.
Который день вам нет покоя
От той чудовищной тоски,
Которую встречают стоя.

Ваш взгляд потух, глаза устали
Искать огонь в других глазах.
Ваш лоб горяч, а руки холоднее стали,
Нащупавшие вместо сердца прах.

Не бойтесь, Натали, я с вами рядом,
Да и не так уж много в вашей чаше яда.
Хотите, выпью я за вас?
Поверьте, я готова, хоть сейчас!

Мужайтесь, Натали, не надо злиться
И мстить кому-то за свою беду.
Поверьте мне и вытрите ресницы,
Ведь вы у Бога на виду.

Помилуйте! За что меня-то?
Моя любовь неужто так грешна?
Я вас обидела когда-то?
Своею дружбой обошла?

Ну что ж, платите щедрою монетой:
Пусть ваша зависть мне оплатит боль.
(О Боже! Как ужасна при внезапном свете
Обличье скинувшая голь!)

Вот ваша сдача, Натали:
Я вам дарю свой горький опыт –
Пустые из-под меда соты.
Мы квиты, Натали!

* * *

Отвори дверь – здесь пахнет вздорной землей,
Выйди на распаханное ветром поле,
Высей семена своей жгучей боли,
Пусть вырастут зеленой травой.

Отмахни от себя тоски дуновенье
И не дай ей выклевывать семена.
Построй на холме радужные города
И захлопни окно сомненья.

Прикрой ветхой крышей свое жилище
И взрежь ножом мешок с солнцем.
Не становясь рабом, богомольцем,
Лети все выше, выше...

Взгляни в необъятную прорубь неба,
Нанижи на свой ум Вселенную,
Раскроши комок радости тленной
И отдай другим корочку хлеба.

Замени серый зонт на зеленый –
Таким цветом пахнет земля.
В глубине колодца клокочет твое “я” –
Зверь избитый, мореный.

Отвори, отмахни, прикрой,
Взгляни, замени и помни:
Мудрой ткани покрой
Шит всегда ниткой темной.

Вы еще не пробовали писать стихи? Тогда давайте начнем сегодня. Вы можете выполнить задание из первого номера журнала, как сделали это Вика и Боря, и присовокупить к нему задание № 2. А можете сразу начать со второго задания, но это будет сложнее. Вот оно:

1. Здравствуй, осень золотая,
Светом солнца залитая...

Постарайтесь дописать четверостишие и написать большое красивое стихотворение.

А теперь усложним задание. Выберите по две понравившиеся вам рифмы и, используя их, напишите стихотворение.

Удачи! Ждем с нетерпением ваших ответов.

Вы когда-нибудь пробовали сочинять? Попробуйте, это очень интересно. Для начала можно попробовать изменить или продолжить любимую сказку. Меня об этом часто просят мои внучата, они не любят грустных и, по их мнению, несправедливых историй. Так, в сказке о Красной Шапочке волку обязательно зашивают живот и отправляют в зоопарк, где он всегда сыт и очень радуется своим видом детей.

А вот как мы рассказываем сказку про Курочку Рябу:

Курочка Ряба.

Жили-были дед и баба, и была у них Курочка Ряба. Снесла Курочка яичко непростое – золотое. Дед бил его, бил – не разбил, баба била, била – не разбила. Положила на окошко. Мышка бежала, хвостиком махнула, яичко упало и разбилось. Дед плачет, бабуля плачет, а Курочка кудахчет:

– Не плачь, дед, не плачь, баба. Снесу я вам яичко не золотое, а простое.

Так она и сделала. Разбили они яичко, поели яишенку, вкусно!!!

А потом снесла опять Курочка золотое яичко. Рассердился на нее дед, разворчался:

– Зачем мне такое яичко, ни разбить его, ни съесть.

– А ты, дедушка, яичко не бей, не ломай. Я на нем посижу, перышками его погрею, и вылупится из него мой сыночек, золотой цыпленочек, – отвечает ему Курочка Ряба.

– Ну ладно, будь по-твоему, – согласился дед.

Унесла Курочка яичко в свое гнездышко, мягко, тепло уложила, сама в гнездышко села, перышками яичко заботливо укрыла, согрела.

Прошло время. В один прекрасный день застучало что-то в яичке:

– Тук-тук-тук.

Треснула золотая скорлупка, и выскочил из нее цыпленочек, пушистый-пушистый, совсем золотой, как маленькое солнышко. Сбежался весь двор на него посмотреть. Всем цыпленочек понравился. На радостный шум, что во дворе поднялся, бубушка-филин прилетел, посмотрел на цыпленка да и говорит:

– И вправду, хорош птенец, пустите-ка, я его съем.

Только кто же ему золотого цыпленка отдаст – дружно прогнали филина со двора, а цыпленок остался на радость всем расти. Рос, рос и вырос из него красавец: Петушок-Золотой Гребешок, масляна головушка, шелкова бородушка, перышки цветные, сапожки золотые. Петя рано встает, на работу всех зовет. Нам проспаться не дает.

Понравилась наша сказка?

Тогда попробуйте сами придумать новый конец к старой истории или придумать новую интересную сказку. Пишите.

С нетерпением будем ждать, что у вас получилось.

ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

На первый взгляд, человечество зашло в тупик и не способно справиться с такими невероятно сложными и неразрешимыми проблемами, как: терроризм, экологические катастрофы, невообразимо огромный потенциал ядерного оружия, бездонная пропасть бездуховности, СПИД, наркомания, бандитизм и т.д. ...

“А ларчик просто открывался”, и ключ к нему дан нам Иисусом Христом:

“Не судите, да не судимы будете”.

Как бесконечно просто!

Так почему же постоянно нарушается так легко выполнимая заповедь?

Потому что она нуждается в действенном осмыслении наблюдений и в опыте, полученном в результате этого осмысления. И тогда человек поймет, что означает приведенная заповедь, и как ее соблюсти.

Понаблюдайте за любой беседой людей, где бы она ни велась: в маршрутном такси, в парламенте, в телевизионной передаче и т.д. И вы заметите, что в каждой из них вновь и вновь вспоминают о прошедших событиях и “судят” о них...

Суждение о прошлом – это чаще всего осуждение. У каждого человека невольно появляются свои мысли о прошлом и свои взгляды на него, и начинается столкновение точек зрения разных людей, самовлюбленное их разглядывание, растолковывание все громче и громче и ... Очень хорошо известно, чем кончаются эти “рассмотрения”, самое малое – остается в конце неприятное ощущение, а чаще все кончается явными сплетнями или столь же явным раздражением.

Материала для сплетен у человека сколько угодно! Неисчерпаемые запасы! В прошлом всегда отыщется материал для высказывания суждения, собственного мнения о нем ... Выходит, что всякая беседа о прошлом завершается осуждением? В основном да.

Хотите, проведите такой опыт: предложите горячо спорящим побеседовать о будущем. Очень скоро воцарится мертвая тишина.

Почему?

Да потому, что рассуждать о прошлом много ума не надо, и не удержать невежественного человека от осуждения. А чтобы говорить о будущем, нужна богатая фантазия и большой интеллект. Наличие их обоих вместе или по отдельности – очень большой талант сам по себе, и потому так редки люди, беседующие о будущем, да и сами такие беседы очень редки.

Не говорите о прошлом, о религиозных различиях, о национальных вопросах, о политике. За такими разговорами следует осуждение, споры и в конечном

итоге неприятности. Так разъединяются люди, сообщества, народы.

Разговор человека – зеркало его душевного состояния, поэтому стоит, ради возвышенного состояния своего духа, проанализировать, о чем мы беседуем.

О прошлом?

Господи, кажется, я скатываюсь к осуждению...

О будущем? Да еще о моменте надежды?

Прекрасно, я верен своей душе!

Не менее важно для мыслящего человека внимательно анализировать, зачем он делает то или иное дело. Дело само по себе остается делом, главное – что движет тобою, ибо движущим мотивом определяется ценность поступка человека в духовном измерении.

Один богач щедро раздавал золото, но ... лишь в ожидании награды. Очень много золота раздал он, чтобы заслужить славу добродетельного человека. Однажды Учитель послал ему камень – это, мол, камень, упавший с небес... “Ну и пусть с неба упал этот черный камень, на что он мне сдался?” – и выбросил его в реку... Когда пришедший Учитель спросил: “Я послал тебе камень, упавший с неба, за твою добродетель, оценил ли ты тот огромный алмаз, что был вложен внутрь камня?” Охнул богач и бросился вниз головой в реку, все ниже и ниже опускался он на дно реки, да так и утонул вместе со своей обманутой надеждой.

Пора человеку осознать, что любое осуждение по отношению к другому есть проявление собственного душевного несовершенства. Человек, обладающий высокой духовностью, не способен на осуждение и сплетни. Лишь низкая душа эгоиста все ищет злорадно, за что бы уцепиться, чтобы осудить. Любая мысль для него – лишь пища для осуждения, и он, внешне сочувствуя только для того, чтобы себя выставить в лучшем свете, незаметно высмеивает других. Такое сочувствие – уже грех, так как за счет ближнего происходит собственное “возвышение”.

Никакая высокопарность не скроет то низменное коварство, с которым мы обманываем самих себя, а другие обманываются в нас. Не может быть великой душа и возвышенным мышление там, где есть посрамление и осуждение.

Осуждение, высказанное с целью “оказания помощи”, часто идет от душевного высокомерия, гордости и тщеславия. Унижая и высмеивая кого-то, стоящего рядом, человек упивается фальшивым достоинством, которым награждает его другой человек, низкий, как и он сам, но льстиво настроенный по отношению к насмешнику. А желание обсуждать недостатки других вызвано отсутствием у людей чувства

возвышенного человеколюбия.

Как помочь этим людям?

Самое верное средство – предложить им поговорить о будущем. Если это не удалось, предложить помолиться. Если и это не поможет, выполните свой долг, моля Господа избавить людей от греха осуждения.

Знайте, что люди, распространяющие любую негативную информацию или поддерживающие распространение таковой и ничего не делающие для пресечения ее распространения, совершают великий грех перед Богом.

В любую историческую эпоху, в любой политической обстановке великая душа не осуждает, а ищет цель и смысл испытания, ниспосланного Господом и использует трудности, как пути и возможности для своего духовного роста в этот переходный период. Широчайшие возможности щедро вкладывает Творец в самые тяжелые испытания для всех, кто способен их взять и использовать. Конечно, душа низменная этого и не поймет, и не использует... Отсюда столько несчастий и осуждение, осуждение, осуждение...

И, наконец!..

Разговоры о прошлом, национальности, политике, религии и нужны и даже обязательны для людей, беседы которых между собой не ведут к столкновениям, когда люди собираются с желанием найти истину и пути улучшения положения. Выходит: “Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку”.

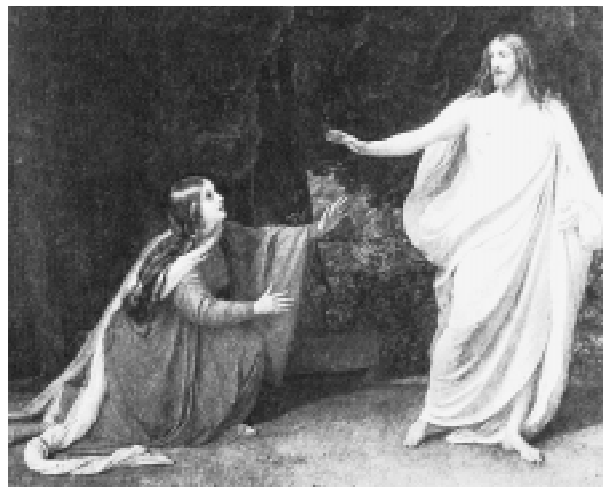
Не суди!

Мы уже знаем, что вскармливает беседа о прошлом и чем питается она сама. Поэтому ясна вина бесед о прошлом между любимыми невежественными, необразованными людьми, ведь у них отсутствует духовность.

Что питает тех, кто постоянно конфликтует и спорит по вопросам национальности?

Человек, говорящий о национальности, если природа его эгоистична, ошибочно объединяет свои личные качества, лишённые какой-либо исторической ценности, с великим историческим прошлым своего народа и обретает кажущиеся, призрачные достоинства. Подобное самовозвеличение – ни что иное, как паразитирование. Именно такие опьяневшие от ложной гордости люди и совершают преступления перед историей и интернационализмом.

Национальный паразит не считает нужным для себя расти и развиваться в том, что он присвоил и эксплуатирует. От него не дождешься тех дел и добра, которые возвеличивают нацию и ее историю... Он лишь самовлюбленный паразит и после него остается только разрушение, разграбленное, разбазаренное народное достояние и нищета других. Не говорите о нации перед народом, не имея собственных заслуг перед ним, это лишь осуждение кого-то и за что-то для удовлетворения собственной гордыни.



Не суди!

Противостояние в политике чаще всего – лишь защита личных интересов. Красивые слова, прекрасные лозунги производятся только для того, чтобы прикрыть порицание других. Ни одна партия на земле не выполнила своих обещаний. К тому же партийные интересы затрагивают лишь одну группу людей, не принося никакого добра другим, а зачастую ущемляя их права. А партийные лидеры при этом думают, что управлять судьбами людей могут только они. Это уже диктатура, скрытая тирания, оскорбляющая достоинство человека. В идеале различия между партиями должны касаться различия путей, ведущих народ к Всеобщему Благу, целью любой партии должно быть благо для всего народа, а не для лидеров партии, ее членов. А если это так, то к чему столько партий?

Не суди!

Противопоставление религий – самая большая ошибка. Ибо религиозное чувство – самое тонкое, светлое, требующее уважения в любом человеке. Необыкновенным примером, достойным подражания, в этом отношении является наш грузинский царь – Святой Давид Строитель.

Не говорите о противостоянии религий.

Не суди!

Так что же это за прошлое, политика, национальности, религии – если не то же самое Будущее Человечества?!

Мир всем!

и

Благо всем!

АМИНЬ

Тамаз Тавадзе

Статью с грузинского перевела Тамара Преображенская-Агаджанова